

Нодар Думбадзе. Я, Бабушка, Илико и Илларион

БАБУШКА

Справа от моего села протекает река Губазоули, слева - небольшая речушка Лаше, кишачая крабами, бычками и босоногими мальчишками. Через Губазоули перекинут мостик. Каждой весной взбушевавшаяся река уносит его, оставляя только торчащие из воды черные сваи. И все же мое село самое красивое и веселое в Гурии. Я люблю его больше всех сел на свете, потому что нигде не может быть другого села, где жили бы я, бабушка, Илико, Илларион и моя собака Мурада... Моя бабушка - мудрая женщина.

Она постоянно твердит мне:

- Учись, негодяй, учись, а то неучем останешься!

О науке у бабушки своеобразное представление. Однажды, когда я сидел на балконе и во весь голос твердил наизусть правила из грузинской грамматики, бабушка спросила:

- Что это ты там зубришь, сынок?

- Лицо глагола, бабушка!

- Что? Где это слыхано - лицо у глагола! Лицо может быть только у человека!

- Это другое лицо, бабушка, совсем не то, что ты думаешь.

- Лицо на свете одно. И все.

- Ладно, - сказал я и захлопнул книгу, - отвечай тогда, что такое лицо.

- ЛИЦО - это... ЛИЦО!

- Садись, бабушка. Урока не знаешь, ставлю двойку!

- Я тебе покажу двойку, прохвост! Сию же секунду иди и привяжи козу, не то так взгрею - своих не узнаешь!

- Хорошо, еще один вопрос задам и пойду. Сколько существует лиц?

- Лиц столько, сколько людей на свете. Но лицо дано не для того, чтобы такие гримасы строить, болван! У одних лицо худое, у других - круглое и толстое, у третьих - вообще не разберешь какое, размазня одна. А еще бывают лицемерные и двуличные люди.

- Жулики тоже бывают, - сказал я.

- Правильно! Например, наш почтальон. Сдирает с конвертов марки, а потом говорит - без марки, мол, было, давай рубль.

- А я какой, бабушка?

- Ты? Ты прохвост, шалопай, бездельник, плут, пройдоха и нехристь к тому же!

Нет во всей Гурии женщины, которая могла бы проклинать лучше, чем моя бабушка. Но мне не страшны ее проклятия - однажды бабушка обмолвилась: "Уста мои проклинают, а сердце благословляет тебя..." Надо сказать, моя бабушка весьма отрицательно относится к бездушному решению Наркомпроса, которое обязывает учащихся ежедневно высиживать в школе полные шесть уроков. Хотя лично я никогда не давал ей повода для этого. Свой учебный день я, как правило, еле дотягиваю до четвертого урока. Потом уже теряю всякое представление о времени и пространстве и голосом, несколько громче обычного, спрашиваю соседа по парте:

- Ромули, дорогой мой, что это так долго не звонят? Звонок пропал или сторож?

Ромули скалит зубы, а учитель, указывая на меня пальцем (я показательный ученик!), ласково процеживает:

- Сейчас же встань и убирайся вон! И пока не приведешь родных, чтобы духу твоего здесь не было!

Я не спрашиваю "почему?", так как знаю, что после такой дискуссии в ход обычно пускаются мел и линейка. Я молча беру сумку и фуражку и направляюсь к двери.

- До свидания! - говорю я Ромули.

- До скорой встречи! - говорит он мне и машет рукой.

На второй день я веду в школу бабушку, затем бабушка ведет меня домой, потом опять я веду бабушку в школу, и снова бабушка отводит меня домой и так далее. Можно смело сказать, что десятилетку я и бабушка заканчивали вместе. По-моему, это единственный случай в истории человечества. Я обыкновенный деревенский мальчик. У меня в сумке всегда фрукты, рогатка и пугач. До первых заморозков хожу в школу босиком. У меня всего одни залатанные штаны и по две переэкзаменовки каждый год. Из-за моей собаки Мурады, которая всегда бежит за мной хвостом, в деревне меня называют собачником, в школе - плутом и лентяем, а бабушка раз и навсегда окрестила прохвостом. Настоящее же мое имя - Зурико. Когда бабушка сердита на меня, я ночью в давяльне; как помиримся - я снова перебираюсь в комнату. Днем бабушка, призывая на мою грешную голову грома небесные, гоняется за мной с хворостиной в руке. Ночью она моет мне ноги и, дождавшись, когда я усну, тихо целует... Как я веду себя в школе? На этот счет существует официальный документ - "Протокол заседания педсовета". Выглядит этот документ примерно так:

"Протокол заседания педагогического совета Н-ской средней школы от 18 марта 1940 года.

П р и с у т с т в о в а л и: все преподаватели.

С л у ш а л и: сообщение руководителя шестого класса о поведении ученика того же класса Зураба Вашаломидзе.

В ы с к а з а л и с ь:

П р е п о д а в а т е л ь ф и з и к и: "В природе не существует энергии, которая могла бы расшевелить Вашаломидзе. Мальчик этот - погруженное в жидкость тело, на которое не действует никакая выталкивающая сила!" П р е п о д а в а т е л ь м а т е м а т и к и: "Для меня Вашаломидзе - уравнение со ста неизвестными. Решить такое уравнение я не в силах". П р е п о д а в а т е л ь х и м и и: "Никакой реакции! Сидит и выматывает мне нервы. Это какой-то необычный лакмус: он никогда не краснеет!"

П р е п о д а в а т е л ь р у с с к о г о я з ы к а:

"По-моему, он просто идиот".

П р е п о д а в а т е л ь г е о г р а ф и и: "Познания Вашаломидзе весьма не рельефны. Мальчик или аномальный, или истощенный".

П р е п о д а в а т е л ь и с т о р и и: "Это скорее человек каменного века, чем цивилизованный представитель двадцатого столетия. Невозможно зафиксировать момент нахождения Вашаломидзе в состоянии покоя на уроке. Никакого прогресса. Вашаломидзе - позор для всего класса".

Ш к о л ь н ы й с т о р о ж: "Да что вы пристали к бедному ребенку? Если уж он такой дурак, как же вы его переводите из класса в класс?"

З а в у ч: "Тебя не спрашивают! Твое дело - приходите вовремя и звонить!"

П р е п о д а в а т е л ь г р у з и н с к о г о я з ы к а

(мой близкий родственник): "Я вас не понимаю! Можно подумать, что на этом Вашаломидзе свет клином сошелся! Да кто у вас в классе лучше его? Может, директорский сынок? Круглый

пятерочник, а такого идиота я в жизни не встречал! Сидит на уроках, точно сыч в дупле".

Преподаватель физкультуры: "А почему ты ставишь ему пятерки?"

Преподаватель грузинского языка:
"Попробуй не поставь!"

Завуч: "Замолчите!.. А ты что скажешь, Вашаломидзе?"

Вашаломидзе: "Учитель грузинского языка нрав".

Завуч: "Истукан! Не об этом спрашиваю! Что ты скажешь о себе?"

Вашаломидзе: "О себе? На этот раз простите, а в дальнейшем я исправлюсь!"

Наслушавшись подобных отзывов о собственной персоне, я усомнился было в своей нормальности и здоровье, но счастливый случай рассеял мои подозрения

Пришлось мне как-то целую неделю не ходить в школу - мотыжил кукурузу. А чтобы за пропуски занятий не исключили из школы, требовалась справка о болезни. В те времена в нашей деревне таких справок здоровым людям, к сожалению, не выдавали. Поэтому пришлось уложить меня на один час в постель и вызвать врача.

С утра меня морили голодом, чтобы придать моему лицу болезненную бледность, стянули голову полотенцем, и бабушка отправилась за врачом. Через полчаса врач осадил своего коня в нашем дворе.

- Что с тобой, парень? - спросил врач, присаживаясь ко мне на кровать.

- Умираю... - простонал я.

- Хорошо... А все же, что у тебя болит?

Признаться, такого вопроса я не ожидал и поэтому в испуге взглянул на бабушку.

- Все болит, - сказала бабушка.

- Волосы болят?

- Болят, - простонал я.

В это время в комнату вошли соседи - Илико и Илларион. Они знали о моей "болезни" и тут же вступили в разговор.

- Что-то в последнее время стал я замечать, ослабел наш мальчик, - сказал Илларион.

- Точнее...

- Точнее? Аппетит у него пропал. Прошлый раз насилу заставил мальчика съесть три тарелки лобио и один мчади. И ни куска больше!

- Да ну? - удивился врач.

- Тобой клянусь!.. Раньше, бывало, он съедал еще головку сыра, а в тот день как заупрямится - "не хочу да не хочу!".

Дома, говорит, уже обедал.

- Это правда? - спросил меня врач.

- Правда, доктор. Как увижу лобио, сразу тошнить начинает.

- Мда... А как насчет жареного цыпленка с чесночной подливкой, или молодого сулгуни с мятой, или Целиком отварной курочки с эстрагоном, или, друг ты мой любезный, может быть, лучше рубец с острой приправой, или, скажем, усач и форель в ореховом соусе? Что скажешь?

- С ума сведет ребенка этот болван, - пробормотала бабушка. Илико не выдержал такого меню и, закашлявшись, выскочил на балкон. Илларион выдержал испытание и стал разглядывать фотографии в альбоме.

- Что еще болит у него? - спросил с улыбкой врач. Потом

снял с моей головы полотенце и заботливо утер мне слюни.

- Еще... чихает! - ответил Илларион.

- А моча у него какая?

Тут и Илларион не нашелся, что ответить.

- Какая у него моча, Илико? - обратился он к вернувшемуся в комнату Илико. - Моча? - не растерялся тот. - В последнее время, прямо скажу, не нравится мне его моча.

- А раньше была хорошая?

- Изумительная!

- На что еще жалуетесь, молодой человек?

- Хи-хи! - кашлянул Илико. - Еще он немного. того... - И

он выразительно покрутил пальцем у своего виска.

Я понял, на что он намекал.

- Да?.. А ну, сколько это? - спросил врач и поднес к моему носу растопыренную пятерню.

- Семь! - сказал я и как можно глупее улыбнулся.

- Правильно! - воскликнул врач.

Илларион от удивления выронил очки, бабушка в испуге отшатнулась. Врач вывернул мне веки, опустил, потом снова поднял, заглянул мне в глаза, с сожалением покачал головой и спросил:

- Родственников и близких узнает?

- С трудом, - вздохнул Илларион.

- Так... Кто этот человек? - спросил меня врач, указывая на Илико.

- Это не человек, это зверь! - сказал я и придал своему лицу такое идиотское выражение, какого и Илико не ожидал.

- Зурико, это же я, твой дядюшка Илико, неужели не узнаешь? - сокрушенно произнес Илико.

Я отрицательно покачал головой и скосил глаза к переносице. Бабушка закусила нижнюю губу и схватилась за голову.

- Чем лечите больного? - спросил врач.

- Виски натираем водкой.

- Принесите сюда эту водку!

Бабушка торопливо принесла бутылку с водкой.

- Подайте мне чайный стакан!

Подали. Врач наполнил стакан и начал:

- Положение ребенка весьма серьезное, боюсь, не протянет до утра, Нужно немедленно везти его в больницу на операцию!

- На какую операцию?! - вскочил я с постели.

- Придется вскрыть черепную коробку...

- Только через мой труп! - вскричала бабушка. - Ишь ты, "вскрыть черепную коробку"! Это тебе не тыквами Да что ты понимаешь в болезнях? Мальчик здоров, как бык, а он - "в больницу"! Вставай, сынок, вставай, а то и впрямь он загонит тебя в могилу!

- Ну, вот и отлично! Здоров, говорите? Дай бог и впредь всем вам здоровья! - сказал с улыбкой врач и опрокинул в рот стакан.

- А закусить? - сказал Илларион и подал ему грушу.

Врач аппетитно, с хрустом откусил грушу, потрепал меня по щеке, простился со всеми и, направляясь к выходу, сказал:

- А такого здорового мальчишки действительно во всей деревне не найдешь.

Потом он вскочил на коня, помахал рукой и ускакал...

ОХОТА

Спустя неделю после моего чудесного исцеления к нам во двор зашел Илларион. Он прилег на траву под грушевым деревом, закурил самокрутку и, сладко потягиваясь, спросил:

- Ну, что, собачник, перенес операцию?

- Вам всем, конечно, начхать, а я чуть было не погиб!

- Скажи, пожалуйста! "Погиб"! А какая тебе грозила опасность? Ну, вскрыли бы твой паршивый череп и тут же бы и захлопнули. Чего копать-то в пустоте?

- Ладно, ладно... "В пустоте"... Зато ты да твой дружок Илико - ума палата!

Помолчали.

- Что это твоей собаки не видать? - спросил Илларион, и в тот же миг, словно в ответ на его слова, раздался отчаянный собачий визг.

- Убью скотину, убью! Пропади ты пропадом, Зурукела-негодник, вместе со своей собакой! И где ты ее откопал. эту безродную тварь?! Слыханное ли дело! сперва таскала яйца из-под наседки, а теперь принялась за цыплят! По тропинке между изгородями, громко голося и размахивая палкой, ковыляла соседка Ефросинэ. Перед ней, жалобно скуля и волоча заднюю ногу, бежал мой бедный Мурада.

- Держи его! - вопил из своего двора муж Ефросинэ. - Да что ты раскричалась, баба! Что случилось?! выскочила из дома бабушка. - Это кто же, по-твоему, безродная тварь? Наш Мурада? Да он, если хочешь знать, породистее твоего мужа и всей вашей родни!... Проваливай лучше, пока не поздно! Безродный... Да я за него с двух доек сыр отдала мельнику Симону!

Ефросинэ, которая больше всего на свете боялась бабушки,

тотчас же повернула обратно, а Мурада с видом оскорбленного достоинства прилег у моих ног. Не сводя глаз с удалявшейся Ефросинэ, он жалобно повизгивал. Как только женщина скрылась за поворотом, собака умолкла.

- Здравствуй, Мурада! - поздоровался с собакой Илларион.

"Здравствуй!" - ответил про себя Мурада и приветливо вильнул хвостом.

- Ах ты, лисья порода! - улыбнулся Илларион, доставая изо рта собаки цыплячий пух. - За что тебя пробрали?

"А бог их знает, - проговорил про себя Мурада, - оставляют без присмотра цыплят на улице, а потом еще обижаются..."

- Крепко досталось тебе?

"Порядком", - ответил про себя Мурада и взглянул на ушибленную ногу.

- Не огорчайся, пройдет...

"Да не так уж и больно, как хотелось бы Ефросинэ", - улыбнулся Мурада, тряхнул ушами и стал лизать Иллариону руку.

- Что с его мордой? - спросил меня Илларион.

- Обжегся, дурак. Вчера вздумалось ему стащить со сковороды мчади, вот и угодил носом в огонь...

- Это правда, Мурада?

"Эх, на сей раз не повезло, поторопился малость", - вздохнул Мурада и облизнулся.

- Да ты, брат, не собака, а настоящее сокровище! - произнес с уважением Илларион. - Вот этот собачник, гляди, какой верзила вымахал, а все на бабушкиной шее сидит, а ты уже сам о себе заботишься. Молодец! Однако воровать все же нельзя, это ты учти! Краденый кусок впрок не идет. Вот хоть возьми нашего завскладом Датико, - близок его смертный час. А какой

ненасытный был, все ему мало. Теперь вот валяется в постели, как списанный товар. Слышишь?

"Слышать-то слышу, да что с того? Все воруют, а я что, божий агнец В конце концов я обыкновенный пес", - возразил про себя Мурада.

- Ладно, иди к себе и не вздумай убежать со двора, не то поколочу, сукин ты сын! - сказал я и легонько пнул собаку ногой. "Не ругайся!" - огрызнулся Мурада и, поджав хвост, побрел восвояси.

Илларион скрутил самокрутку, затянулся и сказал:

- Утром обошел я колхозные поля, побегии сои сплошь обглоданы, не иначе, как зайцы шалют... Следы видел... Не мешало бы пройтись завтра утром с ружьем...

- Знаю я твоих зайцев! Прошлый раз ты тоже потащил меня, а заячьи следы оказались козьими.

- А сейчас, говорю тебе, - заячьи! Кроме того, помет заячий!

- Ну ладно, пойдём. Смотри только, как бы заячий помет тоже не оказался козьим!

- Не учи меня, сопляк! Приготовь-ка к утру ружье да захвати своего глупого пса, авось пригодится... - сказал Илларион, нахлобучил мне по самый нос фуражку и ушел.

На другое утро, чуть свет, мы пробирались сквозь высокую - по колено - росистую траву. Впереди шагал Илларион, за ним - я, за мной трусил весь мокрый, облепленный репьем Мурада.

- Вот это собака! - насмеялся Илларион. - Никак за зайцев нас принимает - по следу идет. Скажи ей, пусть бежит вперед!

- Марш вперед! - приказал я собаке.

Мурада послушно сел.

- Устал пес. Может, и нам отдохнуть и перекусить чего-нибудь, а? - спросил Илларион и опустился на землю.

- Что ж, отдохнем, - согласился я и уселся рядом.

Илларион извлек из сумки вареную курицу, мчади, молодой сыр, бутылку виноградной водки и разложил все это на большом круглом камне. Я, со своей стороны, прибавил к столу пхали (блюдо из травы с острой приправой) из крапивы, лобио, вареную картошку, соль. И пиршество началось.

- Смотри, Илларион, не чавкай громко, зайцев распутаешь! - предупредил я.

- Ты над кем смеешься, урод? Зайцев здесь хоть пруд пруди, только искать их нужно с головой! - рассердился Илларион.

Он наполнил стакан водкой и, произнеся обычное "будем здоровы", осушил его.

- Будем здоровы! - сказал я и тоже выпил.

- Закуси чем-нибудь, сгоришь!

- Подумаешь! Не видал я сивухи!

- Мерзавец! Сивуху поищи у своей бабушки! .. Ну, давай по второй!

- Давай! - охотно согласился я, выпил и вдруг развеселился. Ну и пробирает! Бьет прямо в почки!

- Еще бы - чистая чача (по-грузински и "почка" и "виноградная водка".)!

- Выпьем по третьей, - предложил я.

- Выпьем!

Илларион быстро опрокинул в рот стакан и достал кисет с табаком.

- На вот, возьми мой кисет, табак у меня знатный: стамбульский! - сказал я, протягивая полный кисет.

Илларион взял кисет, понюхал табак, подозрительно взглянул на меня, но все же скрутил козью ножку, зажег, затянулся и... опрокинулся на спину.

- Что с тобой, Илларион?! - кинулся я к нему.

Илларион лежал побледневший, с закотившимися мазами и молчал,

- Мурада, скорей воды! - крикнул я.

Илларион отрицательно покачал головой, медленно приподнялся, долго смотрел на меня покрасневшими глазами, потом глубоко вздохнул и спросил голосом приговоренного:

- Откуда у тебя этот табак?

- Илико подарил. А что?

Илларион наполнил стакан, смахнул слезу, потом простер руку к небу и медленно, торжественно произнес:

- Боже всесильный, покарай всех жуликов и подлецов на свете! Ниспошли на Илико Чигогидзе кару, чтобы корчился он в адских муках и некому было бы подать ему руку помощи, кроме меня! Аминь!

- В чем дело, дядя Илларион?!

- К табаку примешан перец!

- Ну, тогда выпьем по четвертой, и пусть бог накажет Илико! - сказал я, выпил, и вдруг мне захотелось поцеловать длинный нос Иллариона.

- Дядюшка Илларион, дорогой мой, ты лучше всех на свете! Если б ты знал, как я тебя люблю! У тебя длинный нос и доброе сердце. Если бы не ты, мне б вообще незачем жить на этом свете. Поверь мне, дядюшка Илларион! Дай-ка я тебя поцелую!

- Ну, говоря откровенно, Зурико, дорогой, другого такого мальчика, как ты, и свет не рожал! Это пустяки, что я старше

тебя на тридцать лет! Был я твоим ровесником! Был. Будешь ты моим ровесником! Будешь. Спрашивается, какая между нами разница? Никакой. Разве имеет значение, у кого больше волос на голове? Не имеет. Мы друзья! А потому - выпьем...

...Средь друзей хожу печальный, Я, Симона, эх, Долидзе...

затянул я песню.

- Как это - "печальный"? Что тебя печалит, дорогой? В школе обижают, да? Так вот, запомни мое слово - спалю я вашу проклятую школу! Или, может, враг у тебя завелся? Ты только скажи мне, кто он!

И Илларион потряс ружьем.

- Давай, пли, Илларион! Пусть узнает весь мир, арго мы - это мы! Ау-у-у!..

Илларион спустил оба курка, ружье гроыхнуло. эхо, словно пташка в клетке, долго бросалось от горы к горе, потом, найдя выход, выпорхнуло и умчалось куда-то...

...Я проснулся от холода, протер глаза и огляделся.

По-видимому, Мурада давно закончил завтрак, убрал все со стола и куда-то ушел...

Я разбудил Иллариона.

- Не стой над головой, точно стражник! - огрызнулся он. -

И убери, ради бога, ружье, еще выстрелишь, чего доброго, тогда берегись, расквашу твой дурацкий нос!

- Пройдусь немного, может, зайца встречу...

- Иди, иди... будешь стрелять - не забудь закрыть левый глаз! - крикнул мне вдогонку Илларион.

Не успел я сделать и десятка шагов, как услышал отчаянную ругань Иллариона:

- Вай, чтоб ты околела, паршивая! Дерьмо ты, а не собака!

Лаять, что ли, тебе лень, ублюдок несчастный?!

- Что случилось, Илларион? - подбежал я с ружьем наготове.

- Вот, полюбуйся, пожалуйста, - сказал он, протягивая ладонь. На ней чернело несколько зернышек заячьего помета.

- Совсем еще теплые, понимаешь? - простонал Илларион и стал яростно давить пальцем зернышки. - Заяц только что был здесь, а твой проклятый пес и не учуял его!

- Где ты их подобрал?

- Да говорю же тебе, вот тут, рядом, в двух шагах! Ну-ка, живо, заходи сверху, а я подкараулю здесь! Заяц не мог уйти далеко!

Я взвел курок и медленно двинулся вверх по косогору. Вскоре я увидел общипанные побеги сои и заячьи середы. Они вели к большому кусту орешника. Я несколько раз обошел куст, потом сильно пнул его ногой. Вдруг из куста выскочил заяц - настоящий заяц длинноухий, косой, с белой полоской на спине.

- Держи! - взвизгнул я, словно ошпаренный, и выстрелил.

Заяц, смешно пригнув уши, стрелой помчался вниз.

- Илларион, не отпускай его! - орал я.

- Я здесь, не бойся!

На минуту воцарилась гробовая тишина. Затем я услышал щелканье курка, потом Илларион громко сплюнул, потом что-то плюхнулось, раздались проклятия, стоны, вздохи и потом вдруг:

- Держи, держи, Зурикела, он бежит к тебе!

Я присел и вскинул ружье... Неожиданно где-то внизу бабахнул выстрел, другой, и в тот же миг раздался душераздирающий собачий визг. В глазах у меня потемнело, ноги подкосились, и я без звука опустился на землю...

- Мурада, дорогой, взгляни на меня! - Я поцеловал своего

верного пса и горько зарыдал.

- Не плачь, сынок, возьми себя в руки, - сказал Илларион, смахивая слезу.

Мурада приоткрыл глаза и взглянул на нас. Плакали все трое - я, Илларион и Мурада.

- Тебе больно, Мурада?

"Очень", - вздохнул бедный пес.

- Эх, почему у меня не отсохнут руки и не ослепнут глаза!

- воскликнул Илларион.

"Ладно уж, Илларион, не убивайся... Не нарочно ведь - спяна... Кроме того, знаю же я нрав твоего ружья - из него выстрелишь во врага, угодишь в друга... Помнишь, точно так же ты подстрелил свою собаку... Так что не стоит сокрушаться... Я на тебя не в обиде... Одно досадно: Ефросинэ будет рада! А впрочем, бог с ней, пусть радуется..." Сказав все это про себя, Мурада ласково потерся мордой о колено Иллариона.

- И он должен псом называться, а Илико - человеком! Где же тут справедливость~! - вздохнул Илларион.

- Мурада, крепись, дружище! Потерпи немного! - нагнулся я к Мураде.

"Ну, нет, брат, плохи мои дела... Как это у вас говорится?

"Заживет, как на собаке"! А я вот умираю... Умираю, Зурикела..."

- Крепись, крепись, Мурада. Будь до конца мужественной собакой, - упрашивал Илларион.

"Вам, людям, горя мало: умрете - похоронят, оплачут. А кто нас хоронит? Никто. Если и зароят нашего брата, опять-таки потому, чтобы трупы наши не воняли..." По телу Мурады пробежала дрожь.

- Илларион, на помощь, Мурада умирает! - закричал я.

"Прощайте..." - Мурада в последний раз взглянул на меня, закрыл глаза и застыл.

- Кончился, чтоб отсохли мои руки, - тихо произнес Илларион и вытер рукавом слезы...

...Вопли и причитания бабушки всполошили все село. Примчались перепуганные соседи. Узнав, в чем дело, они возмутились:

- Вы что, люди, с ума посходили? Слыханное ли дело - поднимать такой шум из-за дохлого пса?! Что за ненормальная семья!

И разошлись...

Илларион весь день ходил, словно убийца перед казнью. Под вечер он подозвал меня и сказал:

- Должны похоронить. Вон там, под чинарой!

Вдвоем мы выкопали яму и торжественно предали земле останки нашего погибшего друга. Потом я выпросил у бабушки кувшин вина, и мы справили на могиле Мурады поминки. Первый тост произнес Илларион

- Зурико, сынок мой, - начал он, - безутешное горе привело нас сегодня сюда, к этой могиле, Из наших рядов ушел наш любимый друг и товарищ Мурада. Он всегда был верен нам, как собака, и если на том свете существует собачий рай, то врата его открыты для Мурады. Светлая память о нем всегда будет жить в наших сердцах. За упокой души Мурады! Выпьем!

- Благодарю тебя, Илларион... Выпьем!

- Вторым стаканом я хочу выпить за здоровье близких и родственников покойного. Желаю тебе счастья, благополучия, и чтобы это горе было последним в твоей семье!

- Спасибо, Илларион!

Во двор воровато прокралась черная собака. Она несколько раз обошла могилку Мурады, потом уселась поодаль и жалобно завывала.

- Плакальщики пришли, - сказал Илларион.

- Это собака Симона-мельника, мать Мурады, - сказал я.

- Господи помилуй! Поди сюда, собака!

Собака приблизилась к Иллариону. Он бросил ей кусочек мяса. Собака отвернулась и легла на землю.

- Собака, а ведь тоже чувствует! - сказал я.

- За родителей Мурады! Будь здорова, собака!

Это я, окаянный, взял грех на душу! - сказал Илларион и выпил. Выпил и я. Во двор по очереди, одна за другой, вошли еще четыре собаки.

- Гляди, вот собака Асало... Эта - Датико... Вон та - Деспинэ... Эта - Маки... А где же головастый пес Матрены? Почему он не пришел? - спросил Илларион.

- Он был в ссоре с Мурадой. В прошлом году я стравил их, и Мурада больно его искусал, - ответил я.

- И он решил сейчас свести счета? Плевал я на такую собаку! Нет у нее ни чести, ни совести! Тьфу!

- Хозяин! - слышалось у калитки.

- Кто там?

- Можно к вам?

- Пожалуйста!

Во двор вошел семилетний мальчуган - сын Махаре Гогичайшвили.

- В чем дело, сынок? - спросил Илларион.

- Телеграмма на ваше имя!

- Покажи!

Мальчик протянул телеграмму. Илларион не спеша достал из кармана очки, тщательно протер их платком, водрузил на нос и начал читать.

"Молния. Зурикеле-собачнику и Иллариону Носатому. Примите мое глубокое соболезнование по поводу трагической гибели дорогого Мурады. Вместе с вами горько оплакиваю эту утрату. Горе мое безгранично, не знаю, переживу ли. Скорблю, что не могу присутствовать лично. Не знаю, как утешить вас. Будь вы неладны оба, горе-охотники, олухи царя небесного! Когда еще раз соберетесь устроить охоту на собак, непременно захватите меня с собой. Целую обоих в лоб.

Ваш скорбящий друг".

- Без подписи! - сказал Илларион. - От кого бы это, а?

Поди сюда, сынок, - обратился он к Мальчику. - Иди, иди, не бойся! Мальчик подошел. Илларион так схватил его за ухо, что мальчишка завопил, как гудок чайной фабрики.

- Говори, кто дал телеграмму?

- Не скажу, убьет!

- Не скажешь? Тогда я убью тебя! Выбирай! - сказал

Илларион, и гудок завыл с новой силой.

- Илико Чигогидзе дал три рубля, велел отнести телеграмму и молчать, не то язык вырвет.

- Илико, говоришь?

- Илико.

Илларион отпустил мальчика и кулаком ударил себя в грудь:

- Ну, погоди же, кривой черт! Ты у меня еще попляшешь! ..

Мне искренне стало жаль Илико.

Наступила ночь, обыкновенная сельская ночь. И все вокруг

было мирно и спокойно, словно в тот день никто в нашей семье не умирал...

КРОВЬ ЗА КРОВЬ

Нынешний учебный год я опять закончил с переэкзаменовкой по русскому языку, Два раза в неделю я ходил заниматься на дом к преподавательнице. Вознаграждение за труды выплачивалось натурой: полпуда лобии, четыре головки сыра и пуд вина с нового урожая. По сравнению с прошлым годом дань выглядела ничтожной - в прошлом году у меня были две переэкзаменовки.

Мой учебный день начинался так:

- Вставай, вставай, бездельник! Хватит тебе валяться!

Опоздаешь! - доносился со двора голос бабушки.

Я тотчас же вскакивал, несколько раз пробежал по комнате, громко стуча ботинками; с грохотом передвигал стулья, затем на цыпочках возвращался к кровати, забирался под простыню и продолжал прерванный сон. Окончательное пробуждение наступало в момент, когда вместе с ушатом холодной воды на мою грешную голову обрушивались громы и молнии, исторгаемые бабушкой:

- В кого только ты уродился этакий бездельник и непутевый?

! Чтоб ты провалился сквозь землю, бессовестный ты человек!

- Ну что тебе от меня нужно?

- Смерти твоей, мерзавец! Похоронила бы тебя рядом с Мурадой и оплакивала бы по-русски. Да, по-русски, болван! Что, не научилась бы? Вся Россия по-русски говорит, а ты что за тупица такой? Ну, назови мне кого-нибудь в нашей семье, кроме тебя, чтоб русского не знал? ! Эх, бедный твой дед! Семь лет прожил в России и выучил русский язык лучше самого начальника

почты Ивана.

- Што ви гаварице! - удивлялся я.

- Да, да, не тарашь, пожалуйста, глаза! Два часа покойный говорил с Иваном, два часа слушал его Иван с разинутым ртом, а потом повернулся к народу и сказал, что подобной русской речи он в жизни своей не слышал. Вот как оно было!

- Нэ может биц! - опять удивлялся я, после чего следовали знакомый свист хворостинки и мое поспешное бегство по направлению к дому учительницы.

- Здравствуйте, учительница! - представал я пред очи учительницы Заблоны.

- Здравствуй! Что мы сегодня будем делать? - вопрошала она.

- Сегодня? Закончу прополку кукурузы, потом - корову на выпас, потом - сбегаю на мельницу, потом - наколю дров, а потом - уроки, - говорил я, мешая русские и грузинские слова.

- Ну, валяй! - благословляла учительница, и я приступал к занятиям. После полудня начиналось выспрашивание пройденного материала.

- Как с кукурузой?

- Все в порядке, учительница!

- На мельницу ходил?

- Сходил, учительница!

- Корову напоил?

- Напоил, учительница!

- Дрова?

- Хватит на неделю!

- Что такое грамматика?

- Грамматика греческое слово!

- Правильно, молодец, ты хороший мальчик! Ну беги домой!

Однажды утром я совсем уже было подготовился к очередным занятиям, как к нам во двор пожаловал Илико.

- Ольга, дорогая моя, одолжи-ка сегодня мне своего Зурикелу!

- Да? А русскому языку ты его будешь обучать, что ли?

- Такому русскому, какому учит его Заблону, я тоже могу научить. Поставлю его на прополку огорода, и так он у меня намахается мотыгой, что его язык тебе китайским покажется! И ни лобио, ни вина за это не возьму!

- Чтоб у тебя язык отсох, кривой черт! А все-таки зачем он тебе понадобился?

- Это уж не твоя забота, дорогая! Ты только отпусти его.

- Ладно. Прохвост, ступай с кривым, чтоб ему и второй глаз выклевали! Посмотрим, чему он тебя научится.

- Вперитот! - скомандовал Илико и бодро зашагал к воротам,

- В чем дело, Илико? - спросил я.

- Просьба у меня к тебе, Зурикела: хочу послать тебя к Иллариону...

- Это еще зачем?

- Нужно выпросить у него пуда три вина, - знаешь ведь, вино у Иллариона лучшее в селе.

- Лучше выпроси у бабушки, она не откажет.

- Благодарю покорно! Мне вино нужно, а не уксус. Я не огурцы мариновать собираюсь.

- Так и передам бабушке.

- Передашь, зашью тогда тебе этот рот, что растянул до самых ушей, - и делу конец! Лучше делай, что говорю. Иди к Иллариону и попроси - пусть продаст или одолжит вино. Он

уважает тебя, не откажет...

- Кому нужно вино? Тебе? Вот ты сам и проси...

- Зурико, дорогой мой, милый, без ножа меня зарезать хочешь? Сделай одолжение, выполни мою просьбу, ведь он после той телеграммы меня на выстрел к себе не подпускает... А если он откажет, тогда...

- Что тогда?

- Тогда... Тогда ты должен пометить кувшин, в котором он хранит цоликаури (сорт вина). И я выкину с ним такой фокус, что вся деревня говорить будет.

- Какой фокус?

- А вот какой: вино из помеченного кувшина Иллариона в полночь переключается в мой кувшин. Понял?

- Да ты с ума спятил, Илико!

- Не ори, болван! Забыл, чей табак куришь?

- Подумаешь! От твоего табака того и гляди чахотку наживешь!

- Ну, ладно, лучше поговорим о деле. Десять пригоршней табака, и ты - могила. Идет?

- Сейчас же дашь?

- Ну, конечно.

- Ладно, иди домой, я сам приду к тебе с ответом.

- Ну, смотри!

- До свидания!

Илико поцеловал меня в лоб, потрепал по щеке и, просверлив меня единственным взглядом, проникновенно сказал:

- Слышь, Зурикела: изменить Илико Чигогидзе - все равно что изменить родине. Не забывай об этом...

- За кого ты меня принимаешь? - обиделся я.

Успокоенный Илико бодро зашагал домой, а я отправился к Иллариону. Солнце щедро подрумянивало рассыпанные по всему балкону сушеные яблоки. Сам Илларион полулежал на разостланной под липой козьей шкуре и очень старательно читал газету недельной давности. В нашем селе вообще не существует сегодняшней, вчерашней и позавчерашней газеты, все газеты недельной давности.

- Здравствуй, Илларион!

- Зурикеле привет! .. Что нужно было чуть свет этому кривому черту?

- Просто так зашел.

- Все же что говорит этот разгильдяй?

- Вина, говорит, хочу. Пойди, говорит, к Иллариону, пусть, говорит, одолжит или продаст три пуда.

- А стрихнина он не хочет?

- Нет, вина, говорит, хочу.

- Такого вина, какое можно на этого сумасброда расходовать, у меня нет!

- Жалко его, дай!

- А он нас пожалел, когда подсунул наперченный табак? А про телеграмму ты забыл?

- Это правда!

- Ну и не уговаривай меня!

- Знаешь, что он сказал!

- Ну?!

- Если, говорит, Илларион откажет, ты, говорит, пометь кувшин с лучшим вином, а я, говорит, его в полночь опустошу в два счета...

- Ах, вот как?! Ну, Зурикела, теперь мне нужна твоя

помощь! За мной, знаешь ведь, не пропадет!.. Вечером я сидел у

Илико и отчаянно торговался:

- На тебе две пригоршни табаку и больше не проси!

- Что такое! Выходит, даром я кувшин помечал?

- Ну, черт с тобой, бери четыре!

- Десять!

- Четыре!

- Десять!

- Сдохнешь, дурак! Пожалей свои легкие!

- Это не твоя забота! Гони табак.

- Пять!

- Или давай все десять, или я сейчас же иду к Иллариону и выкладываю ему все!.. До свидания!

- На, на, чтоб лопнуло твое ненасытное брюхо, мерзавец! -

Илико в сердцах высыпал передо мною десять пригоршней золотистого табака и добавил: - Только решено: ночью пойдешь со мной и поможешь! В полночь я и Илико лежали под выломанным забором у марани (помещение для хранения вина) Иллариона в мокрой от росы траве.

- Апчи!.. Апчи!.. Апчи!.. - чихнул я три раза подряд.

- Чтоб ты не вырос больше, холера тебе в бок! Верзила, не можешь справиться с собственным носом! - рассердился Илико и дал мне сильного тумака.

- Вон тот кувшин... тридцатипудовый, видишь, палка воткнута, - шепнул я Илико. Илико просунулся в проделанную в заборе дыру и по-пластунски пополз к кувшину. Я запихал бурдюк за пазуху и последовал за ним.

- Ну, начнем! - шепотом приказал Илико и протянул мне мотыгу.

Работали быстро и бесшумно. Спустя пятнадцать минут показалась крышка кувшина.

- Открывай! - сказал Илико и приготовил бурдюк.

Горло кувшина было так велико, что мы вдвоем пролезли бы внутрь. Я с трудом приподнял крышку, Илико быстро нагнулся, всунул голову в кувшин и вдруг зарычал:

- Что это? Кувшин пустой!!!

- Ну, что ты, Илико, он полный, ты глубже посмотри!

Илико залез в кувшин почти по самые плечи.

- Держи воров! Ух вы, мошенники! - заорал вдруг Илларион, соскакивая с дерева. - Ни с места, стрелять буду!

- Спасайся, - гаркнул я, хватая Илико за ноги. Тот в испуге рванулся и... провалился в кувшин. Илларион схватил меня,

- Ты кто? Говори, не то прикончу на месте!

- Это я, Илларион! Не убивай меня! - взмолился я дрожащим голосом.

- А где второй?

- Не знаю!

- Говори, не то прикончу!

- Не знаю дядя Илларион!

- Кто он?!

- Не знаю!

- Как ты не знаешь, вы же вместе были!

- Не знаю!

- Сейчас же закрой этот кувшин, пока я из тебя душу не вытряс, а потом я с тобой еще поговорю! - сказал Илларион и закатил мне такую оплеуху, что Вместо предусмотренного по плану хныканья у меня вырвался отчаянный вопль.

Я быстро закрыл крышку, придавил ее большим камнем и, взявшись за мотыгу, собрался было засыпать кувшин землей, как вдруг из чрева его раздался голос:

- Всесильный боже, святые угодники, пусть развернется земля и поглотит всех плутов, подлецов, прохвостов и двуличных людей! Господь всемогущий, ниспошли гром и молнию на головы Иллариона Шеварднадзе и Зурикелы Вашаломидзе! Одурачили меня, нехристи!

- Эй, кто там? Говори, не то башку размозжу! - крикнул Илларион, просовывая в кувшин дуло ружья.

- Это я, Илико. Убери ружье, носатый черт, не бери греха на душу.

- Подонок ты, а не Илико! Что тебе понадобилось в пустом кувшине?

Я чуть не задохнулся от смеха.

- Илларион, заживо хоронишь меня? Побойся бога!

- Нечего мне бояться! Вот замурую тебя, нехристя эдакого, бог даже благодарить меня будет!

- Выпусти, Илларион!

- Пойди-ка, Зурикела, разбуди соседей, пусть все увидят, какой у меня в кувшине одноглазый барсук сидит!

- Илларион Шеварднадзе! Не срами меня на все село! Хватит, что я задыхаюсь в этом гнилом кувшине! Довольно шутить!

- Я не шучу вовсе, сейчас закупорю кувшин и через месяц буду гнать из тебя водку!

- Кому она нужна, такая вонючая водка, еще людей отравишь!

- сказал я.

- Зурикела! Продал меня, как козу, подлец!

- А ты лучше про наперченный табак вспомни и про

телеграмму! Сиди вот теперь в кувшине и дыши серой!

- Хватит вам издеваться над человеком, безбожники! Остаток дней в кувшине доживать мне, что ли?

- Выпустим его, жалко! - сказал я.

- Ладно уж, пусть вылезает! Только пускай громко крикнет: "Я олух".

- Согласен? - спросил я Илико.

- Олух я, олух! - обреченно выкрикнул Илико. Выбравшись из кувшина, он так глубоко вдохнул сырой ночной воздух, как будто был членом экипажа подводной лодки, вернувшейся из длительного плавания. Потом поднял бурдюк и, согнув указательный палец, сказал:

- Что ж, ваша взяла, сдаюсь.

Отвернулся и, бормоча что-то себе под нос, направился к калитке.

- Ты куда, неблагодарный! Не хочешь благословить нас? - крикнул Илларион.

- Благословит вас бог, большое вам спасибо, уважили меня!

- сказал Илико.

- Да не так, кривой! Погоди!.. А ну, разгреби кувшин, Зурикела! - приказал мне Илларион, указывая на полный кувшин.

Прежде чем взяться за мотыгу, я достал полученный от Илико табак и скрутил сигарку.

- Не кури, Зурикела, табак перченый, - робко предупредил меня Илико.

...До последних петухов в марани Иллариона не затихали песни, проникновенные тосты и звуки громких поцелуев. Утром я и Илларион с трудом волокли Илико и огромный бурдюк с вином...

СТОРОЖ

Как-то я возвращался из школы сокращенным путем, через чайные плантации. Созревшая изабелла лукаво поглядывала на меня сквозь листву деревьев. Я не выдержал, повесил сумку на сук и мигом очутился на самой верхушке дерева. Виноград оказался изумительным! Горожане почему-то говорят, что изабелла отдает клопами. Не берусь судить - клопов я никогда не пробовал, но если это действительно так, то браво клопам! Сперва я глотал виноградины целиком; насытившись, стал есть медленнее, смакуя и выплевывая кожуру.

- Эй, кто там на дереве? Кто это расхищает колхозное добро?! - раздался вдруг грозный окрик.

От неожиданности я чуть не свалился с дерева, но вовремя схватился за ветку и затаил дыхание.

- Кому говорят? Оглох ты, что ли? !

Я поглядел вниз. Под деревом стоял Илико - в соломенной широкополой шляпе, с перекинутой через плечо веревкой и топором за поясом. Тут же рядом тощая коза, смешно шевеля губами, подбирала виноградную кожуру.

- Ты что, не слышишь меняй А?! Говори, кто ты такой? Кто дал тебе право распоряжаться колхозным виноградом? Нечистая сила ты, что ли? Отвечай сейчас же!

- ДЬЯВОЛ я, ДЬЯВОЛ!

- Будь ты трижды дьявол, все равно должен знать, что колхозная плантация - это тебе не райский сад, чтоб каждый голодный сукин сын и проходимец обжирался тут виноградом! Спускайся вниз, не то живо стряхну тебя оттуда!

- Поднимись сюда, здесь поговорим!

- Сойди вниз, говорят тебе!
- Не сойду!
- Не сойдешь?
- И не подумаю!
- Ну и сиди, пожалуйста, посмотрим, сколько ты выдержишь!

А мне спешить некуда! - сказал Илико и уселся под деревом.

Я продолжал спокойно уплетать виноград. Прошел час.

Наконец Илико не выдержал и окликнул меня:

- Черт проклятый, что ты там делаешь?
- Гнездо себе вью! - ответил я.
- По-хорошему тебе говорю: спустись вниз и добровольно

следуй за мной в контору!

- Подожди, пока поем!
- Да ты человек или давяльня? Спускайся немедленно!
- Не спущусь!
- Значит, не подчиняешься власти?
- Нет!
- Хорошо. Тогда вот тебе веревка, вот топор, иди и сам

сторожи!

- Что ты пристал ко мне! Вот человек! Иди своей дорогой и оставь меня в покое!

- Последний раз предупреждаю: сойди с дерева! Иначе позову людей!

Тут только Илико заметил на суку мою сумку.

- Ага! Сейчас-то ты никуда не денешься. Узнаю ведь, кто ты такой!

Илико устроился поудобнее, взял сумку за углы и одним рывком вытряхнул на землю все содержимое.

- "Декамерон"... - прочел он и отложил книгу в сторону. -

"Как закалялась сталь"... "Один среди людоедов"... "Тристан и Изольда"... "Витязь в тигровой шкуре"... Да кто ты такой в конце концов, чертов сын?!

Да где ты учишься, в какой школе, что ни тетради, ни карандаша у тебя нет! - обозлился совсем потерявший надежду Илико.

- Это я, Зурикела, дядя Илико!

- О-о-о, чтоб тебя разорвало, прохвост ты этакий!

Ну и извел же ты меня, подлец! Скатывайся сейчас же вниз да захвати с собой пару гроздей! Я тотчас же спустился с дерева и крепко обнял Илико.

- Как живешь, дядя Илико?

- Он еще спрашивает, бесстыдник! Целый час морочил мне голову! И все теперь пошло насмарку!

- Как - насмарку? - не понял я.

- А так... Вот уже полгода, как я работаю полевым сторожем. Знаешь ведь об этом?

- Знаю, конечно. Ну и что?

- Дали мне, значит, коня... Не конь, а дьявол! Прошлый раз забралась на поле корова хромого Сипито... Я - с коня долой и - цап корову за хвост! .. Оглядываюсь, где конь?! Погнался за конем, еле поймал проклятого, оборачиваюсь - где же корова?! Отпустил коня, погнался за коровой, поймал ее, а коня нет! Оставил корову, стал ловить коня, а тут корова пропала. Короче говоря, бегал целый день с высунутым языком от коровы к коню, пока оба не сбежали. А вчера на общем собрании получил нагоняй от председателя: или, говорит, выполняй свои функции добросовестно, или, говорит, сниму с поста...

- А я тут при чем?

- При том! Увидел я вора на дереве и подумал: спасся!

Поймаю сейчас его, отведу в контору, и пусть потом посмеет председатель говорить: Илико, мол, плохо работает! А сейчас что буду делать, просто не знаю!

- Доставь в контору меня!

- Ты что, ошалел? Хочешь, чтоб твоя бабушка выколола мне последний глаз?!

- А что будешь делать?

- Отведу председателю козу. Пусть делает с ней, что хочет!

- А коза-то чья?

- Как это чья? Моя! Ты что, первый раз ее видишь?

- Но ведь она носила бороду?

- Носила. А теперь я ее остриг.

- Почему?

- Чтоб не узнали. Иначе нехорошо получится - сторож ловит собственную козу!

- А дальше?

- Ничего. Все равно в ней никакого проку. Ее хоть молоком пои, она доиться не станет... И на мясо она не годится - одна кожа да кости. От нее мне только убыток.

- А вдруг узнают?

- Куда там! Мне самому и то не верится, что это моя коза... Ну, будь здоров, сынок! Спасибо за виноград, а то глотка совсем пересохла!

- До свидания, Илико!

- Смотри, Зурикела, дорогой, не проболтайся Иллариону, погубит меня, - попросил Илико.

- Не бойся, Илико!

...Спустя месяц в награду за хорошую работу Илико получил

от правления колхоза заметно пополневшую козу...

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

На пригорке стоит одинокая ель. На ней висит старый колокол, снятый с часовни разрушенной церкви. Прежде чем совсем разрушить, церковь эту перестраивали несколько раз: сперва под клуб, затем - под склад, потом устроили в ней хлев, потом - медпункт, потом - библиотеку; после этого хотели переделать под гараж, но двери оказались слишком узкими для машин. Тогда церковь разобрали и построили пекарню. Потом пекарню переделали в читальню. Сейчас опять разрушили. Илико говорил бабушке, что, кажется, снова под церковь перестраивают. В бога я не верую, так что мне все равно, что они там построят. Бабушка моя тоже не очень-то верует, но все же лучше, говорит, церковь, чем читальня.

Так вот, висит, значит, теперь тот колокол на ели. Утренний звон колокола оповещает о начале занятий в школе, вечерний - о пожаре или общем собрании колхозников.

Меня, как единственного в семье мужчину, всегда приглашают на собрание, но только с правом совещательного голоса. Сегодня колокольный звон раздался вечером. Дыма и огня не было видно - значит, звали на собрание.

- Зурико, идешь? - раздался голос Иллариона.

- Иду, иду, Илларион! крикнул я, мигом перемахнул через плетень и зашагал рядом с Илларионом. - По какому собираемся делу, не знаешь? - спросил я.

- А что тут знать? Опять по вопросу конторы, наверное!

Собрание уже началось. Мы заняли места в заднем ряду и

прислушались. Говорил председательствующий - колхозный бухгалтер Алфез:

- Значит, так: наш Авсентий, когда его избрали председателем, велел разобрать здание конторы и перенести его ближе к своему дому. Потом, вы помните, председателем избрали Кирилла, и контора перекочевала на новое место. В прошлом году контора стояла перед домом Димитрия. Теперь вот наш новый председатель Шалва требует перенести контору к его дому.

Ну, кто хочет высказаться? Только предупреждаю: регламент - пять минут! А то знаю я вас: вам дай только слово, потом и не остановишь...

- У меня вопрос!

- Ну, что там у тебя, говори, Трифон! Вы как желаете, уважаемый Шалва. новое здание конторы построить перед вашим домом или старое перенести и заново перекрыть?

- Трифон Сихарулидзе! - вскочил председатель. - Ты мне зубы не заговаривай, а говори серьезно, не то я тебе покажу твое место! Контору нужно разобрать и поставить перед моим домом! Понятно? Не могу я столько времени терять! Утром выхожу чуть свет и только к вечеру в контору попадаю!

- А ты ускорь шаг, дорогой Шалва!

- Кто это сказал? А ну встань, покажись!

- Товарищи, ближе к делу! У кого еще вопрос?

- У меня! - сказал Макарий Цхоидзе и так откашлялся - чуть голосовые связки не порвал.

- Давай жми, Макарий! Куда девалась породистая телка, которую я в прошлом году привез из Самтретиди?

- Не пережила, несчастная, благополучного разрешения нашей уважаемой председательши.

- Кто это сказал? А ну встань, покажись, провокатор!

- У меня есть предложение. Разрешите? - спросил Илларион.

- Дайте слово Иллариону!

- Товарищи, нечего теперь вспоминать да уточнять, куда девалась телка, почему казенный стройматериал пошел на постройку дома председателя, каким образом колхозное вино очутилось в председательских кувшинах... К чему это?.. Узнают люди, нас же и засмеют... Нельзя выносить сор из собственной избы...

- Илларион Шеварднадзе! Ты тоже хороший провокатор!

Погоди, ответишь мне за клевету! А сейчас лучше садись!

- Дайте человеку досказать! Правду ведь говорит! - вмешался Илико.

- Так вот, я говорю: может, было бы лучше наоборот сделать: разобрать дом председателя и перенести его ближе к конторе?!

- Что ты, Илларион, только что он перекрыл новый дом, и уже разбирать?

- Тогда сделаем так: переселим председателя в контору, а его дом займем под контору.

- Да ты что, с ума сошел? - взорвался председатель. -

Взамен моего нового дома хотите подсунуть гнилую хибарку? !

- Есть еще одно предложение: разобрать председательский дом и поставить его во дворе конторы, потом разобрать контору и перенести ее на место дома!

- От перестановки слагаемых сумма не меняется! - сказал учитель.

- Тогда все! Больше предложений не имею! - Илларион сел.

- У меня есть предложение, - сказала Маргарита Чантурия.

Завтра к нам приезжают тбилисские артисты, а так как материал для клуба пошел на постройку председательского дома, мы проведем концерт у него.

- О чем я думал, когда тебя звеньевой назначал!

- У меня вопрос. - встал кто-то. - Когда председатель думает начать ремонт школы? Классные комнаты вот-вот обрушатся.

- Зачем ему классы? Он строит бесклассовое общество! - сказал Илларион.

Председатель побледнел. Дело осложнялось.

- У меня есть хорошее предложение! - поднял руку Илико.

- Говори!

- Друзья, мы опять отступаем от главного вопроса: где нам ставить контору?

- Что же ты предлагаешь?

- Может, не стоит вообще разбирать контору? Не лучше ли сложиться нам всем миром и купить председателю М-1?

- Ни в коем случае! Погубить нас хочешь? А вдруг, не дай бог, случится авария? Что нам, сиротам, тогда делать без председателя? Лучше уж посылать каждое утро к нему на дом двоих здоровых парней, и пусть они его на руках приносят в контору!

- Не хватает того, что на голове у нас сидит, еще и на руках его таскать?!

- Ладно, есть еще одно предложение... Где наш шофер?

- Здесь я, Илико!

- Ну, как у тебя дела, как чувствует себя твоя машина?

- Ничего, спасибо... А как ваше здоровье?

- Благодарю, не жалуюсь... Нет ли у тебя лишних четырех колес?

- А зачем тебе колеса?

- Приделаем колеса к конторе и будем перекачивать ее туда и обратно, туда и обратно!

В зале поднялся хохот.

- Илико Чигогидзе! - встал председатель. - За- Помни сегодняшний вечер... Если ты не пожалеешь об этом, плюнь мне в лицо!

- Пожалуйста, дорогой Шалва, пожалуйста... Про- сил тебя назначить меня почтальоном - ты назначил сторожем... Это меня-то, одноглазого! Инвалида! Что же ты еще можешь сделать со мной?

- А ты небось хотел бы стать председателем? Да?

- А почему бы и нет? Думаешь, я не смог бы построить себе дом из колхозных материалов? Или аппетит у меня похуже твоего?

Шалва смешался.

- Так на чем же порешили? - спросил председательствующий.

- Разрешите сказать! У меня есть предложение! выкрикнул вдруг я и сам испугался своей смелости.

- Молчи, сопляк! - зашикали на меня.

- Пусть говорит! - крикнул Илико. - Каждый участник собрания имеет право голоса! - Ну, говори, говори, прохвост! - зашумело собрание.

- У меня есть предложение... Поскольку все село в сборе и собрание близится к концу... Нельзя же расходиться без определенного решения!

- Не морочь нам голову! Выкладывай, наконец, какое у тебя предложение!

- Воды, если можно... - еле выговорил я. - Во рту у меня пересохло.

- Дайте ему воды, чтоб его!..

Я не спеша опорожнил полграфина, вытер губы и продолжал:

- Поскольку дело так обернулось и мы никак не придем к общему решению...

- Говори покороче, негодяй! Сил больше нет!

- Предлагаю: снять председателя и избрать нового - который бы жил поближе к конторе".

Наступила мертвая тишина. С дрожью в коленях я ждал - вот-вот грянет гром...

И гром действительно грянул. Это было первое предложение, которое я произнес на общем собрании и которое прошло единогласно.

- Слава богу! Наконец-то нашелся один умный человек! Если бы не он, сидели бы мы тут до утра! Завтра изберем нового председателя, и делу конец! - Илларион подошел ко мне и поцеловал в лоб.

БУРКА, САПОГИ И НОСКИ

Зима в этом году выдалась лютая. Беспреданно валил снег, дул пронизывающий ветер. проникал сквозь щели в нашу комнату.

Бабушка сперва затыкала их тряпками, затем принялась за мои домашние тетради. Трудно представить, с какой радостью

я помогал уничтожать эти позорящие меня документы!..

Наконец щели в стенах были забиты и в комнате потеплело. А на дворе по-прежнему бушевала метель. Мы с бабушкой сидели у камина. Бабушка рассказывала какую-то сказку и время от времени искоса поглядывала на меня, проверяя, слушаю я ее или нет. Я медленно жевал кислый лаваш и думал о своем. Молодой царевич,

перебив стражу, добрался до заветных дверей хрустального замка и уже готов был заключить в объятия томившуюся в неволе красавицу, когда на нашем балконе раздался топот ног.

- Взгляни-ка, кто там! - сказала бабушка.

Я выглянул в окно. На балконе стояли Илико и Илларион и отряхивали с себя снег. Я открыл им дверь.

- Добрый вечер! - поздоровался Илларион, швырнув в угол новенькие лыжи.

- Откуда лыжи, Илларион? - спросил я.

- За ночь снегу выпадет по колено. А утром кто вместо тебя в школу пойдете Примерь-ка, балбес! Твои лыжи...

Я обнял Иллариона и чмокнул его в холодные колючие щеки, потом с мольбой взглянул на бабушку. Она понимающе улыбнулась, кряхтя поднялась и направилась к чуланчику, который почему-то называла "кассой". Спустя минуту перед камином появился низенький столик, а на нем бутылка водки, чурчелы, яблоки, груши.

- Зря хлопчешь, Ольга, ей-богу, не стоит беспокоиться, мы ведь зашли просто так, поболтать! - сказал Илларион.

- Воля ваша, я могу убрать, - сказала бабушка, протягивая руку к бутылке.

- Не хочешь - скатертью дорога, а за других ты не болтай!

- рывкнул Илико на Иллариона и быстро схватил бутылку.

- Как, разве ты пьешь водку? - На лице Иллариона было написано такое изумление, словно он вдруг увидел доисторического ящера.

- В такой холод не только водку - термометр проглотишь, лишь бы градусы были, - сказал Илико и наполнил стакан.

- Холодно! - сказал Илларион, тоже налил, выпил и закусил

яблоком. - Эти яблоки, Ольга, осенью у тебя такие кислые, что если свинья попробует, и та с привязи сорвется, а сейчас с чего они такие сладкие стали?

- Пой, ласточка, пой, - улыбнулась бабушка. - Тебе лишь бы водку подать, так ты сам в сахар готов превратиться! Налили по второй. Выпили. Потом по третьей.

- Сегодня наш почтальон заходил ко мне... - начал Илларион. Извещение принес... О гибели сына Герасима... Я, говорит, не смогу ему сказать... Скажи, говорит, ты...

- Сынок, сынок! Горе твоему отцу!.. О несчастный Герасим!
- запричитала бабушка.

- Погиб в Керчи, бедный парень... Седьмой убитый в нашем селе... - продолжал Илларион.

- Ты сказал Герасиму? - спросил я.

- Да ты что! Человек со дня на день ждет возвращения сына, как же у меня язык повернется...

- О господи, накажи этого изверга Гитлера... Чтоб не было в жизни счастья ни ему, ни семье его, ни близким!.. - плакала бабушка.

- Что же ты собираешься делать? -спросил я опять.

- А вот что! - Илларион достал из кармана сложенный листок бумаги, долго глядел на него, потом быстро нагнулся и бросил бумагу в огонь. Вспыхнувшее пламя на миг озарило лицо Иллариона. По его небритым щекам катились две крупные слезинки.

- Если парень жив - бог даст, объявится рано или поздно. А нет - пусть ждет несчастный отец... Надеждой жив человек... Ты смотри, Зурико, не проговорись! Слышишь?!

- Слышу...

- Ольга! - донеслось с балкона.

- Кто там? Входи! В комнату вошел наш сельский агитатор
Вашакидзе.

- Извините, что так поздно, но, понимаете, дело у меня
неотложное!

- Привет агитатору! - Илико налил водку. - А ну, бери
стакан!

- Пожалуйста, к огню! - пригласила бабушка.

- Ну, что скажешь нового, агитатор? Как идут дела на
фронте? - спросил Илларион.

- Дела на фронтах Великой Отечественной войны идут
неплохо. Наступление противника приостановлено. Гитлеровский
план молниеносной войны потерпел крах! - выпалил агитатор.

- Погоди, погоди... Об этом мы читали в газетах месяц тому
назад... Ты что-нибудь новое скажи!

- Новое? Дело у меня к вам серьезное. Слушайте!

- Начинай! - скомандовал Илларион. Агитатор встал,
кашлянул и начал так, словно выступал на многотысячном митинге:

- Товарищи! Социалистическое Отечество в опасности!
Вероломный враг стремится своими кровавыми лапами задушить нашу
свободу и независимость! Доблестная Красная Армия наносит
фашистским захватчикам сокрушительные удары!..

- Что ты заладил, чужак, по-газетному! - прервал агитатора
вышедший из терпения Илико. - Скажи прямо, в чем дело? Агитатор
смутился.

- Ну, говори, говори, что тебе нужно? - подбодрил его
Илларион. - Да вот, подарки для красноармейцев собираем...
Может, и вы чем-нибудь поможете... - сказал агитатор и
облегченно вздохнул.

- Так бы и сказал, сынок, а то начал с Адама и Евы... -

улыбнулась бабушка.

- А какие нужны подарки? - спросил Илико.

- Всякие: фрукты, чурчхелы, теплая одежда, варежки, носки теплые... Сегодня четверг, в понедельник от имени нашего села на фронт отправится вагон подарков... Если что надумаете, несите сюда, к Ольге. Завтра зайдут наши ребята, заберут.

Агитатор попрощался и ушел. Мы долго сидели молча и думали - что бы такое подарить красноармейцам... Тишину первым нарушил Илико

- Какие у меня есть сокровища? Одна бурка, и та вон торчит за дверью... Встань, Зурикела, тащи ее сюда! Я удивленно взглянул на Илико.

- Что ты вылупил глаза? Мир провалится, что ли, если такой старый хрыч, как я, не будет бурку носить? ! Все равно уже весна скоро! Неси сюда бурку! Я вышел на балкон и тотчас же вернулся с буркой - черной, почти новой буркой Илико, той самой, которой он укрывался, которую берег как зеницу ока и которую не одалживал даже Иллариону.

- Принес? Клади ее в угол... Придут ребята - отдайте, сказал Илико, не глядя на бурку.

- Позор этому старому дураку - господу богу, что тебя одноглазым сделал! Я-то знал, что у тебя золотое сердце, но, честно говоря, не думал, что в такой высохшей груди лежит целый самородок, - сказал Илларион и почесал за ухом. Потом он беспокойно заерзал на стуле и вдруг сорвался и выскочил из комнаты.

- А я знаю, куда помчался носатый! - ухмыльнулся Илико.

- Куда? - спросила бабушка.

- Домой! Ты что, нрава его не знаешь? Теперь он мне назло

перевернет весь дом! Да много ли у него добра, у голодранца! Не прошло и пяти минут, как вернулся Илларион и молча поставил рядом с буркой Илико свои единственные новые сапоги.

- С ума сошел, несчастный? ! - вскочил Илико.

- Вставай, старик. Поздно уже, ты что, ночевать тут собираешься? - сказал Иллариони направился к двери...

...Я проснулся от легкого шороха. Бабушка сидела на краю кровати и, стараясь не шуметь, одевалась. Потом так же бесшумно встала, на цыпочках прошла в "кассу" и вернулась с чесалкой в руках. Поставив чесалку у камина, она подошла к кровати, распоролa тюфяк и стала клочьями вырывать из него шерсть. Затем уселась перед чесалкой на валявшуюся там же козью Шкурку и принялась чесать шерсть, раскачиваясь всем телом в такт движению рук и что-то монотонно бормоча про себя.

Я долго молча смотрел на бабушку, и глаза мои наполнялись слезами. Я думал о незнакомом солдате, для которого в эту лютую зимнюю ночь моя бабушка дрожащими от холода руками вязала теплые носки...

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР

Холодные зимние вечера мы коротаем у Илико. В камине весело потрескивают дрова, на сковороде аппетитно шипит кусок окорока, тут же рядом греется вино в небольшом кувшинчике. А мы режемся в нарды или читаем вслух, но чаще всего беседуем о политике. Политика занимает нас больше всего, да разве только нас: стоит зима 1942 года, и немцы подошли к Москве.

...Илларион читает сводку Совинформбюро. Потом не спеша складывает газету и безапелляционно заявляет:

- Конец Гитлеру!

- Ну, что там в газете, Илларион?

- Стали у Москвы и ни шагу дальше!

- А что слышно про второй фронт?

- Гм, не спешат союзнички... И вообще, хитрит Англия... К

Америке пристаёт - отвернись, говорит, от Советского Союза и помоги мне.

- А Америка что?

- Это, говорит, не твоё дело.

- А тут ещё Германия уговаривает Турцию и Японию: как только, говорит, я вступлю в Сталинград, вы ударьте со своей стороны!

- Может быть, она думает, что в Сталинград вступить - это всё равно что в "Красный крест"? ! Напиши Верочке Бурчуладзе заявление, и тебя с аплодисментами примут, да?

- Мда-а... В последнее время, прямо скажу, не нравится мне политика Турции!

- О-о, это такой жулик... Стоит Турции заметить, что Германии тяжело, как она сразу же набросится на неё.

- Да что ты? Не говори!

- Вот - я! А вот - Германия! Сбрить мне усы, если так не будет!

- А Япония?

- Что - Япония... Германия её торопит - начни, говорит, чего ты ждёшь? А она в ответ: ты, говорит, как стала у Москвы, так и стоишь без движения. Скажем, начну я, а потом куда мне деваться?

- А что говорит Гитлер?

- Гм, Гитлер... Гитлер уже дважды объявлял по радио о

взятии Сталинграда, да разве Японию проведешь? Это такая хитрая бестия... Нет, плохи их дела!..

- Дай бог!.. Налей, Зурикела!

Мы поднимаем стаканы и пьем за победу, за тех, кто на фронте, за мир.

- А я стихи вчера написал! - вдруг выпалил я. - А ну, прочти!

Илларион от неожиданности выронил кусок ветчины. Я нерешительно взглянул на Илико. Илико поперхнулся вином и посинел, как петушиный желудочек. - Валяй, валяй, теперь уже все равно! - сказал он.

- Что ты сказал? - спросил, отдышавшись, Илико.

Илико и Илларион переглянулись.

- Ну-ка, прочитай, пожалуйста! Я достал из кармана лист бумаги, встал, выпрямился, протянул вперед левую руку и как можно громче начал:

Враг коварный, враг проклятый, Он на нас ползет войной! Не бывать ему с победой, - Мы дадим смертельный бой!

Герои наши не дремлют... Гремят наши пушки и танки, А если потребует Родина, Я смело пойду в атаку!

закончил я и с трепетом стал ждать приговора.

- Мда-а-а... Написано довольно того... громко! сказал Илларион после получасовой паузы.

- Это еще ничего, можно прочесть и тише... Но что с ним теперь будете - ответил Илико, с сожалением глядя на меня.

- Скажи-ка, давно тебя тянет к стихам? - спросил меня Илларион.

- Уже месяц! - сказал я.

- Где же ты был до сих пор, несчастный, вовремя не мог

сказать, что ли? А теперь что делать будем? Бабушку твою бедную жалко мне, а я-то раньше знал, что в один прекрасный день ты все равно а цепи сорвешься! - сказал Илико и махнул рукой.

- Ну и как, легко они даются тебе?

- Ничего... За день сочиняю восемь-девять таких стихов!

Бумаги нет, а то больше написал бы!

- Мало! - сказал Илико.

- Бабушка знает про твое стихоплетство? - спросил

Илларион. Неожиданный вопрос застал меня врасплох.

- Нет.

- Ну так и не говори ей. Хватит старушке и другого горя...

У тебя есть еще стихи?

- Есть. О любви...

- А ну, прочти!

Я нерешительно взглянул на Илико.

- Валяй, валяй, теперь уже все равно! - сказал он,

Я достал из кармана второй лист бумаги и начал потише:

Ночь, Луна плывет по небу, Снег и ветер, час ненастья. Я

люблю гулять среди ночи, Слезы лью я, слезы счастья. Не могу сомкнуть я очи, Ошалел совсем я, братья!

Молчание длилось добрых пять минут. Илико и Илларион смущенно переглянулись.

- Что ты скажешь? - спросил наконец Илларион.

- Последняя строчка хорошо написана, с чувством...

- Но он говорил, что стихи - про любовь. Почему же о любви нет ни слова?

- Стесняется парень!

- Это же стихи, Илларион! В стихах всего не скажешь! -

попытался разъяснить я.

- Во-первых, это такие же стихи, как я шах персидский! А во-вторых, если стихи про любовь, нужно хоть упомянуть про эту любовь.

- А ну тебя! Человеку не спится, он бродит по ночам и с ума сходит: что это, по-твоему, если не любовь?! - разозлился я.

- Ну, знаешь, дорогой мой. Илико всю свою жизнь был сумасшедшим, и бродит он больше ночью, чем днем, так он тоже влюблен? Как ты думаешь? - сказал Илларион.

- Эй ты, старик, языку волю не давай! - вскочил Илико. Мальчишка нацарапал какую-то чушь, при чем тут я! Спрячь сейчас же свою мазню, негодяй! - набросился он на меня.

- Погодите, сперва разберем стихи! - остановил его Илларион. Вот у тебя сказано: луна по небу плывет, и тут же - снег, буран. Как же это? А? Неожиданный вопрос застал меня врасплох.

- И еще. Вот ты говоришь: бессонница у тебя, ветер, снег, ненастье, мир рушится. Чему же ты радуешься? От какого такого счастья у тебя слезы льются, болван?! - Да что вы в стихах понимаете, из ума вы оба выжили! - обиделся я. Илико разлил вино. Илларион поднял стакан, привлек меня к себе и сказал ласково: - Другая у тебя, дорогой мой, беда... Знаю я, отчего люди становятся поэтами... Когда я был мальчишкой, вроде тебя, я тоже сочинял стихи. Помнишь, Илико?

Без нее я жить не буду! Застрелюсь я! Где патроны, Огонь любви меня сжигает, Свет не мил мне без Матрены!

Илико утвердительно кивнул головой и захихикал,

- Тогда я и тебя принял за сумасшедшего, но потом все прошло... Так и с ним будет!

- Вот так-то, сынок... А стихи ты пиши! За это людей не наказывают... Твоей девчонке, если она такая же дура, вроде тебя, может, и понравится. А не понравится - не горюй. Эта маленькая пташка - любовь - только что снесла яичко в твоём сердце. Пройдет время - вылупятся птенчики, оперятся, полетят. А потом - айда... Будешь бродить по свету влюбленный... За твою любовь, мой мальчик! Я стоял смущенный, с опущенной головой и молча слушал Иллариона... И мне казалось, что он бережно держал на ладони мое сердце и читал все, что там было написано.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

- Чигогидзе!

- Здесь!

- Каландадзе!

- Я здесь!

- Сихарулидзе!

- Сихарулидзе заболел! Чкония, Центерадзе, Бурчуладзе, Коридзе, Нинидзе и Глonti пошли провожать его.

- Пошли бы уж всем классом... - сказал сердобольный учитель. Вашаломидзе! Вашаломидзе!! Ваша-ло-ми-дзе!! ! - надрывался учитель и стучал по столу кулаком.

- Здесь я, уважаемый учитель!

- Будешь ты здесь или не будешь, все равно от этого мало пользы!

- "Быть или не быть, вот в чем вопрос!" - патетически изрек Ромули.

- Ромули Каландадзе, изволь выйти из класса!

- Холодно, учитель!

- Бери свою долю дров и убирайся! - поддержал я учителя.

Ромули вышел, бросив на меня испепеляющий взгляд. А над моей головой разразилась страшная гроза.

- Вашаломидзе, что было задано на сегодня?

- Применение соды...

- Ну, пожалуй-ка отвечать!

Я удрученно поплелся к доске.

- Слушаю вас!

- Существует несколько способов применения соды, - начал я. Илико Чигогидзе, к примеру, насыпает соду на кончик языка и глотает прямо без воды; Илларион Шеварднадзе чайную ложку соды растворяет в стакане теплой воды, а моя бабушка...

- Вашаломидзе, убирайся вон!.. Кто живет с ним по соседству?

- Я! - встала Мери Сихарулидзе.

- После уроков отнесешь записку его бабушке...

А ты чего стал! Вон из класса!

- Я-то уйду, но кто же в классе останется?

- Выходи... - прошептал учитель, поглядывая на чернильницу.

Я поспешно удалился. Вряд ли мог так сильно обрадоваться Колумб при виде земли, как обрадовался Ромули моему появлению.

- Вытурили?

- По твоей милости!

- Вот еще! Я-то при чем? Сидишь на уроке как пень...

Думаешь, я не знаю, что ты влюблен?

- В кого, дурак?

- В Мери!

- Скажешь еще раз - получишь по морде!

- А я при чем? Весь класс об этом говорит.
- Да ты обалдел! Какое время нам любить?
- Подумаешь! Бабушка моя вышла замуж в четырнадцать лет!
- Ну и что ты хочешь?
- Я ничего. Если ты хочешь, скажу ей...
- Если бы любил, сам бы сказал...
- Как же, скажешь! В любви объясниться - это тебе не урок

отвечать! Здесь без письма не обойтись!

- А ты писал когда-нибудь такие письма?
- Ого! Еще сколько!

Я испытующе взглянул на Ромули - не хитрил ли он? Но глаза Ромули светились неподдельной искренностью. Я поверил ему.

- Ромули, ты для меня все равно что родной брат... Ну, что скрывать... Помоги мне! Люблю ее, понимаешь?! Ромули даже заржал от восторга. Он крепко обнял меня, приподнял, потом опустил на землю и заявил:

- Все в порядке! Остальное - за мной!

Свободного времени у нас было хоть отбавляй. Мы забрались в пустую классную комнату. Я уселся за стол, Ромули, заложив руки за спину, зашагал взад и вперед.

- Начнем... "Моя ненаглядная, дорогая, несравненная! Любовь - это величайшее чувство. От любви человек немеет, глохнет, слепнет, теряет рассудок..."

- Неправда! - возразил я.

- Знаю, но так нужно... Продолжай: "С тех пор как я впервые увидел тебя, я познал абсолютную истину красоты. Я понял смысл своего бытия, я воспринял тебя как апофеоз духовной красоты и эстетического наслаждения..."

- Ромули, откуда ты берешь такие слова? - спросил я,

потрясенный.

- Один студент из Тбилиси прислал моей сестре письмо. Он влюблен в нее.

- И что же, она собирается выйти за него замужем

- Собиралась. Но потом один наш знакомый из Тбилиси сообщил, что тот студент сошел с ума... Продолжай: "Нет смысла скрывать, я люблю тебя больше жизни. Будь моим духовным другом, молю тебя Меня лишили покоя твои глаза, ресницы, твой взгляд, твои жемчужные зубы, коралловые губы, агатовые волосы, пальцы, руки - вся ты. С тобой навеки, или смерть мне! На этом кончаю.

До свидания! .."

- Ну как? - спросил Ромули и подбоченился.

- Еще немного - и твоя сестра попалась бы на удочку, - сказал я.

- Камень прошибет! - сказал Ромули. Я помчался на почту, купил конверт, вложил письмо, лизнул конверт, заклеил и спрятал его в карман.

К концу последнего урока я незаметно засунул письмо в сумку Мери и замер, как покойник. Я не слышал, как прозвенел звонок, как разошлись товарищи. Я все сидел за партой, словно в дурмане, и не двигался, пока не пришла уборщица.

- С каких пор ты так полюбил школу, Вашаломидзе, что и домой не идешь? Подними ноги, вымести надо, - обратилась она ко мне.

- Здравствуйте, тетя Мака!

- Господи помилуй! Ты что, впервые меня видишь сегодня?

- До свидания, тетя Мака!

- Спаси его господи! - Женщина перекрестилась и, подозрительно косясь на меня, поспешно вышла из комнаты.

Вечером я снова сидел у Илико и сражался в нарды. Я так увлекся игрой, что почти забыл про письмо.

- Ну как, больше не написал стихотворения? - спрашивал меня Илико.

- Прочти, будь человеком! - ухмылялся Илларион.

- Илико! - раздалось со двора.

- Кто там?

- Это я, Ольга. Мой прохвост у тебя?

- Заходи, заходи, Ольга! Здесь он!

В комнату, сгорбившись, вошла бабушка, сняла шаль, поставила палку в угол, присела к огню и, помолчав немного, обратилась ко мне:

- Зурико, сынок, сколько лет твоему учителю химии?

- М-м-м, лет тридцать - тридцать пять... А в чем дело? - сказал я и превратился в слух.

- Он немножко... не того? .. Не тронутый?

- От такого ученика - да не тронуться! - сказал Илико.

- Что ты, бабушка! Да у него из ушей мозги капаят, - сказал я.

- Илларион, посмотри, ради бога, что он тут мне пишет! - сказала бабушка, протягивая Иллариону письмо.

Я похолодел...

Илларион надел очки, развернул письмо и спросил:

- Кто тебе принес письмо, Ольга?

- Мери, дочь Ладико Сихарулидзе.

Илларион не спеша начал читать:

- "Моя ненаглядная, дорогая, несравненная..."

- Это он тебе пишет? - спросил Илико бабушку.

- Мне, клянусь тобой! Во рту у меня пересохло, руки

похолодели, на лбу выступил пот. Илларион продолжал:

- "С тех пор как я впервые увидел тебя, я познал абсолютную истину красоты..."

- И где он меня видел, проклятый! - хихикнула бабушка и повернулась к Илико. Тот сидел с разинутым ртом, не веря своим ушам.

- "Я понял смысл своего бытия, я воспринял тебя как апофеоз духовной красоты и эстетического наслаждения..." - продолжал Илларион.

- Это место я что-то не поняла, - сказала бабушка.

- Да разве любовь поймешь, дорогая Ольга? - сказал Илларион.

- Да, но когда он успел так влюбиться? - сказал Илико.

- А сколько раз ее в школу из-за этого сорванца вызывали, вот и влюбился человек.

- "Меня лишили покоя твои глаза..."

- Чтоб он окривел! - сказал Илико.

- "...ресницы..." - продолжал Илларион. Илико скорчился от смеха и повалился на пол. Иллариона одолевала икота, но он продолжал читать:

- "...твой взгляд, твои жемчужные зубы..." Здесь он немножко ошибся, - сказал Илларион.

- Чтоб ему пусто было, о каких зубах он говорит! - всплеснула руками бабушка.

- "...коралловые губы, агатовые волосы, пальцы, руки - вся ты..." - читал Илларион, заливаясь слезами.

- Хватит, ради бога, прекрати, не могу больше! - завопил Илико, почти теряя сознание.

Илларион кончил читать и стал приводить в чувство Илико.

Бабушка хихикала. Один я стоял как громом пораженный и окаменевший,

- Когда замуж выдаешь бабушку? Пригласишь на свадьбу? - еле выговорил сквозь смех Илико и снова опрокинулся.

- Мда-а-а, - протянул Илларион, - тут что-то не так...

- Ай-ай-ай, Ольга! До чего человека довела!

- Дядя Илико! - донеслось со двора.

- Кто там? - откликнулся, вставая, Илико. В комнату вошла покрасневшая Мери. С минуту она дула на озябшие руки, совала их под мышки, топала ногами. Отогревшись, она сказала:

- Я искала бабушку Ольгу...

- Здесь я, дочка. Ну и письмо же ты мне принесла, чуть со смеху нас, стариков, не уморила, - сказала бабушка, протягивая ей письмо.

- Бабушка, письмо, которое мне дал учитель... Вот оно, я принесла... А это другое... Откуда оно взялось, даже не знаю...

- Господи, еще одно письмо? Илларион, прочти, пожалуйста!

- "Прошу явиться в школу в связи с недостойным поведением Вашего внука".

- Опять? Опять осрамил меня, бесстыдник?! - Бабушка схватила палку. Я пулей вылетел за дверь.

- Не смей показываться дома, мерзавец! Убирайся, куда хочешь! - крикнула вдогонку бабушка. Вскоре из комнаты вышла Мери. Она шла, опустив голову, задумавшись, не пряча голых рук. Платок сполз ей на плечи, спутанная прядка волос упала на лоб. Сейчас она напоминала мне картину какого-то известного художника. Я не помнил его имени. Мери прошла мимо, не заметив меня.

- Мери! - сказал я тихо.

Она остановилась. Я подошел к ней, осторожно поправил
пряжку. Она не двинулась с места.

- Прочла?

Мери не ответила. Она лишь окинула меня умным, задумчивым
взглядом и пошла дальше.

- Мери!

Мери снова остановилась.

- Это Ромули во всем виноват... Он диктовал. Я хотел
совсем не так, а он говорит - так нужно.

- Нехорошо так шутить, Зурико...

- Я не шутил, Мери... Я, Мери... Ты думаешь, я правда
такой уж плохой? ..

- Нет, не думаю...

Мы медленно двинулись по свежему снегу. Снег все валил, не
переставая дул холодный ветер. Мы шли молча. Прошли мимо моего
дома, мимо укутанной снегом чинары.

- Здесь похоронен мой Мурада...

- Знаю...

- Я очень любил Мураду, больше всех на свете. Я одинаково
люблю его, бабушку, Иллариона и Илико...

- Знаю, Зурико.

- С каждым днем я любил его все сильнее. И Мурада очень
любил меня... Я с ним как с человеком разговаривал... Когда он
умер, я готов был покончить с собой... От любви человек и
впрямь может сойти с ума! .. Тебе холодно?

- Холодно...

- А мне не холодно!

Я скинул тулуп и набросил его на плечи Мери. Руку я не
убирал. Так мы и шли по свежему снегу. Шли и молчали...

Миновали дом Мери...

- Согрелась?

- Согрелась, Зурико.

- Ты ведь знала моего Мураду?

- Да...

- Он очень любил тебя. Он часто говорил мне: "Мери славная девочка, она лучше всех, таких глаз, как у Мери, нет ни у одной девочки. Мери очень добрая и умная девочка..." Мурада очень любил тебя, так же, как меня, даже больше, чем меня, он никогда не лаял на тебя... Ты ведь тоже любила его?

- Да, Зурико, очень любила, очень.

- Мери!

- Что, Зурико?

Я нежно обнял Мери, привлек к себе и зарылся лицом в ее распущенные волосы. Мери плакала, плакал и я. Снег валил хлопьями, и ветер был, и луна, и солнце, и любовь, и слезы, и много, много снега. Спросить у Илико, так и радоваться было нечему - ветер, снег.

мир рушится. А я радовался и этому ветру, и луне, и солнцу, и моей любви, и этим белым-белым хлопьям снега.

ОДИННАДЦАТЬ ПУДОВ КУКУРУЗЫ

Любимую свинью Илико - чистокровную йоркширку с огромными обвислыми ушами, маленькими, за плившими жиром глазами и коротким, смешно вздернутым рылом - все село звало Серапионой.

Свинья поросилась дважды ежегодно, и каждый раз - ранней весной и осенью - производила на свет двенадцать розовых кругленьких поросят. Илико, конечно, продавал их и зарабатывал

на этом весьма не дурно. В годы войны Илико стал обменивать поросят на кукурузу.

Не удивительно, что Илико души не чаял в Серапионе, называл ее кормилицей и буквально на руках носил. Сам не доест, а свинью накормит. Стоило только похвалить Серапиону - и Илико таял. Он тут же бросался угощать вас водкой и ненаперченным табаком, обещал лучшего поросенка со следующего опороса и бог знает еще что! Мы с Илларионом прекрасно знали об этой слабости Илико и наперебой восхваляли десятипудовую йоркширку.

Вот и сейчас мы сидим под тенистой яблоней во дворе Илико, с уважением поглядываем на развалившуюся тут же Серапиону и мирно беседуем.

- Ну и свинья! В жизни не видел такой! - говорит Илларион.

- Кормилица моя! Сокровище мое! - Илико нежно щекочет Серапионе брюхо. Свинья блаженно щурит глаза и хрюкает. Илико с умилением смотрит на покрасневшие, вздувшиеся соски свиньи. Двенадцать сосков! Двенадцать породистых поросят! Бог даст, не сегодня-завтра Серапиона благополучно разрешится, и тогда - принимай, Илико, мешки с золотистой кукурузой!

- И где ты достал такую породистую свинью, Илико? - спрашиваю я.

- Э, дорогой мой, это длинная история... Прабабушка Серапионы досталась в приданое моей бабушке Каленти, царство ей небесное! Говорят, неважная была свинья, больная, дед Харитон даже постыдился держать такую дрянь и решил выгнать ее со двора...

- Напрасно, лучше бы прирезал ее! - сказал Илларион.

- Да кому она была нужна больная! Время тогда было другое, не то что сейчас...

- Сейчас война... Народ нуждается... - сказал я.

- И то правда... Туго приходится людям... Нам-то еще ничего, а вот в Ленинграде, говорят, в дни блокады, люди кошек ели...

- Да что в Ленинграде! Я улыбнуться боюсь даже в собственном доме! - сказал Илларион.

- Это почему же? - не понял Илико.

- А потому... Стоит мне показать зубы, как мой петух таким коршуном кидается на меня, - думает, во рту у меня кукурузные зерна!

- А ты зарежь его! - посоветовал я.

- А потом ты будешь каждое утро кукарекать и будить меня, да? - спросил Илларион.

- Так вот, - продолжал Илико, - заупрямился, оказывается, дед Харитон. Не желаю, говорит, видеть ее в моем доме. А моя бабушка Каленти прямо на стенку лезет: вы, говорит, ничего не понимаете, это, говорит, породистая свинья, погодите, она еще покажет себя! И что же, бабушка, оказывается, была права! Моя Серапиона и есть потомок того дохлого поросенка.

- Да она лучше некоторых молодцов! - сказал я.

- Зурикела, ведь ты умный парень! - просиял польщенный Илико. - Ну-ка, скажи по совести, разве моя Серапиона не достойна всяческого уважения?

- А по-моему, Илико, дорогой, ты ее просто недооцениваешь, казал Илларион. - На кой черт тебе эта разбойничья фотография деда Харитона с закатившимися глазами? Пригласи нашего Павлушу-фотографа и закажи ему портрет Серапионы; лучше этого портрета что ты можешь повесить в комнате?

- Илларион Шеварднадзе, если эта свинья не лучше тебя,

чтоб я ее гроб вынес из своего дома, - сказал Илико и так посмотрел на Иллариона, что я понял: назревал скандал, и это в то время, когда заветная бутылка с водкой была уже так близко! Я подмигнул Иллариону нашел тоже время шутить, и сказал:

- Не обращай на него внимания, Илико! Твоя свинья только говорить не умеет, а так совсем как человек.

Илико испытующе взглянул на меня. Я выдержал взгляд. Тогда Илико встал и, бормоча что-то под Нос, пошел за водкой.

- Нашел время шутить! - набросился я на Иллариона.

- Идите вы все к черту! - огрызнулся Илларион. - Уже и слова нельзя вымолвить! Может, кланяться прикажете этой вонючей свинье!

Илико принес бутылку водки, три стакана и пару заплесневелых чурчхел. Первые два стакана выпили молча, кивнув друг другу головой. Перед третьим стаканом Илико держал речь:

- Зурикела, теперь ты считаешься ученым человеком. Правда, со страшными мучениями и переживаниями, но все же дотащился ты до девятого класса. Ну вот, если не учил, так хоть слышал, может быть, что нашим предком была обезьяна.

- А какой же еще предок мог быть у тебя, как не обезьяна?

- вставил Илларион. Теперь он ничем не рисковал - бутылка с водкой стояла перед ним. Но Илико будто и не слышал.

- Я хоть и не особенно силен в науке, но думаю, что это не совсем правильно. Мне кажется, что у разных людей были разные предки. Взять, к примеру, Серапиона Сепертеладзе... его предком наверняка была свинья. Посмотри на мою Серапиону и на Серапиона Сепертеладзе! Чем не близнецы? Говорить не умеет? Ну и что же? Ведь рождаются немые люди? Вот так и моя Серапиона...

- А вот я расскажу об этом Серапиону Сепертеладзе, он тебе

покажет предков! - сказал Илларион.

- Пожалуйста, расскажи! Что он и сам, думаешь, не знает! - парировал Илико. - Да я тебе лучше скажу. Видишь Иллариона? - продолжал он, обращаясь ко мне. Илларион насторожился.

- Ну, вижу...

- Знакомо тебе его упрямством

- Ну, положим, знакомо...

- Ты видел, как он смеется! Это же ослиный рев! - Я был вынужден согласиться. - А его длинные уши ты тоже видишь? - возражать не приходилось: факт был налицо. - А теперь, если можешь, докажи мне, что предок Иллариона не был ослом!

Илларион поперхнулся чурчелой и закашлялся. Отдышавшись, он встал, взял шапку и, не произнеся ни слова, направился к калитке. Потом с сожалением оглянулся на бутылку, вернулся, наполнил стакан, одним духом выпил и так же молча пошел к выходу. И только дойдя до калитки, он обернулся и крикнул:

- Ну, одноглазый черт, ты еще попляшешь у меня!

Илико удовлетворенно посмеивался.

...Приближался долгожданный день появления на свет божий йоркширского потомства. Ко двору Илико началось паломничество будущих свиновладельцев. Сдав положенный пуд кукурузы, они получали расписку следующего содержания:

"Я, Илико Чигогидзе, получил от гражданина такого-то один пуд кукурузного зерна, взамен обязуюсь выдать ему одного поросенка (указывался пол новорожденного), после того как перестанет сосать".

Переговоры проходили довольно мирно, в атмосфере дружбы и взаимопонимания, если не считать одного обстоятельства: каждый покупатель старался во что бы то ни стало заполучить себе

поросенка-самку.

- Люди! - сокрушался Илико. - Где это видано, чтобы свинья рожала двенадцать самок!

- Почему же, - отвечали ему. - У Кучулия Цинцадзе, например, двенадцать дочерей!

- Пожалуйста, в таком случае договаривайтесь с Кучулия и Серапионой, и пусть Кучулия выдает вам расписки! Я ничего не знаю больше!

- Илико Чигогидзе, будь ты немного моложе, вырвал бы я у тебя твой проклятый язык! - бесился Кучулия.

- Будь я немного моложе, распорол бы тебя по швам! - наступал Илико.

Были среди покупателей и такие, которые пытались выторговать саму Серапиону. Но Илико здраво смотрел на жизнь своим единственным здоровым глазом. Душу продал бы, но Серапиону ни за что.

- Ну, что тебе еще нужно? - приставал к нему Аслан из Суреби. - Отдаю за свинью коня и двести штук отборной дранки в придачу. Договорились?

- Ищи дурака, дорогой Аслан! Сейчас военное положение: коня могут забрать в кавалерию, а моя Серапиона кому нужна?

- Продай свинью, пока не поздно! - пугал Аслан. - Все равно ей пропадать, - Гитлер на Носу!

- Поживем - увидим, дорогой Аслан. А ты не знаешь, не из-за моей ли свиньи Гитлер напал на нас? - спрашивал Илико,

После этого Аслану оставалось безнадежно махнуть рукой и уйти.

Однажды вечером Илико пришел к нам и свалил под мушмулой мешок с кукурузой.

- Что это, Илико? - спросила бабушка.

- Вчера я выдал одиннадцать расписок на потомство Серапионы, - объявил Илико, - и получил одиннадцать пудов кукурузы. Теперь до осени мне хватит.

- Почему одиннадцать? - удивилась бабушка. - Ведь Серапиона всегда рождает не меньше двенадцати поросят?

- Одного поросенка я дарю твоему прохвосту. И вот кукурузу тоже. Не обижайся, Ольга. Знаешь ведь, как я люблю этого лоботряса.

- Боже милостивый, пошли счастья и радостей Илико Чигогидзе и всей его семье. Пусть наполнится его дом добром, - прослезилась бабушка и поцеловала Илико в лоб.

- Ночью ходим на мельницу, через час зайди за мной! - сказал мне Илико и ушел...

...Уже брезжил рассвет, когда я и Илико с мешками муки на плечах возвращались домой. На ветвях деревьев, унизанных курами, точно соревнуясь друг с другом, старательно драли горло петухи. Вдруг мы услышали ужасающий вопль.

- Это Машико кричит, - сказал Илико. - Неужели извещение о сыне получила, несчастная? ..

Мы ускорили шаг.

- Угроздило же проклятую сдыхать в моем дворе! - причитала Машико. - Попробуй теперь убеди этого одноглазого, что я тут ни при чем!

Охваченный страшным предчувствием, Илико выронил мешок и, сразу обессилев, опустился на землю. Я стремглав помчался ко двору Машико, подбежал к плетню - застыл от ужаса: у самой калитки лежала и жалобно похрюкивала похудевшая до неузнаваемости Серапиона. Тут же валялось двенадцать крохотных

пороссячьих трупов!

- Что случилось, Машико? - с трудом выговорил я.

- Несчастье, несчастье, Зурикела. Вот тут через дыру в заборе пролезла - и пожалуйста... Сколько раз я предупреждала его: приглядывай, старый черт, за свиньей, не позволяй ей лазить куда вздумается! Не послушался, окаянный! .. Теперь пусть локти кусает! Собрались соседи - пострадавшие, сочувствующие и просто любопытные. Последним во двор пришел Илико. Побледневший, осунувшийся, он долго смотрел на Серапиону, потом снял шапку, в сердцах швырнул ее на землю и сказал:

- Где твоя справедливость, господи?! Совести у тебя нет!

Что мне теперь делать?

- Крепись, Илико! - раздались ободряющие голоса. - Ничего ведь страшного не случилось: свинья жива, и все будет в порядке! При ее-то темпераменте! ..

- А как быть с кредиторами? - сокрушался Илико.

- Обойдется как-нибудь...

- Соседи, люди добрые, согласны ждать до следующего опороса? - обратился Илико к кредиторам.

Наступило неловкое молчание.

- Ну как, подождем? - спросил кто-то.

- А что ты с ним поделаешь? Не отбирать же у него теперь кукурузу! Да и черта с два он ее отдаст! Кругом захохотали.

Даже Илико улыбнулся. Инцидент близился к благополучному концу.

Но тут неожиданно в толпу ворвался разъяренный Серапион Сепертеладзе.

- Эй ты, черт одноглазый, - набросился он на Илико, - последний раз предупреждаю: или перемени имя своей проклятой

свинье, или я за себя не ручаюсь! При свидетелях заявляю!

- Ты что, пьян или белены объелся! Чего орешь?! -

огрызнулся Илико.

- Он еще спрашивает! Половина села собралась у моего дома,

- слышали, говорят, Серапион разрешился поросятами! Бабы к жене

лезут с соболезнаваниями!.. А он еще спрашивает!.. Убью обоих -

и тебя и Твою паршивую свинью!..

Толпа покатывалась со смеху, и вместе со всеми хохотал

Илико. Вырывавшегося из рук Серапиона насилу отвели домой.

- А поросята-то оказались самками... Все двенадцать... -

проговорил Илико и искоса поглядел на Кучулию Цинцадзе.

Соседи понемногу разошлись. Остались только я, Илларион,

Илико и Серапиона.

- Погубила она меня, - сказал Илико.

- Пойдем-ка домой, - сказал Илларион.

- Пойдем, Илико! - сказал я.

В ту ночь мы справили поминки по безвременно погибшим поросьятам...

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Шло время. Дни, не похожие друг на друга, как испеченные в золе бабушкины лепешки, сменялись днями. И каждый новый день приносил новую радость. Отцы, мужа, сыновья, братья возвращались в родные дома.

Из нашей семьи на фронте не было никого, но я каждый день вместе со всеми выходил на дорогу встречать грузовики, на которых возвращались в село раненые и увешанные орденами бойцы. Вместе с друзьями я обнимал и целовал их.

Незнакомые смущенно улыбались, знакомые ласково трепали меня по щеке и замечали, что я здорово вырос и возмужал. Радость, счастье и мир, неожиданно покинувшие наше село четыре года назад, вновь возвращались к нам. И село встречало их, как встречает мать давно потерянного и вновь обретенного сына.

Шла весна 1945 года...

Под щедрыми лучами солнца цвела пробудившаяся природа. Вдали, на склонах бархатистых гор, паслись стада. Воздух был наполнен ароматом полевых цветов.

В школе занятий уже не было. Мы готовились к выпускным экзаменам.

Я и Мери с утра шли на край села, к старой заброшенной мельнице, усаживались в тени огромного орехового дерева и занимались.

Вот и сегодня мы сидим под деревом и готовимся к грузинскому языку.

- Стихи ты должен знать наизусть, - говорит Мери. - Вот послушай - это Галактион.

В сердце мечта таится, Небо - полоской ясной. Юноша:
"Стой, девица!" Девушка: "Сгинь, несчастный!"

- Моя бабушка здесь бы сказала: чтоб ты провалился сквозь землю, бессовестный, - говорю я.

Мери смеется и закрывает мне рот рукой - не мешай, мол.

Потом я читаю свои любимые стихи, которые, хотя их и нет в программе, я обязательно прочту на экзамене:

На Ксани и Арагви снова Луга окрестные в цветах, И терпкой патокой медовой Опять кипят твои уста.

Мери сидит, обхватив колени руками, и смотрит куда-то вдаль, в бездонную синеву неба, где плывут еле заметные белые

хлопья облаков.

Через тысячу лет я тебя призываю, иди, Стану горсткою
пепла я в молниях жарких твоих... -

продолжаю я.

- Ты, я вижу, опять стихи сочиняешь?! - раздалось вдруг у
самого моего уха.

Я подскочил словно ужаленный и обернулся. Передо мной
стоял улыбающийся Илларион.

- Мы к экзаменам готовимся. Здравствуй, Илларион!

- Вижу, вижу, как вы готовитесь... Ну, здравствуйте! -

Илларион сел.

- Как у вас идут дела?

- Заканчиваем, дядя Илларион, - ответила Мери.

- Заканчиваете или только начинаете?

- Что ты, Илларион! Остался всего один экзамен! - сказал
я.

- Э, дорогой мой, экзамены у вас только начинаются! Ты,
пожалуйста, не прикидывайся простачком?..

Я прекрасно понял Иллариона, но сделал наивное лицо и
пожал плечами.

Илларион сначала долго, старательно ковырял палкой землю,
потом поинтересовался, есть ли у меня табак. Узнав, что нет,
достал свой, не спеша скрутил самокрутку, затянулся, выпустил
длинную струю дыма и вдруг произнес речь, подобно которой я
никогда еще от него не слышал:

- Человеческая жизнь, дети мои дорогие, похожа на
мельницу. Видите то колесо? Колесо - судьба, а вода, бегущая по
желобу, жизнь человека. Вода - великая сила, дети. Вода сильнее
огня, сильнее ветра, вода сверлит камень. И как ты направишь

эту силу, так и будет вертеться мельничное колесо... Разный народ приходит на мельницу - один за мукой, другие за крупой, третьи и вовсе без дела сидят целый день, прислушиваются к грохоту жерновов и уходят... Помимо, построили мы колхозную мельницу и пустили по желобу нашу речушку Лаше. Билась, билась вода, да так и не сумела сдвинуть колесо с места - силенок не хватило. Тогда мы подвели второй рукав реки, и пошло дело! Завертелось колесо, да еще как! Понимаете, к чему я это говорю? Две реки - это надежнее, вернее!.. Вот вы скоро заканчиваете среднюю школу и собираетесь, конечно, продолжать учебу... Это хорошо, но... В городе люди почему-то быстро забывают родное село, друзей, товарищей... Ты поедешь в город, дочка? - вдруг обратился Илларион к Мери.

- Вряд ли, дядя Илларион... Не сумею ..

- Ну тогда еще ничего! Значит, и Зурико не сбежит от нас!

- Илларион похлопал меня по плечу и встал.

Мери смущенно потупилась.

- Весь мир открыт для вас, дети, весь мир. А мы с Илико, как этот старый камень, - сказал Илларион и показал на брошенный посреди двора мельничный жернов. Большая серая ящерица взобралась на него и, зажмурившись, нежилась на солнце...

...Аттестаты зрелости вручали нам в торжественной обстановке, на чаеприемном пункте, который в особых случаях служил также клубом.

Духового оркестра в нашей школе не было, поэтому играть туш

пригласили из района похоронных оркестрантов. До начала торжественного заседания духовой оркестр по заказу Ромули

исполнил песню "Был сыночек у мамы". Потом я попросил оркестрантов сыграть что-нибудь более жизнерадостное и сунул семь рублей в карман главному, тому, что играл на кларнете. Оркестр грянул "Эй, братишка Спиридон". Затем кто-то попросил исполнить "Хасанбегуру", но главный отказался - этого, говорит, наш оркестр не гложет исполнить, колоратура, мол, не получается.

К полудню все, наконец, собрались, и торжественное заседание началось. В президиуме сидели учителя и родители лучших учеников. Бабушки моей на собрании не было - ей нездоровилось, - поэтому один стул в президиуме пустовал.

В своем вступительном слове директор школы кратко рассказал, как обстоят дела с образованием у нас и в капиталистических странах, а потом сказал, что отныне мы люди самостоятельные, что школа дала нам все, что только могла дать, и что впредь мы можем поступать, как нам заблагорассудится, хоть головой об стенку биться. Потом он начал вызывать нас по алфавиту. После беглой характеристики каждого выпускника директор вручал ему аттестат зрелости, крепко пожимал руку и оглядывался на фотографа Павлушу, который уже держал наготове подвешенную к аппарату грушу. Выпускник испуганно замирал, пока Павлуша считал про себя до десяти и махал рукой, - готово, мол, птичка вылетела. И тогда раздавался оглушительный туш.

Когда заговорили обо мне, оркестранты почему-то вообразили себя на похоронах и заиграли "Таво чемо".

Директор грозно сверкнул глазами, и оркестр тут же перешел на туш.

После торжественного собрания должен был состояться концерт - песни в исполнении нашего сельского хора. Эти песни

мы слышали по крайней мере тысячу раз, и поэтому все разошлись по домам.

Бабушка, увидев мой аттестат, чуть не задушила меня в объятиях:

"Теперь меня и смерть не возьмет", - сказала она и намочила слезами мой аттестат. Потом вдруг посерьезнела, косо взглянула на меня, положила аттестат на стол и молча вышла из комнаты. Я ничего не понял.

Спустя пятнадцать минут бабушка вернулась. За ней следовали Илико и Илларион.

- Присаживайтесь, соседи! - сказала бабушка.

Илико и Илларион сели.

- Ну что, какая еще беда с тобой стряслась? - обратился ко мне Илларион.

- Аттестат зрелости получил, - сказал я и протянул аттестат.

- Поэтому я и позвала вас, - сказала бабушка. - Посмотрите-ка, ради бога, настоящий это аттестат или вроде той прошлогодней похвальной грамоты, которая потом оказалась чужой?

Илларион взял аттестат, долго вертел в руках, внимательно изучил печать, подписи, даже на свет рассмотрел, потом передал Илико. Илико проделал с аттестатом то же самое, но более тщательно, и протянул его бабушке.

- Его аттестат - комар носа на подточит!

- Точно? - спросила бабушка.

- Точно! Во-первых, он не смог бы достать чистый бланк; во-вторых, - печать настоящая; в-третьих, аттестат на обратной стороне заполнен и на русском языке, а этого не смог бы сделать ни один из учеников нашей Заблони; ну и, в-четвертых, - хоть бы

одна четверка затесалась - сплошные тройки!

- Ну, слава Бору! Утешил ты меня, Илико! - с облегчением вздохнула бабушка. Илларион вновь потянулся к аттестату.

- А-тес-тат зре-лос-ти! - произнес он по слогам. Потом встал, подошел ко мне, постучал пальцем по моей голове, прислушался к звуку и, сокрушаясь, обратился к Илико - Ну, брат, если уже этот называется зрелым, то я тогда китайский мандарин.

- Ничего... Помидоры для продажи в город тоже незрелыми отправляют, чтобы не испортились. Дорогой они дозревают.

- Ну, раз так, давайте решать: что ему теперь делать, куда поступать, какую выбрать профессию? Должен же быть у человека какой-то план? А то поедет в город и будет там ушами хлопать, как осел, - сказал Илларион.

- Ты на какой факультет думаешь поступать? - спросил меня Илико.

Я пожал плечами.

- Мой внук должен стать врачом, - заявила бабушка. - Состарилась я, за мной уход нужен!

- Ты что, обязательно от его руки умереть хочешь? - сказал Илико,

- А может, ему на исторический пойти? Из историков секретари райкомов получают, - сказал Илларион.

- Я бы на его месте пошел в юристы! - сказал Илико. - Вот хоть возьми нашего судью - человеком стал. Приехал в село в рваных галошах, а теперь щеголяет в кожаном пальто и резиновых сапогах.

- Да куда ему с его сердцем в юристы! Он ведь и арестовать-то никого не сможет!

- Может, пойти ему на литературный? Он ведь у нас стихоплет, и язык подвешен - дай бог! А что еще нужно!

- А нет ли чего-нибудь такого, чтоб готовых профессоров выпускали? - спросила бабушка.

- Как же, есть! Такое заведение и окончил наш Илико! - обрадовался Илларион.

- Ты чего молчишь, болван? Скажи, куда хочешь поступать? - набросился на меня Илико. - А то, видишь, выпустил уже этот носатый свое жало!

- Я в артисты пойду! - вдруг выпалил я. Наступила гробовая тишина.

- Чтоб я ослепла! Многоженцем решил стать? - запричитала вдруг бабушка.

- Тронулся, бедняга! - проговорил Илико.

Споры продолжались до рассвета. Наконец сошлись на мнении Иллариона, что обладателю брюк, подобных моим, следует поступить на экономический факультет, дабы обеспечить свое дальнейшее существование экономически и материально.

Бабушка, сняв с шеи серебряную цепочку с большим плоским ключом, подошла к нашему старому сундуку, откинула крышку и торжественно извлекла оттуда дедовские зеленые бархатные брюки-галифе с кожаными леями, огромные хромовые сапоги с подковами, шерстяную навывпуск блузу с накладными карманами, серебряный пояс и высокую каракулевую папаху. Потом разложила все это передо мной, вытерла подолом платья набежавшие слезы и сказала:

- Вот, сынок, одевайся. Не отправлю же я тебя в чужие края таким голодранцем! Ты должен быть там лучше всех, дорогой мой... Я крепко обнял бабушку и нежно поцеловал ее в глаза,

потом выбежал в другую комнату, быстро переоделся и вновь предстал перед "комиссией".

- Скажи, пожалуйста! Вылитый Симон Долидзе! - осклабился Илико.

Ранним воскресным утром я, бабушка, Илико и Илларион стояли у обочины шоссе и "голосовали" перед каждой попутной машиной. Моросил мелкий косой дождь, дул ветер и было холодно.

- Садись к шоферу в кабинку! - настаивала бабушка.

- Не забудь есть чеснок, а то, чего доброго, схватишь заразу! - напутствовал Илларион.

- Как войдешь в вагон, облейся ладиколоном, верное средство против клопов и всякой гадости! предупреждал Илико.

- Смотри у меня, чтоб завтра же здесь было письмо! - требовала бабушка.

- Отправь лучше телеграмму. А вернее всего - пришли с оказией, быстрее дойдет!

- Не смей связываться с городскими шалопаями!

- Возвращайся скорее!

- Будет нужда в вине - пиши, не стесняйся! Наконец остановилась грузовая машина. В кабине сидела женщина с ребенком. Бабушка трижды - от дурного глаза - повернула меня. Илико и Илларион по очереди расцеловали, я влез в кузов, и машина тронулась.

Вдруг на дороге показалась девушка со свертком в руке. Она бежала изо всех сил. Машина ускоряла ход, девушка - бег. Постепенно она замедлила шаги и совсем уже медленно подошла к провожающим. Девушка долго смотрела на удалявшуюся машину, потом повернулась и зарылась лицом в грудь Илико. Наверное, плакала. Плакал и я. А машина мчалась вперед, увозя меня все

дальше и дальше от четырех дорогих мне людей.

Моросил дождь, дул ветер, и было холодно. Там, вдали, стояли четверо. На груди у Илико плакала девушка. Я тоже плакал, плакал и радовался, что она плачет, Был дождь, был ветер, и было солнце, и любовь, и слезы радости. И теперь, наверное, даже Илико не удивлялся, как это - луна на небе и хлопья снега. И почему не спится, и откуда эти слезы радости, и отчего я вообще такой счастливый.

А машина все мчалась вперед. На шоссе уже не было видно никого. Я стоял в кузове и шептал:

- Прощай, бабушка! Прощай, Илларион! Прощай, Илико!

Прощай, Мери!

ПОЕЗД

Водитель высадил меня на привокзальной площади в городе Махарадзе и потребовал плату за проезд. Я отстегнул серебряный пояс, задрал подол просторной блузы и стал расстегивать брюки. Водитель сперва в испуге оглянулся, потом схватил меня за руку.

- Ты что, обалдел?!

- А как же тебе заплатить?

- Вот чудак! Зачем же для этого среди бела дня штаны скидывать?

- Да ведь карман-то пришит изнутри! - успокоил я водителя и продолжал свое дело.

После долгих поисков мне, наконец, удалось обнаружить потайной карман. Придерживая падающие брюки одной рукой, другой я стал распарывать карман. Только я извлек деньги и принялся их отсчитывать, как раздалось фыркание. Мотор несколько раз громко

чихнул, затем выпустил прямо на меня густые клубы фиолетового дыма. Пока я приходил в себя, машина описала круг и остановилась перед моим носом. Из кабины высунулась красная, хохочущая физиономия водителя. Он нахлобучил мне на нос папаху и со смехом сказал:

- Ладно, хватит уж, одевайся! Не нужно мне твоих денег!

Мотор еще раз чихнул, и машина рванулась с места.

- Будь здоров! - крикнул я вдогонку.

Водитель выглянул из своей обшарпанной машины и приветливо помахал мне рукой, а я все стоял посреди площади, с полуспущенными брюками и удивленно озирался.

...Доехать до Тбилиси оказалось гораздо легче, чем приобрести билет. Эту истину я установил после непродолжительной беседы с кассиршей. Поэтому я выкинул из головы всякую мысль о покупке билета и вышел прямо на перрон.

Через час пришел поезд. Людской поток подхватил меня и придавил к лесенке вагона. Я задыхался. Хотелось крикнуть, но рот мой был заткнут голой пяткой проводницы, и я беспомощно трепыхался, как подвешенная за шею курица. Вдобавок сзади напирало чье-то колено. Кто-то больно тянул меня за волосы. Когда я понял, что мой аттестат зрелости пропадет зря, я собрал последние силы и впился ногтями в голую ногу проводницы.

Паровоз и проводница взвыли

одновременно. Суматоха усилилась.

- Ну, чего стал?! Нажимай!

- Убери ногу с моей головы!

- Не бойся, дяденька, ноги у меня чистые!

- Ладно, клади тогда и вторую!

- А ну, засвети-ка ему!

- Что он мне должен засветить?
- Ничего особенного, не волнуйтесь, - фонарь!
- Уважаемые пассажиры, пропустите меня, я же с билетом!
- Смотри не потеряй, крепко держи!
- Держите вора!
- Брось чемодан, подлец, груши там!
- Милиция, стреляй!
- Куда стрелять? Откуда я знаю, где твой вор?
- Ну тогда в меня стреляй!
- Смелей, смелей! Жми наверх!

Раздался свисток. Потом два раза ударили в колокол, потом чей-то благословенный пинок втолкнул меня в вагон, и паровоз, словно только этого и ждал, вдруг дернулся и загудел, стараясь перекричать вопли и причитания оставшихся на перроне.

Страсти понемногу улеглись. Я забрался на третью полку, подложил под голову узелок и прикрыл нос папахой... Табачный дым ест глаза. Вагон мерно покачивается, скрипит. Колеса выстукивают монотонную дробь. И этот перестук напоминает что-то родное, близкое и в то же время такое далекое, что и не припомнить. Глаза слипаются... Я уплываю, уплываю куда-то далеко... Все вокруг заволакивает туманом... Когда хочется спать, самое тяжелое на свете - веки... Но что это стучит? Ах, да, ведь я на мельнице. Стучат жернова. В ожидании помола я засыпаю. И вдруг:

- Зурико-о-о! - зовет бабушка.
- Иду! - отвечаю я, вскакивая.
- Зурико-о-о! - зовет опять бабушка, заслоняя глаза от солнца.
- Иду, бабушка, иду! - кричу я и выбегаю по затянутому

туманом подъему.

- Ау-у-у! Зурикела! Куда ты? Ау-у-у... - Гудок паровоза

сливается с тревожным криком бабушки.

"Илларион... Илико... Илларион... Илико..." - выстукивают колеса.

- Мост... - слышу я сквозь сон чей-то голос.

- Эй, кто-нибудь, откройте окно, задыхаюсь! - говорит кто-то другой.

- Нужно дышать по очереди, иначе до Тбилиси воздуха не хватит! - говорит третий.

- Чей это чемодан? Уберите сейчас же, иначе выброшу его в окно! На этот раз я свешиваюсь с полки и вижу говорящего. У него острый, похожий на топор нос, да и все лицо какое-то острое.

- Попробуй тронь! Вылетишь вслед за ним! - огрызнулся полный пассажир с веснушчатым, словно индюшиное яйцо, лицом. - Этого чемодана четыре оболтуса ждут не дождутся.

- Не знаю, кто там ждет, но эту мозоль я не напрокат брал. Убери, говорю, чемодан, не то выброшу в окно! - повторил угрозу "топор". "Индюшиное яйцо" нехотя взял свой чемодан и взглянул наверх.

- Эй, как тебя зовут? - окликнул он меня.

- Зурико.

- Так вот, сходи сейчас же вниз! Развалился там, как князь Багратион-Мухранский! Место это для чемоданов, понял?

- А я чем хуже вашего чемодана?

- Э, брат, в этом чемодане на три тыщи продуктов, а у тебя в голове - что?

- Зачем вы меня оскорбляете, дядя?

- Приношу свои извинения, уважаемый! А теперь скатывайся вниз! Да поживее!

- Не сойду! Думаете, дома у меня не было чемодана? Был, но я его с собой не тащил. Нечего чемодану разъезжать в поездах! Его место под тахтой! Да!

- Нет, ты только посмотри, как он со мной разговаривает, этот оболтус! Да у меня, если хочешь знать, четыре сына, и каждый старше тебя! - вскипел "индюшиное яйцо".

- И приятно тебе будет смотреть, как твоего сына сгоняют с места? - спросил "топор".

- Ах, так? И ты туда же? Пожалуйста, в таком случае пусть мальчишка лежит на полке, а мой чемодан на твоей мозоли. Мне наплевать! - сказал "индюшиное яйцо" и сел.

- Сойди вниз, сопляк! Слышишь! - теперь уже набросился на меня "топор".

- Не сойду! - сказал я и уставился в потолок.

- Проводни-ик! - завопил "индюшиное яйцо".

Проводник просунул в дверь сперва фонарь, затем - нос и потребовал предъявить билеты. Но тут же сам усмехнулся своей наивности и велел приготовить деньги.

У двоих пассажиров оказались билеты. Проводник иронически оглядел их и вышел.

Наступило молчание. Каждый думал о чем-то своем. Убаюканный ровным покачиванием вагона, я вновь задремал на отвоеванной полке... Словно наяву, я вижу, как во двор входит Илико. Он тащит на плече мешок с кукурузой. Вот он снял свою ношу, положил ее под мушмулой, сам присел тут же в тени и задымил самокруткой.

- Илико, дай закурить! - прошу я.

Но Илико не обращает на меня внимания, он смотрит куда-то вдаль.

- Дядюшка Илико, дорогой, ну, угости же меня табаком! Ведь это я, Зурико, не узнаешь меня? Илико встает и исчезает в тумане.

- Илико-о! - зову я.

- Кто там?

Я вздрогнул словно ужаленный и проснулся. Пассажиры дремали. Потоки дождя хлестали в окна вагона. Промокшие деревья, перегоняя друг друга, спешили укрыться куда-то... Вдруг на лоб мне упала холодная капля, Затем вторая, потом капли забарабанили чаще. Я отодвинулся. На полке собралась небольшая лужица, я проложил ей пальцем дорогу, и вода потекла вниз, на чью-то голову.

- Эй, что там с тобой, несчастный?! - завопил пострадавший, вытирая лоб ладонью и подозрительно нюхая мокрую руку.

- Со мной - ничего. Это дождь, - ответил я спокойно.

- Так ты сообрази там что-нибудь...

- А что я могу сообразить? Подняться и черепицу , поправить?

- Не болтай лишнего, сукин сын! Дырку-то заткнуть можешь?

Я присел на койке, нащупал в потолке небольшое отверстие и вставил в него палец. Вода потекла по вытянутой руке и собралась за пазухой. Я расстегнул пояс и дал ей дорогу. Вскоре я почувствовал, что мои сапоги до половины наполнились водой.

- Ничего не получается! - сказал я и стал спускаться вниз.

- За что с нас деньги сдирают! - возмутился пассажир с билетом.

- Уж ты бы помолчал! Едет бесплатно и еще обижается! -
огрызнулся безбилетный. Я спрыгнул на пол, и вода из сапог
фонтаном брызнула до самого потолка.

- Скинь, парень, сапоги, простудишься, - посоветовал мне
"топор". - Протяни-ка ногу, я подсоблю!

- Ничего, дядя, не беспокойтесь! - Я ухватился за полки,
подтянулся на руках и легко вылез из сапог.

- Ого! - воскликнул "индюшиное яйцо". - Разве можно так
безбожно истязать себя? Сшил бы себе на номер больше!

Вокруг засмеялись. Я с трудом втиснулся между двумя
попутчиками. Дождь перестал, все облегченно вздохнули. Я
согрелся.

- Слушай, - начал опять "топор", - убери хоть сейчас свой
проклятый чемодан, иначе, вот те крест, выброшу его в окно!

"Индюшиное яйцо" молча взял чемодан и забросил его на мою
полку.

Снова наступило молчание.

Вдруг кто-то робко чихнул.

- Будь здоров! - отозвались хором со всех сторон. Потом
чихнул еще кто-то. А спустя полчаса в купе только и слышно
было, что пожелания здоровья, долгой жизни и благополучия, как
будто встретились после долгой разлуки близкие родственники.

- Ну нет, так дело не пойдет! - заявил вдруг "топор". -
Пока мы все не схватили воспаление легких и на этом вагоне не
поставили красный крест, нужно что-то сообразить!

- Видать, не такой уж он балда, каким казался! сказал
"индюшиное яйцо" и вытащил откуда-то бутылку водки.

- У меня есть вино, целый пуд, вон там, на третьей полке,
снимем бочонок... - вмешался в разговор молодой блондин,

которого до сих пор никто не замечал.

- Нет, вино сейчас не пойдет. Выпьем-ка лучше водки! -

ответил "топор", радостно потирая руки.

- Воля ваша, - вежливо согласился блондин.

- Ты лучше вынь пробку из бочонка. Как бы он не лопнул и не залил всех нас! - обратился чисто одетый пассажир с билетом к молодому блондину. Блондин молча выполнил приказ и снова сел. Пассажиры стали доставать разную снедь. Кто-то пожертвовал нам еще бутылку водки, "топор" добавил от себя две и сам же занял пост тамады.

- Товарищи! Среди вас нет ни одного, кто бы был моим товарищем, но знаете ведь, как бывает в поезде? В поезде люди сближаются, становятся друзьями. Кто мы? Откуда нас черт несете

- Я из командировки возвращаюсь, - заявил пассажир с билетом.

- Прекрасно! - продолжал тамада. - А он кто?

Откуда? Черт его знает! - "Топор" указал пальцем на "индюшиное яйцо".

- Как это "черт его знает"! - подпрыгнул тот. - Ты что это разошелся?! Придержи язык, а то...

- Дай же произнести тост! Что взбеленился? Так о чем я говорил? Да. Знаете вы меня? Нет. Знаю я вас? Тоже нет! В другое время плевать я на вас хотел, но в том-то и заключается сила поезда! Поезд соединил, сблизил, сроднил нас! А поэтому - да здравствует поезд! - закончил он и опрокинул в рот стакан.

- За наш поезд!

- Да здравствует поезд!

- Мда... Действительно, странно... За поезд! - сказал чисто одетый пассажир с билетом и передал стакан мне.

- Я, товарищи, первый раз еду в поезде, - начал я.

- Счастливый ты человек! - сказал "индюшиное яйцо".

Перед отъездом Илико и Илларион предупреждали меня - в поезде, мол, много жуликов и проходимцев, нужно держать ухо востро. Выходит, ошибались они. Вот этот, например...

- Как вас зовут, дядя? - обратился я к "топору".

- Амбако!

- Да, Амбако. Когда я впервые увидел его, подумал: "Куда этого типа черт несет?" А вас как звать? - спросил я "индюшиное яйцо".

- Меня зовут Антипо, а тебе хватит болтать! Выпей и садись!

- Да. А Антипо мне сначала показался сумасшедшим.

- А теперь?

- Теперь что, теперь поезд нас сдружил! Да здоровствует поезд! - закончил я и выпил. Тамада снова наполнил стакан. Второй тост он хотел провозгласить стоя, но, больно стукнувшись головой о полку, тотчас же сел и начал:

- Когда бог научил обезьян говорить, то первое слово, которым они обменялись друг с другом, было "здравствуй"! Потом вырубали леса, возвели дома, построили железную дорогу, пустили по ней поезд, в этот поезд сели мы, сказали друг другу "здравствуй", и...

- Я никому не говорил "здравствуй"!

- Это вопрос вежливости...

- Так пусть всегда живет это теплое слово "здравствуй"! - закончил Амбако.

- Хороший тост!.. Подумать только, что такое доброе приветствие? Пустяк! А вот находятся люди, которые не хотят

сказать человеку этого доброго слова! Вот есть у меня товарищ,
вместе в университете учились...

- Вы из какого села, уважаемый?

- Из Нигоити!

- Хорошее село, а какой нынче урожай?

- Благодарю, неплохой... Так вот, есть у меня товарищ...

- Который с тобой не здоровается? Знаем мы про это!.. А

ты-то знаешь, что у нас всего один стакан? Выпей. ради бога,
поскорей!

...Очередь снова дошла до меня. Я держал в руках стакан с
водкой, смотрел на живительную жидкость, наполняющую тело
теплом, и мне хотелось рассказать этим незнакомым людям про
бабушку, про Илико и Иллариона, про Мери, хотелось петь и
кричать. Но я стыдился чего-то, стыдился так, как стыдится
каждый деревенский мальчик своих залатанных брюк и дырявых
чуваков.

- Будьте здоровы, друзья, - сказал я, прослезившись, и
быстро сел.

- Э-э-э... наш герой, никак, плачет! - обратился "топор" к
"яйцу". - Сколько же в водке градусов?

- Все восемьдесят!

- Двадцать, готов биться об заклад! - сказал я и вытер
слезы. - И плачу я вовсе не от водки, просто в глаз что-то
попало!

- Ладно, не беда... Я продолжаю, товарищи! - повысил голос
тамада. - Вот мы говорили, что бог создал обезьян, потом от
обезьян произошли мы. Ерунда это... Большинство людей произошло
от собственных ! родителей! Не будь наших родителей, мы и этой
водки бы не выпили. А не имей мы водки, не смогли бы выпить за

родителей. Я не видел еще пьяного человека, который не вспомнил бы своих родителей!

- Когда я напиваюсь, я ничего не помню, - сказал молодой блондин.

- Хорошо еще, что ты хоть об этом помнишь! - сказал "индюшиное яйцо". После тоста за родителей мы осторожно подняли блондина и уложили на третьей полке, рядом с его бочонком.

- Поверните его лицом к стенке, что-то он подозрительно икает! - предупредил нас "топор", но было уже поздно.

Блондин взорвался, словно вулкан. Не успели мы опомниться, как башлык нашего тамады окрасился в пурпурный цвет, "Индюшиное яйцо" и чисто одетый пассажир с билетом в ужасе глядели друг на друга. Один лишь я, чудом спасенный от неожиданного извержения, стоял, словно Христос среди грешников, и дико хохотал.

- Ах ты, мерзавец! - взвизгнул "топор" и, сорвав с плеч свой поруганный башлык, вышвырнул его в окно.

- Стащите его вниз, свинью этакую! - зарычал "индюшиное яйцо".

- Представляете, какой ужас! Что же мне теперь делать? Главное - не моя! - стонал пассажир с билетом, вытирая платком сорочку.

- Завяжите ему рот полотенцем, - посоветовал кто-то из соседнего купе.

- В чем дело, товарищи? Неужели лопнул бочонок? - раздался вдруг тихий голос блондина. С верхней полки, из полумрака, выглянуло его сконфуженное, бледное, словно мел, лицо.

- Ты еще издеваешься над нами, подлец?! "Лопнул бочонок"! У тебя что, винегрет в бочонке?! А?! Вот я тебе!.. - Разъяренный Амбако ринулся на полумертвого от страха блондина.

Его с трудом удержали.

...Спустя полчаса тосты возобновились. Вскоре за трапезой остались лишь я и Амбако.

- Я хочу, чтобы ты, дядя Амбако, познакомился со мной ближе, попросил я.

- Кто ты такой?

- Я - Зурикела Вашаломидзе!

- Что ж, фамилия у тебя хорошая, и выпить ты, видать, не дурак. А чей ты сын?

- Я сын моей бабушки, Иллариона и Илико. Амбако вытаращил глаза.

- Может, еще чей-нибудь? - спросил он наконец.

- Больше ничей. Только троих. Я петь хочу.

- И потому едешь в Тбилиси?

- Нет, в Тбилиси я еду учиться. Ведь у меня есть аттестат зрелости. А у тебя есть? Нету? Ты и знать не знаешь, что такое аттестат зрелости. Да здравствует учение! - сказал я и опорожнил стакан.

- Я вот что тебе скажу... Ты, видать, неплохой парень...

Ты слушаешь меня? Да перестань же смеяться как дурак! Слушай! Я

- Амбако Горделадзе и тоже еду учиться. "Куда тебе, старый хрыч, учиться!" - скажешь ты. Вот и напрасно. Учиться, брат, никогда не поздно... Вот когда царя Николая с престола свергли... Да ты держись, не падай! .. Когда Николая, говорю, свергли с престола, я был таким же, как ты, молокососом. И думал я, что сидел царь на большой тахте, а потом пришли к нему рабочие и крестьяне, взяли его за ноги и стащили с той тахты... Так я тогда думал. А почему я так думал, знаешь? Неучем был, вот почему! Зато сыновья у меня ученые. Понял? Да здравствует

учение! ..

- Да здоровствует дядя Илларион!

- Амбако мое имя!

- Нет, Илико!

- Амбако!

- Говорю тебе - Илико! Но когда у тебя вырос второй глаз?

- Слышь, сынок, меня зовут Амбако!

- Дядя Илларион, дай-ка я тебя поцелую!

- Черт с тобой, Илларион - так Илларион, но если, бог

даст, протрезвишься, зови меня Амбако!

- Не хочешь меня поцеловать?

- Чудак ты! Отчего не поцеловать хорошего парня? Амбако вытер губы рукавом и громко чмокнул меня. Я положил голову на плечо Амбако и закрыл глаза.

- Помнишь, Илларион, как ты подстрелил бедного Мураду?

- Помню, сынок, как же не помнить!

- А помнишь, что ты тогда сказал?

- А ну-ка напони!

- Утешал меня: не плачь, мол, Зурикела}

- Да, да, вспомнил!

- А ты? Ты ведь тоже плакал!

- Я плакал? Ну да, конечно, плакал!

- А табак помнишь? Тот, которым нас угощал Илико?

- Как же, отличный был табак!

- Да нет, я спрашиваю про наперченный табак!

- Помню и про наперченный.

- Ты ведь знаешь: ты и Илико для меня дороже всех на свете!

- Знаю, знаю, сынок... А теперь засни!

- Бабушка уже спит... Нет, не спит... Думает обо мне...

- Конечно, думает, а как же? Ведь любит тебя...

Мчится поезд, плавно покачиваются вагоны, качается земля и все вокруг... Как бы поезд не сошел с рельсов... Впрочем, мне бояться нечего - я сплю на груди Иллариона... Мозолистая шершавая рука его нежно гладит меня по влажному лбу... Постукивают на стыках колеса... Поезд мчится, гудит.

- Аа-у-у, Зурикела, куда ты, ау-у-у!

- Иду, иду, бабушка! - кричу я и бегу сквозь легкий туман.

- Спи, сынок... - успокаивает меня кто-то.

ЧТО ТАКОЕ ДОМ

Я уже студент экономического факультета. Богатство мое по-прежнему состоит из одной пары брюк и одного "хвоста" - по политической экономии. Пока я учился на первом курсе, мою стипендию аккуратно получала моя домохозяйка, причем при каждой получке она упрекала меня:

- Мог бы, лентяй, стать отличником... Теперь в связи с "хвостом" домохозяйку лишили стипендии, и поэтому к политэкономии мы готовимся вместе.

- Ну как, когда сдаешь? - спрашивает она каждое утро.

- Отвяжись, ради бога, тетя Марта! - злюсь я. - Что ты пристала, точно моя бабушка!

- Пропадите вы оба пропадом! - кричит хозяйка. - Нужны вы мне... Ты думаешь расплатиться со мной или нет? Или забыл про управдома? Сегодня опять он меня предупредил - держишь, говорит, непрописанного жильца, а про благодарность забыла.

- Ну и поблагодарила бы его! Жалко тебе хороших слов, что

ли!

- Не скаль зубы, дурак! Садись и занимайся! Если тебе через два дня не восстановят стипендию, выгоню из дому!

- А может, аспирантуру закончить за два дня? Подумаешь, дом! Мышеловка какая-то...

- Каков поп, таков и приход! Может, ты желал комнату с горячей ванной?

- Да, кстати, принеси-ка, пожалуйста, стакан горячего чаю!

- Гроб тебе принесу дубовый!

- И не забудь положить сахару!

Хозяйка уходит. А я грустно смотрю на свои конспекты. Тетя Марта живет в крохотном двухкомнатном домишке в конце Варазис-Хеви. Моя хозяйка - некрасивая, сварливая, но добрая женщина. У нее всего один жилец, да и тот - я. Я занимаю одну комнату, в которой, кроме меня, помещаются одна кушетка, один стол, Софья и вышитая женщина с рыбьим хвостом на стене. У Софьи - зеленые глаза. Утром после моего ухода она старательно чистит и вытирает мою единственную тарелку, потом весь день сидит на подоконнике и глядит на старое тутовое дерево и прыгающих на нем воробьев. Это дерево и тетя Марта, оказывается, ровесники, но еще никто не видел его плодоносящим. Софья - очень хитрая и себялюбивая. Вечерами она терпеливо ждет, когда я лягу и согрею постель. Лишь после этого она сходит с подоконника и осторожно лезет ко мне под одеяло. Я очень люблю Софью, нет, не то что люблю, просто очень привык к ней, - наверное, это и есть любовь. Откуда она пришла к нам, - этого не знаем ни я, ни моя хозяйка.. Было это вечером. Она молча вошла в мою комнату, задрала хвост, потерлась боком о ножку кушетки и вопросительно взглянула на меня, словно

спрашивала: "Я нравлюсь тебе?" Она была похожа на соседскую девушку, и поэтому понравилась мне. "Софья, Софья!" - позвал я ее. Она повернулась ко мне спиной и не спеша направилась к двери. "Куда ты, Софья, останься, пожалуйста!" - попросил я. И Софья осталась. С тех пор мы живем вместе...

Софья чувствует, что дела мои обстоят неважно, и всячески старается поддержать меня. Я в десятый раз перечитываю конспект и в отчаянии кладу его под подушку. Вчера вечером тетя Марта сказала мне, что я отъявленный безбожник, отсюда и все мои беды. Я ответил, что, по-моему, самый безбожный безбожник - это сам бог, который лишил меня покоя, а ее - стипендии. Тетя Марта заявила, что господь не простит мне подобного богохульства. Я сказал, что чихал я на этого бога. Тогда тетя Марта потребовала, чтобы я немедленно пал на колени и вымолил у всевышнего прощения, иначе он лишит меня дара речи. На это я ответил, что всевышний уже лишил меня языка, - второй раз выхожу на экзамен и ни разу не могу вымолвить ни слова! Тогда тетя Марта испуганно перекрестилась, плюнула и с шумом захлопнула за собой дверь...

...Сегодня утром я снова иду на экзамен. На всякий случай я решаю последовать совету тети Марты, становлюсь на колени перед кушеткой, воздеваю руки к потолку и молю бога:

- Боже, прежде всего прошу тебя, сделай так, чтобы этот прогнивший потолок не обрушился мне на голову... Потом, боже всемогущий, сегодня, в десять часов утра, у меня экзамен по политэкономии. Ты знаешь, что такое товар? Корова, свинья и козел - это не товар, как я думал раньше. Но, с другой стороны, корова, свинья и козел могут стать товаром. Не понимаешь? Я тоже не понимаю. Потому и прошу тебя - помоги мне сдать этот

предмет! Не позорь меня перед Илико, Илларионом и бабушкой!

Только не говори, что в мои годы ты учился на круглые пятерки!

Это ты брось! Илларион тоже так говорит! Вы, старики, только и умеете, что читать молодым нравоучения!.. Если уж ты такой умный, забудь про вчерашнее и помоги мне на экзамене! Вот это будет по-божески! Нет, в самом деле, что тебе стоит подбросить мне одну захудалую тройку?!. Ну как, боже, ты слышишь меня?!

- Эй, кто ты такой?! - раздался вдруг громкий окрик.

У меня со страха кровь застыла в жилах, во рту пересохло.

- Тебя спрашивают! - повторил голос.

- Я... Я... Я - Зурико...

- Вашаломидзе?

- Да, Вашаломидзе!

- И не стыдно тебе жить без прописки?

- Что?

- Ступай немедленно за мной в милицию! Там я тебе покажу

"что"! Кровь снова потекла по моим жилам.

- А кто ты такой? - спросил теперь я и обернулся, Передо мной стоял высокий, тощий мужчина в видавшей виды шляпе, с истертым портфелем под мышкой, - наш управдом Доментий.

- Дядя Доментий! - соорстил я гримасу.

- Черт тебе дядя! - соорстил гримасу Доментий.

- Товарищ Доментий! - поправился я.

- Какой я тебе товарищ? - оборвал меня Доментий.

- Ну, тогда мне все равно, кто ты, - взорвался я, - отстань от меня, я спешу на экзамен!

- Придержи-ка язык! Одевайся поживее и марш со мной! - рявкнул Доментий и засунул руку в карман.

- Вынь руку из кармана, а потом разговаривай со мной! -

повысил голос я.

Доментий даже застонал от удивления.

- Да ты!.. Да как!.. Как ты смеешь! Молокосос!..

- Говорю тебе по-человечески: оставь меня в покое, сегодня у меня экзамен! Завтра я сам пойду в милицию!

- Нет. Ты пойдешь сегодня, иначе завтра тебя поведут силой! Я понял, что Доментий не шутил. Софья догадалась, что я оказался в безвыходном положении, и начала истошно мяукать.

- Заткни ей глотку, не то вышвырну в окно! - сказал Доментий. Софья испугалась и замолчала. Я оделся. Через пять минут мы уже спускались по Варазис-Хеви.

- Нет у тебя сердца и жалости! Человек собирался на экзамен, а ты его тащишь в милицию, - сказал я.

- Это у меня нет сердца? - обиделся он.

- У тебя! У кого же еще?

- А у тебя оно есть? Вот ты живешь без прописки и не думаешь о том, что отвечать-то за тебя придется мне! Скажут - Доментий покрывает непрописанных, Доментий с них... А ты мне что-нибудь давал? Ну, скажи, давал ты мне хоть одну копейку?

- Нет!

- То-то! А то - Доментий взяточник, Доментий грабитель, Доментий обманщик... А кто вор и мошенник?

- Кто?

- Сколько ты платишь за комнату? - спросил вдруг Доментий.

- Двести пятьдесят в месяц, - ответил я.

- Откуда у тебя такие деньги?

- Бабушка присылает.

- А у бабушки откуда?

- Занимает у Иллариона.

- А Илларион где достает?

- Если урожай хороший - продает вино, а нет - занимает у

Илико.

- А где достает Илико?

- Да что ты ко мне пристал? ! А тебе-то самому кто их
дает?

- Никто. Потому и веду тебя в милицию!

- Говори прямо: что тебе от меня нужно?

- Мне - ничего. Отведу тебя в участок, сдам по всем
правилам правительству и доложу. вот гражданин... Какая у тебя
профессия?

- Пока никакой.

- Прекрасно!.. Вот гражданин без определенной профессии,
без прописки, провалившийся на экзамене... Ты по какому
предмету провалился?

- По политэкономии...

- Тем хуже для тебя... Политически неграмотный,
верующий... Ведь молился богу?

- Молился.

- Замечательно!.. Сдам тебя правительству, и... ты в
тюрьме сидел?

- Нет...

- Ну, так пожалей же себя! В два счета оформлю тебе
прописку - комар носа не подточит, - сказал Доментий и
остановился около закуской. - Понял?

- Нет...

- Болван! О чем с тобой говорить, когда ты даже не
понимаешь, что значит дом и прописка! .. Ну, что ты на меня
установился? Зайдем к Риголетто, закусим... По правде говоря, я

был очень голоден. Я посмотрел на Доментия благодарными глазами, нежно улыбнулся и последовал за ним в подвал.

Мы подсели к столику в углу закуской. Доментий отогнул скатерть, чтобы не запачкаться, отодвинул тарелку с мухомором, втиснул портфель между спинкой стула и собственной спиной, вытер лоб и заботливо спросил:

- Ну, что будешь есть?

- Все! - живо ответил я.

- А пить?

- За твой счет - хоть керосин! - пошутил я. Доментий

улыбнулся и стукнул по столу рукой:

- Риголетто! Из-за стойки вышел хромой буфетчик и замер на одной ноге у нашего столика.

- Аджан!

- Привет, Риголетто! Знакомься: свой парень, хлебосольный, сегодня распоряжается он! Я встал, вежливо поклонился, крепко, по-тбилиски, пожал руку Риголетто и назвал свое имя.

- Сагол, видать, крепкий парень! - сказал Риголетто и с сожалением посмотрел на меня. - Что прикажете подать?

- Два пива, два сыра, две зелени, редиску не забудь! Два хлеба и бутылку водки! Икра есть?

Риголетто глупо улыбнулся. Вскоре стол был накрыт.

Доментий наполнил стаканы, чокнулся со мной и молча выпил. Второй стакан выпили за наше знакомство. Потом Доментий произнес тост:

- Я, Доментий Хачапуридзе, - маленький человек. Но Наполеон тоже маленький был, а мой отец - еще меньше него, но горы сворачивал. Я - управляющий домами, и сердце у меня мягкое. От меня зависит жить человеку в доме или на улице. Тебе

приходилось жить на улице?

- Что я, беспризорный, что ли? - обиделся я.

- А вот захочу - и выгоню тебя на улицу, потому что ты непрописанный!

- А ты возьми и пропиши меня - и делу конец!

- Я-то возьму, но ты разве даешь?

- Что? - не понял я.

- Ладно, выпей! - сказал Доментий и наполнил стаканы.

Мы выпили. И тогда я заметил, что глаза Доментия начали косить.

- Ты знаешь, что такое дом? - продолжал он.

- А что тут знать? Дом - это дом!

- А все же?

- Ну... комнаты, перекрытые черепицей, или соломой, или дранкой... Доментий захихикал и снова взялся за стакан.

- Чудак ты! Дом - это прежде всего семья! Есть у тебя семья?

- Нет!

- Ну и дурак же ты, братец мой! В твои годы, если хочешь знать, у меня была уже вторая жена. Теперь я опять живу с первой... О чем я говорил? Да! Семья и дом неотделимы друг от друга. Не имеешь дома - не сможешь жениться, не женишься - не сможешь жену в дом привести? А ты знаешь, как появился дом?

- Знаю!

- Скажи!

- Из кирпича, досок, извести, камня, черепицы...

- Замолчи, жалкий ты человек! .. До того, как придумали кирпич, человек жил на дереве...

- В пещере, - поправил я.

- Одни жили в пещерах, другие - на деревьях... Потом человеку надоело жить на дереве и он спустился на землю... А потом, знаешь, что с ним случилось?

- Прошелся туда-сюда и снова полез на дерево...

- Нет, сперва он гулял, а потом ему стало холодно! И что он сделал?

- Надел пальто и согрелся!

- Идиот! Где тогда были пальто?! Взял он камень, высек огонь, развел костер и согрелся. Но ты же знаешь, природа коварна. Подул вдруг холодный ветер с востока. Взял человек и возвел стену с восточной стороны, - чтоб огонь от ветра оградить. Подул потом ветер с запада, возвел тогда человек вторую стену, с запада. Потом как налетит, как засвистит сквозной ветер - с севера на юг! Что оставалось делать бедному человеку? Поставил он еще две стены - с севера и с юга. А дело было осенью. Хлынул дождь - холодный, проливной. Видит человек - плохо дело, гаснет огонь. Что делать? Тут он и сообразил перекрыть стены соломой!

- Дальше?

- Дальше - новая беда: горит костер, дым ест человеку глаза - хоть плачь! Он туда, он сюда - что делать? Не разбирать же стены? Но он все же человек был, а мы тем и отличаемся от животных, что кое-что соображаем и говорить умеем.

- Сам ты животное, Серапиона ты, вот кто! - сказал я и схватился за бутылку.

- Поставь бутылку, глупец! .. Где ты меня остановил?

- ...Человек в дыму задышался!

- Да, чуть не задохнулся, несчастный. Потом он догадался: пробил отверстие в потолке, дым вышел, вздохнул он свободно...

Сидит человек у костра, греется. И захотелось ему узнать - не перестал ли дождь. А как узнать?

- Очень просто: высунул руку!

- Куда?

- В окно, куда же еще!

- Болван! Окна-то ведь не было? Вот он и решил сделать в стенке окно... А потом ему потребовалось выйти... Ну, сам понимаешь зачем... Риголетто! Два по сто! - Доментий икнул и продолжал: - Пробил он дверь, и получился... Что?

- Отверстие! - ответил я.

- Вот идиот! Дом получился, понимаешь ты, дом!

- Не знаю, мой дед иначе дом строил...

- А мой совсем не строил, он в чужой вошел, но это неважно... Потом человек привел из лесу собаку, поручил ей сторожить дом, а сам ушел. Привел жену, поручил ей вести хозяйство и снова ушел. Принес дичь... Стали они есть да похваливать... А потом пошли у них дети, внуки, правнуки, праправнуки... Появилось село, затем район, затем город и, наконец, столица... Столица Грузии - Тбилиси... Вот видишь, с каким трудом создавался наш Тбилиси? А ты свой труд вложил сюда? Нет! Так как ты смеешь после этого жить в Тбилиси без прописки?! Но ничего, не огорчайся... Ты мне нравишься... Как звать тебя?

- Зурико!

- Зурико... С Мартой я поговорю отдельно, а с тебя возьму всего-навсего двести рублей, не больше... Смотри только не проговорись! .. Как тебя звать?

- Зурико!

- Да. Значит, молчок! Понял, Зурико? - Доментий лукаво

подмигнул мне, да так и остался с закрытым глазом.

Тогда он подмигнул вторым глазом и тоже не смог открыть.

Так и заснул.

Я наполнил водкой стакан и подозвал Риголетто.

- Аджан! - не замедлил явиться буфетчик.

- Пей! - сказал я, протягивая ему стакан.

- На работе не пьем! - ответил Риголетто и осторожно

поставил стакан на стол. Я обнял буфетчика и спросил:

- Ты знаешь, что такое политекономия?

- И политику знаю, и экономию!

- Тогда скажи мне: что такое товар?

- Какой товар, бес фактурный?

- Нет, фактурный!

- Все, что лежит на витрине это товар. Есть еще товар на складе...

- Правильно! А этого мертвеца видишь? - указал я на

Доментия.

- Спит, - сказал Риголетто и усмехнулся.

- Это Серапиона.

- Не Серапиона, а Доментий.

- Я говорю тебе - Серапиона, - сказал я, потом залпом опорожнил стакан и вдруг почувствовал, что вокруг меня все завертелось. Стол, я и Риголетто очутились на стене. "Сейчас полетим вниз!" - промелькнуло в голове. Я зажмурился. Когда я открыл глаза, все было в порядке... - Ты меня не знаешь? - спросил я Риголетто. - Я - Зурикела Вашаломидзе... А ты знаешь, что такое политекономия?

- Ва, сказал же, знаю! Принести счет?

- Неси!..

Риголетто ушел, принес огромные бухгалтерские счета и бойко застучал костяшками:

- Два шашлыка - сорок рублей, два хлеба - шесть рублей, водка, зелень, сыр... В общем, всего триста рублей...

- Триста рублей - это много... Хватит и пятидесяти...

- Ты что?!

- Дай, говорю, рублей пятьдесят, для машины достаточно...

Не хочется тащиться пешком...

- Знаешь, что я тебе скажу?.. - В руке у Риголетто сверкнул аршинный нож.

- Ты что, убить меня хочешь? - спросил я.

- Выкладывай деньги! - прошипел буфетчик.

- Обыщи меня! Найдешь хоть один рубль - ставлю два литра!

Риголетто молча схватил меня за воротник.

- Дядя Доментий! Товарищ Доментий! Доментий!

Вставай, проклятый, убивают! - завопил я. Доментий открыл глаза, взглянул на меня невидящим взором, махнул рукой и переложил голову с одной тарелки на другую.

- Отпусти! - взмолился я. - В залог вот его оставляю! Мало тебе этого?

- Мало! - ответил буфетчик. - Выкладывай деньги! Шутки - потом!

- Ладно! - согласился я. - Отпусти меня...

Риголетто разжал пальцы. Я схватил портфель управдома, раскрыл его и потряс над столом. Портфель был пуст. Тогда я вывернул карманы пиджака Доментия. В них оказалось четыре тридцатки.

- Сто двадцать рублей. Гони еще восемнадцать червонцев!

Теперь я перешел на карманы брюк. В них оказалось сто пятьдесят

рублей.

- Гони еще тридцать! - сказал Риголетто.

- Бессердечный ты человек! Неужели у тебя детей нет? -

попробовал возмутиться я.

- Нету! - отрезал буфетчик.

- Тогда эти тридцать рублей я удержу за бездетность! -

сказал я и направился к двери.

- Убери с моих глаз эту падаль, - крикнул Риголетто, -

иначе я за себя не ручаюсь!

Я понял, что оставлять здесь управдома опасно.

Взвалив Доментия на плечи, я кое-как выбрался из владений Риголетто. В ту ночь я, Доментий и Софья спали вместе, в одной постели. Спали безмятежным сном, без всякой прописки, и ни одному из нас не было стыдно.

КОГО Я ВИЖУ!

Вот уже третий год я живу в Тбилиси. В деревне меня называют "городским жуликом", в городе "деревенщиной". Тетя Марта по-прежнему считает меня злостным неплательщиком, управдом Доментий - аферистом, профессора - гастролером, и только для бабушки, Илико и Иллариона - сколько бы институтов я ни кончил - я остался прежним Зурикелой - прохвостом, болтуном и нехристом. Софье все равно, кто я, она не интересуется ни моим прошлым, ни настоящим, ни будущим. Софья греется в моей постели, ест остатки моего обеда. И этого вполне достаточно для ее кошачьего счастья. "Хвосты" по-прежнему неотступно преследуют меня, а моя стипендия лежит где-то в сейфах университетской бухгалтерии и терпеливо ждет, - когда же она,

наконец, увидит своего хозяина...

...На дворе мороз. Валит снег. Воеет ветер. Я сижу в комнате тети Марты. Здесь теплее. На столе поет пузатый самовар. Мы медленно тянем горячий чай и мирно беседуем.

- Бедная твоя бабушка... - вздыхает тетя Марта. - Если бы ты, лоботряс, получал стипендию, ей было бы легче...

- Тетя Марта, сегодня день моего рождения, не отравляй его, ради бога!

- Будь проклят день, когда ты родился, бесстыдник!

- Благодарю! Вам того же желаю! Алаверды, тетя Марта! - говорю я и чокаюсь чайным стаканом с хозяйкой.

- У, шалопай! - Тетя Марта прячет улыбку и незаметно опускает свой сахар в мой стакан. Зима в Тбилиси холодная. Мне приятно сидеть в комнате тети Марты. После чая она обычно начинает рассказывать разные печальные истории, и всегда в третьем лице, но я знаю, что все это - из ее собственной жизни. Я люблю слушать печальные истории.

И тетя Марта любит слушать мою болтовню. Она корчится от смеха, после каждой паузы говорит: "Чтоб ты провалился!" - и вытирает слезы. Сегодня по поводу дня моего рождения в роли рассказчика выступаю я. Тетя Марта перестает отхлебывать чай и внимательно слушает.

- Ты знаешь моего Илико? - начинаю я.

- Еще бы! Сколько раз ты про этого одноглазого рассказывал.

- Так вот, слушай... Во дворе Илико, у самого плетня, стоит высокая черешня. Дерево это знаменито тем, что к нему привита черешня четырех сортов: шамбала, майская, поздняя и белая. Так что оно плодоносит все лето. Илико гордится своим

чудо-деревом и бережет его, как свой единственный глаз. Вряд ли кто осмелится забраться на дерево днем, а по ночам Илико спит на балконе в обнимку с допотопной берданкой, заряженной солью.

Как-то под вечер мы с Илларионом отправились на мельницу. В ожидании очереди время прошло незаметно. Возвращались домой далеко за полночь. Поравнявшись с домом Илико, Илларион остановился.

"Отдохнем немного!" - предложил он и уселся под черешней. Я не возражал. Посидели. Выкурили по одной. Я встал.

"Куда ты спешишь?" - сказал Илларион.

"Не сидеть же здесь до утра! Я спать хочу!"

"А черешни не хочешь?"

"Еще бы! А где ее взять?"

"Как это - где? Вот она, над тобой! "

"Ну нет, благодарю тебя! Ты, видно, забыл про берданку! "

"Дурак! Его берданку разорвало третьего дня!"

"Ну и пусть, я все равно не полезу!"

"Значит, на дерево карабкаться мне, а черешню лопать будешь ты?"

"Почему бы и нет!"

"Ах ты, мерзавец! И тебе не стыдно посылать на дерево бедного старика?"

"Не прибедняйся, пожалуйста! "

"Хорошо, черт с тобой, полезем вместе!"

Договорились: я должен был забраться во двор, хорошенько все разведать, влезть на дерево и после этого дать знак Иллариону. Вокруг все было спокойно. Я ползком добрался до черешни, прислушался, потом осторожно встал, крепко обхватил руками ствол дерева и... прилип к нему!

Прилип, как муха! Всем телом! Весь ствол дерева на высоту человеческого роста был обмазан толстым слоем дьявольской смеси, в которой по запаху угадывались тавот, навоз, птичий помет и еще какая-то дрянь... Я с трудом оторвался от дерева. Вся одежда воняла. Я стоял, задыхаясь от злобы и зловония, и думал о том, как отомстить Иллариону за соблазн. Лучшего выхода не было, - я вскарабкался на дерево и протяжно, но тихо свистнул. Тотчас же Илларион тенью перемахнул через плетень и осторожно двинулся к дереву. Я услышал его громкое сопение и приглушенный голос:

"Эй, что тут воняет?"

"Ничего, ничего, поднимайся!" - ответил я шепотом.

Илларион широко раскрыл объятия, обхватил дерево и... застыл. Под деревом минуту царило гробовое молчание, потом до меня донеслось злобное шипение:

"Зурикела, что это значит?"

"Это значит, что бог наказывает вора! Что, не нравится соус?" - ухмыльнулся я.

"Зурикела Вашаломидзе, если ты решил провести всю жизнь на этом дереве, то сиди. Но если спустишься когда-нибудь вниз - прирежу, как рождественскую свинью!"

"Сам во всем виноват!"

"В чем я виноват, сукин ты сын, в чем? Черешней хотел угостить тебя, подлеца. А навоза для тебя в моем доме до второго пришествия хватит".

"Ну будет тебе! Я спускаюсь, пусти меня!"

"Зурикела! Пожалей свою грешную голову, не делай ни шагу!"

"А что, летать прикажешь?"

"С ума меня сведет этот мерзавец! Ты как со мною

разговариваешь, молокосос?! Как мне теперь домой идти, ты подумал об этом?"

"А мне как идти?"

"Тебе идти не придется больше! Труп твой, слышишь, труп я принесу домой!" - Илларион собрался было дотянуться до меня, но закашлялся. Его тошнило. Я камнем свалился с дерева.

"Илларион, дорогой, что с тобой? Тебе плохо?"

"Прочь от меня, не прикасайся!" - оттолкнул он меня.

Поглощенные перебранкой, отравленные зловонием, мы ослабили бдительность. Вдруг на балконе Илико что-то загрохотало, упало, покатилося и разразилось истошным воплем:

"А-у-у, держи его, держи! Вы зайдите снизу, вы - отсюда, остальные - оттуда! А-у-уу!."

Опрокинув плетень лобовой атакой, мы галопом выскочили на дорогу. Грянул выстрел.

"Еще подстрелит нас, косой черт!" - пробормотал Илларион, взваливая на плечо мешок с мукой.

"Не бойся, пока он будет перезаряжать берданку, мы успеем уйти!"

"Черта с два! Ружье-то двуствольное!"

"А ты почему знаешь?"

"Да я же ему одолжил свое!"

"Ну, тогда пеняй на себя!"

"Бери мешок, дурак! Бежим!"

Я подхватил свой мешок и собирался было последовать за Илларионом, как раздался второй выстрел. Илларион выронил ношу, странно согнулся, одной рукой ухватился за меня, другой - за мягкое место и издал вопль, от которого задрожали стекла в доме Илико. Я поспешил зажать ему рот. Илларион извивался, словно

ужаленный, вертелся волчком, приседал, вытягивался - словом, выделял такие трюки, которым позавидовал бы любой акробат.

Пришлось бросить мешки и взвалить раненого себе на спину...

...Тетя Марта смеется до слез. Потом, обессиленная, перекачивается со стула на кушетку и машет мне руками - замолчи, мол. Но остановить меня не так-то просто...

"...Зурикела, дорогой, не оставляй меня, не срами на старости лет! - молил меня Илларион, скрипя от боли зубами. - Ох, Илико Чигогидзе, попадись ты только мне в руки! Уж я разделаюсь с тобой!.. Зурикела, спаси меня, умираю! .."

"Соль-то каменная?" - спрашиваю я.

"Смеешься, негодяй? Издеваешься? Ну, погоди, Доберусь я до вас обоих, мерзавцы! .. О-о-о, боже, будет ли конец моим мучениям?.. Горю!.."

"Потерпи, скоро рассосется..."

"Когда же это будет?! Всадил в меня, косой черт, пуд соли!

"

Я осторожно опустил Иллариона на землю, уложил лицом вниз, спустил с него штаны и осмотрел рану. "Плохи мои дела? - простонал Илларион. - Дотяну до утра?"

"Ну что ты, Илларион!" - успокоил я его.

"Зурикела, сынок, подуй на рану, авось полегчает! " - взмолился Илларион.

Битый час сидел я подле него, дул на рану и проклинал Илико. Потом кое-как, с большим трудом дотащил Иллариона до дому, уложил на кушетку и наложил на посиневшую рану мокрое полотенце. Затем я сбежал к себе домой, привел бабушку и больше не отходил от кряхтевшего и стонавшего друга.

"Видишь, видишь, Ольга, какую он со мной выкинул шутку? -

сокрушался Илларион, впиваясь зубами в подушку. - У-у, одноглазый дьявол, доберусь я до тебя! Доберу-у-сь! .."

"Неужели он не знал, что это ты?" - спросила бабушка.

"Упаси боже! Если бы он меня узнал, лежал бы сейчас ваш Илларион с пулей в груди..."

"Поделом тебе! В другой раз будешь умнее. А ты о чем думал, прохвост? - вдруг накинулась на меня бабушка. - Раздевайся сейчас же и ложись спать. Постираю вашу вонючую одежду, авось высохнет до утра, а нет - так валяйтесь в постели... Лодыри!.."

Легли мы только на рассвете.

...Было совсем светло, когда на дороге показался Илико. Я первым заметил его из окна и затаил дыхание. Илико нес на спине два мешка с мукой. Мешок побольше он сбросил у ворот Иллариона, другой перекинул через наш плетень. Потом он сложил руки рупором и закричал:

"Илларион!.. Илларио-о-н!.. Ты что, не слышишь, дорогой?"

Илларион молчал, как могила.

"Зурико! Зурикела-а-а!" - не унимался Илико.

"Чего ты разоряешься, косой черт ! - откликнулась бабушка.

- Чуть свет будишь мне ребенка! Что хотел?"

Илико, который больше всего на свете боялся моей бабушки, сразу же смягчил голос:

"Ничего, дорогая Ольга, я хотел только узнать, дома ли Илларион".

"А мой Зурикела сторожем к нему приставлен, что ли? Пойди и сам посмотри!"

Илико с минуту молчал, словно сил набирался, а потом разразился:

"Где ты, носатый дьявол?! Выйди, покажись! .. Не смеешь?.. Вор! Разбойник!.. Нашел себе занятие - воровать чужую черешню! .. Бесстыдник! .. Ну, каково лежать в постели? Не нравится?.. А может, подбавить еще немного соли? Не хочешь? Выходи, говорю тебе, покажись! .. Не можешь ходить? Так тебе и надо, бандюга! Будешь знать, как обворовывать честных людей! .."

"В чем дело, Илико, за что ты его так проклинаешь?" - спросила бабушка.

"За что? Задумал, понимаешь, прошлой ночью моей черешней полакомиться. И получил по заслугам. И он, и его дружок! "

"Какой еще дружок?"

"Не знаю! Пусть сам скажет!.." - уклонился Илико от ответа.

"Погоди, может, это был вовсе не Илларион?!"

"Да если б это был не он, разве простил бы мне столько ругани! И потом, с чего это ему вдруг приспичило стирать свою сорочку и брюки? Вон! Развесил на перилах! Скажите, пожалуйста, разбогател, смену имеет! Вставай, выходи, носатый, и забирай свою муку, пока я не передумал!.. Разбойник!.." Илико с видом победителя зашагал по дороге. Пройдя несколько шагов, он остановился, обернулся к бабушке и громко спросил:

"А все же, где этот прохвост Зурикела? Или он не слышит меня?"

"Что тебе от него нужно?" - сказала бабушка и взяла в руки палку. "Ничего особенного, дорогая... Просто хотел спросить, долго ли он тащил вчера на спине носатого дружка?.."

Не вытерпев больше, я с хохотом выбежал на двор.

Смеялась бабушка, смеялся Илико. Не смеялся лишь бедный

Илларион он по-прежнему лежал, уткнувшись носом в подушку, и скрипел зубами...

...Я закончил свой рассказ. Тетя Марта встала, поцеловала меня в лоб и налила чай. Потом открыла шкафчик, достала банку орехового варенья и положила мне на блюдечко два черных шарика.

- Ну и уморил ты меня, Зурикела! Дай бог здоровья тебе, и твоей бабушке, и твоему Илико, и твоему Иллариону!..

- Это я завтра утром съем, тетя Марта, - сказал я и взял блюдечко.

- Ешь сейчас, а на утро возьми вот это! - ласково сказала тетя Марта и придвинула ко мне банку с вареньем.

Сегодня произошло чудо: Софья встретила меня в постели. Она, наверное, долго ждала меня, но я засиделся у тети Марты до двух часов ночи. Софья чуть приоткрыла один глаз, взглянула на меня и, убедившись, что это я, снова закрыла. Я быстро разделся и лег рядом с ней. Прошло несколько минут. Софья молчала. Наконец я не вытерпел и спросил:

- Спишь? Софья не ответила. Она снова открыла один глаз, посмотрела на меня, потом закрыла и продолжала мурлыкать.

- Софья, - сказал я, - это довольно глупо с твоей стороны! Ну, почему ты дуешься, скажи, пожалуйста? Ведь я был у тети Марты! Софья хотела что-то ответить, но не смогла: ведь это была Софья, а не Мурада, который понимал меня с полуслова и мог глазами разговаривать со мною на любую тему...

- Софья, - продолжал я, - сегодня день моего рождения. Знаешь, сколько лет мне исполнилось? Софья не знала и, видимо, не интересовалась этим. Но она прочла в моих глазах радость и по-своему поделила ее: повернулась ко мне и ласково потерлась мордой о мою щеку. Я обнял Софью, и мы заснули. Всю ночь мне

снились бабушка, Илико и Илларион, а Софье, наверное, - мыши...

...Светало, когда у нашей калитки кто-то громко позвал:

- Хозяин!

Я не был здесь хозяином и поэтому не откликнулся.

- Эй, хозяин! - позвал кто-то еще раз.

В комнате тети Марты послышался шум, потом скрипнула дверь и по балкону прошлепали тапочки моей хозяйки.

- Кто там?

- Где тут живет Зурикела Вашаломидзе?

- Кто?

- Прохвост Зурикела Вашаломидзе!

Всемогущий боже! Святая Мария! Тетя Марта! Софья! Знаете ли вы, что такое чудо? Знаете ли вы, как от радости останавливается сердце? Нет? А знает ли об этом тот, кто сейчас произнес мое имя? Быть может, это всего-навсего телеграмма? Нет, это не телеграмма! Так в чем же делом Спокойнее, Зурикела! Не выскакивай босиком во двор, простудишься, выгляни-ка сперва в дверь! Нет, нет, беги, лети к калитке! Кричи, плачь, смейся, пой, Зурикела! С огромным хурджином на плечах, запорошенный снегом, с посиневшим от холода носом во дворе стоит твой Илларион!

Илларион прекрасно, - словно это было вчера, - помнит день рождения Зурико. В тот день он в последний раз выстрелил из своей берданки, - вскоре после этого ружье у него отобрали. Что бы там ни случилось, Илларион не забудет день рождения Зурико. потому что нет на свете никого, кто был бы Иллариону дороже, чем Зурикела.

Вот и сейчас он приехал к своему любимцу и привез теплые шерстяные носки, вино, водку, сушеные фрукты. И деньги. Свои

премиальные - за шелковичные коконы - семьсот рублей. А еще привез он письмо от бабушки. А ну-ка, что там пишет бабушка своему Зурико?

"Сыночек мой! Ты теперь ученый человек, известный всему Тбилиси. В твою школу пришло письмо из университета. Кого, мол, это вы нам прислали? Кто его учил? Я так и знала, что ты всех там с ума сведешь, мой дорогой! Смотри не урони чести нашего села! Больше ничего мне от тебя не нужно, сынок! Завтра тебе исполнится двадцать лет. Так ведь? Через год подыщу тебе невесту, мой мальчик. А как же? Должна же я покачать люльку твоего сына! Потом я умру, и ты похоронишь меня. Но только не смей плакать! С песней, со смехом похорони свою старую бабушку, мой ненаглядный! Сожалеть мне не о чем - прожила я немало, хватит с меня... В деревне у нас, слава богу, все благополучно. У Илико отелилась корова. Хромой Архипо отдал богу душу, похоронили в прошлое воскресенье. Матрена наконец-то выдала замуж свою черную, как головешка, девку. Я и Илико посылаем к тебе Иллариона с небольшим гостинцем. Присмотри как следует за ним. Бедняга жалуется на глаз. Ты уж постарайся, пожалуйста, поговори с профессорами пусть вылечат нашего Иллариона. Вот и все, мой мальчик. Мери и все соседи шлют тебе привет. Крепко тебя целует твоя бабушка Ольга".

Целый день Зурико читает и перечитывает это письмо. Читает и на другой день, и на третий. Ему хочется плакать и смеяться, кричать и петь. К черту Тбилиси, учение, диплом! Зурико соберет свои пожитки, купит билет и поедет в деревню, туда, где его ждут бабушка и... Мери. Поедет! Обнимет свою добрую, старую бабушку, а потом пойдет к Мери и спросит:

- Тебе холодно?

- Холодно, - ответит Мери.

Зурико снимет тулуп, накинёт на её озябшие плечи, обнимет,
и так они будут шагать до утра по белому нетронутому снегу...

ЕЩЕ ОДИН ОДНОГЛАЗЫЙ

Уже месяц, как Илларион живет у меня. Ему не нравится ни
моя комната, ни моя библиотека.

- Бальзак - "Шагреновая кожа", Ромен Роллан - "Кола
Брюньон", Проспер Мериме - "Матео Фальконе", Гюго - "Собор
Парижской богородицы", Джавахишвили - "Квачи Квачантирадзе",
Диккенс - "Давид Копперфильд", Галактион Табидзе - "Избранные
стихи", Омар Хайям - "Рубаи", Гамсахурдия - "Похищение луны",
Илья... Акакий... Важа... Казбеги, Чонкадзе, - перебирает он
книги на полке, потом смотрит на меня поверх очков и удивленно
спрашивает:

- А куда ты дел Эгнатэ Ниношвили?

- Они ничем не хуже Эгнатэ, - успокаиваю я Иллариона.

- Не хуже? Кто из них может стать рядом с Эгнатэ?!

- Все!

- Кто, например? Половину этих фамилий первый раз слышу!

- А ты прочти - и узнаешь, - говорю я.

Илларион смотрит на меня с нескрываемой иронией и небрежно
перелистывает книги...

...Весь день мы бродим по городу, заходим почти во все
магазины. Илларион долго, с вожделением смотрит на красное
кожаное пальто, подбитое мехом. Потом начинается детальное
ознакомление с магазином скобяных изделий. Илларион тщательно
осматривает привязанные к прилавку напильники, молотки, пилы и

замки. Потом осведомляется - нет ли в продаже аппарата для опрыскивания виноградников, и, не дожидаясь ответа, выходит из магазина. Дольше всего мы задерживаемся в магазине "Охотсоюза".

- Порох есть - шепотом спрашивает Илларион у продавца, перегнувшись через прилавок.

- Нет! - коротко отвечает продавец.

- Дробь?

- Нет!

- Эзала?

- Это еще что за черт - эзала? - повышает голос продавец.

- Капсюль, несчастный! - повышает голос и Илларион. - Пыж!

- Выражайся повежливее! - кричит продавец. - Кого ты называешь пижоном?¹

- А ты чего орешь, словно раненый медведь? - наступают Илларион.

- Что ты сказал? - бледнеет продавец. - Уберите отсюда этого ненормального, иначе убью его на месте! Дело принимает серьезный оборот, и я спешу вывести Иллариона из магазина.

- Чем ты меня убьешь, несчастный, - кричит Илларион, - у тебя ведь нет ни пороха, ни дроби!

...Иногда мы совершаем поездки на трамвае или троллейбусе. Билеты, как правило, приобретает Илларион, потому что я студент и у меня своего горя достаточно. Вначале Илларион радовался, когда кондукторша, получая от него деньги, подмигивала ему, щекотала ладонь, но билета не давала, - понравился, мол, думал он. Но однажды, когда такую же процедуру с ним проделал здоровенный детина-кондуктор, Илларион не вытерпел и гаркнул на весь вагон:

- Ты мне не подмигивай, лучше давай билет, а то залеплю по морде!

Вечерами мы ходим в кино. Водил я Иллариона и в цирк и в зоопарк - хочу удивить его чем-нибудь. Но в Тбилиси Иллариона ничего не удивляет, кроме трех вещей: первое - когда я успеваю заниматься; второе - почему у клоуна в цирке зеленые волосы; третье - как могут жить люди в городе без вина "Изабеллы", лука-порей и подогретого мчади.

В свободные от культпоходов вечера мы сидим у тети Марты вокруг пузатого желтого самовара, Илларион рассказывает нам разные истории, мы пьем кипяток и хохочем. Иллариону нравится тетя Марта, и тете Марте нравится мой Илларион, - у него, говорит, настоящий орлиный нос.

Я и Илларион спим вместе, в одной постели. Перед сном он или читает, или разбирает прочитанное, или расспрашивает меня о городских делах, или проповедует мораль. Иногда все это он делает вместе. Софья лежит между нами, внимательно прислушивается к нашей беседе и блаженно мурлычет. Илларион с первого же дня невзлюбил Софью. Она платит ему взаимностью. Когда Софья впервые увидела в моей постели Иллариона, она выгнула спину, задрала хвост и недовольно фыркнула. Илларион безо всякого вступления схватил Софью за загривок, открыл окно, и не успел я опомниться, как Софья оказалась в снегу. Я объяснил Иллариону, что Софья - равноправный член нашей семьи. Так же, по возможности, разъяснил Софье, что Илларион - близкий нам человек. Было достигнуто временное перемирие. Но восстановить прочный мир мне так и не удалось.

- Прогони ее к чертям, покоя от нее нет! - говорит Илларион.

- А чем она мешает тебе? - говорю я.

- Как не мешает, когда я ночью боюсь пошевелиться, - еще раздавишь ее, проклятую!

- А ты не шевелись!

- Может, мне перестать дышать?

- Куда же я ее денут

- Пусть дрыхнет под кушеткой!

- Под кушеткой холодно!

- Хорошо! Тогда под кушетку полезу я, а она пусть нежится в постели!

- Пожалуйста! Лезь!

Илларион ничего не отвечает, хватает кошку за хвост и швыряет на пол. Софья жалобно мяукает, лезет под кушетку и терпеливо ждет, пока не раздастся храп Иллариона, чтобы вновь залезть в постель и занять свое законное место. Но Илларион долго не засыпает.

...Илларион болен. У него болит левый глаз, очень болит.

Любовь ко мне и болезнь привели Иллариона в Тбилиси. Илларион не трус, но идти к врачу боится, про больницу и слышать не желает! А глаз болит все больше. По ночам боль становится просто нестерпимой. Бедный Илларион готов лезть на стену. Я хожу за ним, успокаиваю, как могу, - напрасно...

Наконец я решаю, что ждать больше нельзя.

Мы одеваемся, заворачиваем в газету бутылку водки и один хачапури и, по рекомендации тети Марты, отправляемся в Сололаки к частному врачу. Правда, он сам одноглазый, сказала тетя Марта, но зато самый искусный, самый знаменитый врач во всем городе, участник Отечественной войны, который, оказывается, за какой-нибудь месяц вылечил ее от ячменя. Поэтому мы очень

удивились, не увидев перед домом врача очереди ожидающих пациентов.

- Я погиб! Видно, у него сегодня нет приема! - простонал Илларион.

- Ничего, Илларион, не волнуйся! Пойду, брошусь перед ним на колени, уговорю принять! - успокоил я Иллариона и решительно постучал в дверь. В коридоре что-то загрохотало, потом раздался шепот, потом кто-то с шумом захлопнул дверь комнаты, снова раздался грохот, и дверь открылась. На пороге стояла маленькая испуганная женщина. В нечесаных волосах ее торчали пух и перья из подушки. Извините, пожалуйста, - начал я, - у уважаемого профессора сегодня, кажется, нет приема, но мой дядя приехал из деревни, у него страш...

- Ну вас... - оборвала меня женщина, - а я думала - вы инкассаторы! Женщина проворно вкочила на стул, достала из кармана халата скрюченный кусок проволоки - жулик", затолкала его под электрический счетчик и спрыгнула.

- Ну, что хотите?

- Уважаемый доктор должен обязательно принять нас. Без этого мы не уйдем отсюда! - сказал я и приготовился к отражению атаки.

- Что вы, что вы! Сию минуту! Пожалуйста сюда, - засуетилась женщина. - А кто вас направил к нам? Пройдите, пожалуйста, в комнату! .. Мамонтий! Мамонтий! Больные пришли! Больные! Женщина схватила нас за руки, втокнула в комнату, снаружи заперла дверь на ключ и с криком ".Мамонтий! Мамонтий!" убежала. Спустя минуту в комнату ворвался высокий небритый мужчина в полосатой пижаме. Один глаза у него был зеленый, а другой - красный.

- Садитесь! - сказал он строго. Мы огляделись. В комнате стояли кровать, письменный стол и два стула.

- Сюда сядет больной, сюда сопровождающий, - указал он на стул и кровать; сам подсел к письменному столу.

Мы заняли указанные места.

- На что жалуетесь? - спросил врач.

- На глаз! - ответил Илларион.

- А в чем дело? Болит?

- Нет, танцует! Не видишь? Слепну.

- Чем лечился в деревне?

- Сперва чаем промывал, потом сырым молоком...

- А сахаром не пробовал?

- Смеешься?! - обиделся Илларион.

- Наоборот! Видать, много у тебя молока и чаю! Вино пьешь?

- Пью!

- Нехорошо!

- Я хорошее вино пью! - успокоил его Илларион.

- Куришь?

- Курю!

- Тогда дай закурить? - попросил врач.

- Угости его папироской! - сказал мне Илларион. Я протянул пачку. Врач достал две папиросы, одну тотчас же засунул себе в рот, другую - за ухо.

- Выкурю после обеда, - пояснил он.

- Возьмите, пожалуйста, еще!

- Так и быть, из уважения к тебе, после обеда выкурю две штуки! - сказал врач, достал из пачки еще одну папиросу и заложил за второе ухо.

Хорошо еще, что у него было только два уха, иначе мы с

Илларионом остались бы в тот день без папирос. Накурившись, он пересел ближе к Иллариону и ткнул пальцем в больной глаз.

Илларион подскочил.

- Больно?

- А ты как думаешь?

- Нервный?

- Не то что нервный - сумасшедшим стал! На стенку готов лезть! - сказал Илларион.

- Мда-а, на то и глаз... Вот, помню, у меня болел глаз, так это была боль! Насилу меня из петли вынули!

- Что же с тобой стряслось! - спросил сочувственно Илларион и знаками приказал мне поставить на стол водку и хачапури.

Я повиновался.

- Что это такое? - закричал врач.

- Прохладно у тебя, не мешало бы пропустить по одной, - сказал Илларион.

- Только по одной! - согласился врач и встряхнул бутылку.

- Чача! Шестьдесят градусов! - сказал Илларион и высыпал карандаши из лежавшего на столе небольшого глиняного кувшинчика. Потом наполнил его водкой и протянул врачу.

- За ваше здоровье! - сказал врач, одним духом опорожнил кувшинчик, крякнул, замотал головой и набросился на хачапури.

Выпили и мы.

После второй чарки врач продолжал начатый разговор:

- Вот когда у меня болел глаз... Как тебя звать?

- Илларион.

- А тебя?

- Зурико!

- Так вот... Окружили меня врачи... Пичкают лекарствами - это, говорят, немецкое, это - американское, это - домашнее...

Куда там! .. Как тебя звать?

- Зурико!

- За здоровье Иллариона! - сказал врач.

- За здоровье доктора! - сказал Илларион.

Выпили по третьей. Врач потрепал меня по щеке и снова спросил мое имя. Потом я потрепал врача по щеке и сказал:

"Зурико! "

- Окружили меня, дорогой Зурико, врачи и пичкают лекарствами. Но, скажи, приходилось тебе видеть больного, которого вылечил бы врач?

- Что вы?! - удивился я. - Никогда!

- Так вот... Лечили, лечили меня, пока не выколупали глаз и не застеклили дырку. Но ничего - чистая работа. Заметно разве? А ну, присмотритесь как следует! Илларион уставился в глаза врача.

- Это который же?

- Вот этот, красный!

- Ей-богу, совсем как настоящий! А если в зеленый цвет покрасить - совсем незаметно будет. - То-то! А у тебя который глаз болит?

- Доктор, может, у тебя оба глаза - стеклянные? - повысил голос Илларион.

- Честное слово, только один! Говорил ведь тебе, что незаметно! - обрадовался врач.

- За здоровье всех здоровых! - поднял Илларион чашу. - Да избавит нас бог от чумы, врачей и всякой напасти.

- Я - врач, - начал хозяин, приняв чашу, - у меня, правда,

нет диплома и на дверях не висит мраморная табличка, но все же я - врач! .. Кое-кто в министерстве недоволен моей работой, пописывают на меня анонимки, штрафуют, но мне наплевать! .. Мои знания - всегда со мной! .. Меня многие не любят!.. Больные никогда не любят врачей! Это общеизвестно! А вот врачи всегда любят больных! .. Разве врачам можно доверять?.. Никогда!.. Хе-хе, врачи, дай им только волю, мир в могилу сведут! .. Как тебя звать?..

- Его зовут Зурико, а тебе хватит пить, иначе без мозгов останешься! - рассердился Илларион. - Это тебе не глаза, заново не вставишь!

- Ерунда! .. Современная медицина дошла до того, дорогой... Как тебя зовут? - спросил врач у Иллариона.

- Никак меня не зовут. Если можешь, скажи, что у меня с глазом, а нет - свалю тебя в постель, и все!

- ...Сейчас медицина дошла до того, что скоро не то что мозг - всего человека заменить смогут. Скажем, привели к врачу живого человека, посадили в кресло... Нажал врач на кнопку и - нате! - забирайте, пожалуйста, мертвеца!.. А ты думал, как?

- Это я и без тебя знаю! - буркнул Илларион.

- А если знаешь, - чего боишься? Подумаешь, выколют тебе глаз! Зато вставят новый - получше прежнего! Чем стеклянный глаз хуже настоящего, скажи мне? Стеклянный глаз вынешь, положишь в стакан с водой, а сам спи себе спокойно! Или, скажем, умываешься, и вдруг мыло попало в глаз! Настоящему глазу от мыла одна неприятность, а стеклянному - хоть бы что! Или еще лучше: сидишь себе у камина, греешься, глядишь - бац! - искра угодила в глаз! Настоящий глаз от этого может ослепнуть, а стеклянный и не почувствует! .. Скажу тебе еще лучше...

- Ну, нет, брат, лучше не скажешь! - вздохнул Илларион. -

И какой это болван назвал тебя врачом? Ты же гений. Я уже начинаю думать, может, выколоть тебе оба глаза и вставить стеклянные, а?

- А как вы думали?! Медицина, брат, великое дело!.. Долой настоящие глаза! Да здравствует искусственный глаз!

- Да здравствует искусственный глаз! - подхватил я провозглашенный врачом лозунг и продолжал: Этот человек для меня дороже всего на свете, это мой Илларион, у него болит глаз...

- Какой глаз? ! - спросил врач и с недоумением уставился на меня.

- Все тот же! - сказал я.

- А вот мы его сейчас и удалим! В два счета!.. Вабале! Неси сюда кипяток и нож! - Врач икнул и опустил голову на стол.

- Что принести? - приоткрыла дверь Вабале.

- Принеси таз и поставь перед ним, - сказал Илларион. - Господи! Что с ним! - вскричала Вабале.

- Пока ничего особенного? - ответил я.

- Мамонтий, Мамонтий! - запричитала женщина.

- Интересно, какой идиот его крестил! - сказал Илларион.

"Мамонтий"! Ну что это за имя? Лучше назвали бы Серапионой! Как ты думаешь, Зурикела, подходящее для него имя - Серапиона? Я широко улыбнулся, но ничего не ответил. Комната то озарялась ярким светом, то погружалась в темноту, стены все время раскачивались.

- Что вы с ним сделали? - набросилась на Иллариона Вабале.

- Проваливай отсюда! - огрызнулся Илларион. - При чем тут мы?

Не умеет пить, нечего было хлестать водку! Даже осмотреть меня

не успел, подлец!

- Не волнуйся, Илларион, я сам тебя осмотрю! сказал я,
взял со стола указку и ткнул ею в приколотую к стене таблицу: -

Какая это буква, дорогой мой . Илларион?

- Какая, солнышко? - спросил меня Илларион.

- Вот эта!

- Какая, кретин, прочти!

- Вот эта - "ч"! - сказал я.

- Чу! - сказал Илларион.

- Умница, дядя Илларион, да ты прекрасно видишь! А это
какая буква?

- А ну-ка, которая?

- На перевернутое "т" похожа!

- Наверное, "ш", - догадался Илларион.

- Иди, я тебя поцелую, - сказал я.

Мы обнялись.

- Вон! - завизжала Бабале. - Убирайтесь!

- Ладно, ладно... Уйдем... Все равно пользы от твоего
мамонта - как от покойника.

- Убирайтесь! - прошипела Бабале.

- "Я гуриец, ты гуриец, ре-е-еро-о", - затянул песню

Илларион, обнял меня за плечи, и мы, пошатываясь, покинули дом

Мамонтия Цверева...

...В ту ночь боль в глазу Иллариона стала невыносимой.

Пришлось вызвать машину "Скорой помощи", Илларион улыбался и
утешал меня:

- Ну что ты приуныл, дурачок? Не бойся, ничего со мной не
случится. Зато для твоей Софьи какой праздник наступил,
развалится теперь на моем месте, как барыня! Ну, выше голову!

Кому я говорю?! Я стоял во дворе, зареванный и жалкий, и смотрел на Иллариона. Голос его звучал бодро, на лице играла деланая улыбка, но я видел, как у него дрожали губы и по морщинистым щекам текли слезы. Пятнадцать дней спустя Илларион выписался из больницы без глаза. Он молча вошел в комнату, молча сел. Я ни о чем не спрашивал его, он тоже ни о чем не говорил. Так продолжалось всю неделю. Я аккуратно посещал лекции, был со всеми вежлив и предупредителен, а после занятий сломя голову мчался домой, к моему Иллариону.

Однажды, вернувшись из университета, я не застал Иллариона в комнате. Я выглянул в окно - и замер. Была теплая солнечная погода. Илларион сидел во дворе на стуле под шелковицей. На коленях у него примостилась Софья. устремив в небо задумчивый взгляд, Илларион курил, нежно поглаживая по спине притихшую Софью, и о чем-то вполголоса с ней разговаривал. Я прислушался.

- Тебе говорят, глупая, тебе! Понимаешь, что значит быть безглазым? Это значит - не видеть солнца, луны, деревьев, людей... Жить в крошечной тьме... Если бы я не согласился на операцию, пришлось бы вообще потерять зрение. Поняла? Ни черта ты не поняла, дуреха! Эх, был бы здесь наш Мурада!.. А ты - глупое создание! .. Что, обиделась? Ну, будет, будет тебе... Как же я теперь вернусь в деревню? Всю жизнь я дразнил Илико кривым чертом... Куда мне теперь деваться?.. Ну, хорошо, проживу здесь еще месяц, другой, третий... А потом? Ведь придется в конце концов вернуться домой? .. А может, он ничего и не заметит? Как же! Не такой он дурак, чтобы не отличить стекляшку от настоящего глаза! .. Не отвезти ли ему в подарок такую же стекляшку? Как ты думаешь? Привезу и скажу: "Ну все, старик, конец нашему балагурству... Вставь себе эту штуку и

коси на здоровье от моего имени... Отныне мы с тобой равны..."

Как ты думаешь, обрадуется он моему несчастью? Да? Никогда больше не говори этого! Как ты могла даже подумать! Не знаешь ты моего.

- Илико! Умрет старик с горя! Нет? Да как же нет, когда я и Зурикела - твой непутевый хозяин - ему дороже всего на свете!

.. Ну иди, иди, все равно не понять тебе этого...

Илларион осторожно спустил с колен кошку и слегка подтолкнул ее. Софья пошла к окну. Илларион взглядом проводил ее, и я увидел, что он плачет. Плакал и я. Плакал и радовался, что Илларион не видит моих слез.

ЗДРАВСТВУЙ, ИЛЛАРИОН!

После операции Иллариону уже не сиделось в Тбилиси. Приближался март, и Иллариона тянуло в село - туда, где его ждали старая однорогая корова и неугомонный задира петух, ждали родная земля и родное солнце, ждала весна - пора пробуждения жизни, пора труда и надежд. Отпустить Иллариона домой одного я не мог - он все еще был очень слаб. Кроме того, старик пуще смерти боялся встречи с Илико. Я с плачем вымолил у декана двухдневный отпуск, и в тот же вечер мы отправились в деревню...

...Солнце только выкатилось из-за горы, когда мы подошли к нашему селу. Лениво лаяли уставшие от ночного бдения собаки. Умытые росой деревья кишели всякой птичьей мелюзгой. Над селом стлался легкий туман.

- Гляди, Зурикела, твоя бабушка уже на ногах! - сказал Илларион и показал рукой на струйку белого дыма, поднимающуюся

из трубы нашего дома. Я сорвался с места и с криком помчался вниз по кособору:

- Бабушка! .. Бабушка-а-а! ..

Из дома, повязывая на ходу выцветший платок, вышла моя сгорбленная бабушка.

- Бабушка-а-а!

Бабушка приложила ладонь козырьком ко лбу. Несколько минут всматривалась вдаль, потом вдруг встрепенулась, засуетилась, что-то закричала и, раскинув руки, бросилась мне навстречу.

- Зурикела! Сыночек!.. Мы крепко обнялись. Потом я подхватил бабушку на руки и понес к дому.

- Сынок! Дорогой мой! Наконец-то! Боже мой, на кого ты стал похож? ! Кожа да кости! Говорила ведь я: ученье хоть кого в бараний рог свернет! О господи...

- Как живешь, бабушка?

- Ты лучше о себе расскажи! Закончил учебу?

- Что ты, бабушка! Учеба только начинается!

- Бедная твоя бабушка! Ты что, один за всех должен учиться? Черт бы побрал твоего учителя! О чем он думает? Ты растолкуй ему, скажи - бабушка у меня больная, одинокая, старая, истомилась в ожидании, - авось сжалится, изверг, ускорит твое обучение!

- Скажу, бабушка, обязательно скажу, - успокаиваю я бабушку. Илларион стоит за моей спиной, качает головой и терпеливо ждет, когда я спущу бабушку на землю.

- Здравствуй, Ольга! - говорит он наконец.

- Илларион, родной, извини меня, ради бога! Совсем я обалдела от радости! Ну, как ты поживаешь? Как твой глаз?

- Какой глаз, Ольга? Нет больше у меня глаза!

- Ну тебя, старый черт!

- Ей-богу, Ольга!

- А это что? Разве это не глаз?

- Гм... Конечно, глаз... Такой, как у того высушенного ястреба, что висит на стене у Илико...

- Неужто стеклянный?

- Да!

- Боже ты мой! Но ты не печалься, Илларион... Мы ведь с тобой, дорогой! .. Да что же это вы стоите на дворе? Заходите, заходите в дом! Небось проголодались с дороги! - засуетилась вдруг бабушка и потащила нас в дом.

Позавтракав, мы перебрались к Иллариону, заняли наблюдательные посты у окна и стали ждать появления Илико. Его долго не было. Наконец скрипнула калитка и во двор вошел Илико. Мы затаили дыхание.

- Илларион! - крикнул Илико.

- Встречай кривого! - прохрипел Илларион и потянулся за кувшином с водой. Я вышел на балкон.

- Здравствуй, дядя Илико! Заходи, пожалуйста!

- Здравствуй, профессор! - ответил Илико, поднялся на балкон, крепко обнял меня, потом отступил назад и долго, критически разглядывал с ног до головы. Наконец он сокрушенно покачал головой и снова полез целоваться.

- Прохвост ты, мой дорогой! Ну-ка, выкладывай, как поживаешь, как твои дела? Небось с ума свел профессоров? А это что? Усы! - удивился вдруг Илико и дернул меня за ус. - Настоящие?

- Настоящие!

- Врешь, не может быть!

- Говорю, настоящие!

- Такому подлецу - усы? Нет на свете справедливости, иначе ты родился бы безбородым и безусым!.. А где Илларион? Эй, носатый, выйди, покажись!

- Коли пришел в гости - заходи, а нет, так проваливай! - отозвался Илларион. Илико вошел в комнату.

- Здравствуй, Илларион!

- Здравствуй, Илико!

Они обнялись и долго целовали друг друга. Потом Илларион пригласил нас к низенькому столику, вынес вино и маринованный лук-порей. Разговор не клеился. Илико курил, я поглядывал на Иллариона, а Иллариов сидел насупившись и вздрагивал при каждом движении Илико. Наконец тишину нарушил Илико:

- Ну, рассказывайте, что нового в городе? Какие там цены?

.. Воблу привез? - вдруг обратился он ко мне.

- Забыл!

- О чем же ты помнил, сукин сын?.. Илларион, что он там делает? Занимается или нет?

- Не знаю... По крайней мере книги я в его руках не замечал...

- Наизусть, наверное, занимается... На каком ты сейчас курсе, прохвост?

- Ты сюда зачем пришел? - разозлился я. - Чтобы меня допрашивать?

- О чем же мне с тобой говорить, сукин сын, как не о твоей учебе! А если ты носильщик, скажи прямо. Тогда поговорим об этом.

- Да, носильщик.

Илико искоса взглянул на меня, налил в стакан вина и

сказал обиженно:

- Ну, выпьем, что ли, за ваш приезд... Бессовестный вы народ! Мчался я к вам, спешил, - вот, думал, приехали друзья, новостями поделятся, посидим поболтаем... А вы что? Ощетинились, как волки. Да .ну вас! Что этот носатый ни друзей, ни врагов не различает - это я давно знал. Но от тебя, сопляка этакого, я, честно говоря, не ожидал такой подлости. Мне стало стыдно. Я подошел к Илико и поцеловал его.

- Илико, не обижайся, дорогой! Просто мы очень устали с дороги.

- Замолчи, пожалуйста! Мне ведь с вами увидеться приятно, а не что-нибудь другое... Или вы думаете, что я пришел сюда ради этого прокисшего вина?!

- Знаю я, зачем ты пришел! - пробормотал Илларион.

- Ну, договаривай, язвительный ты старикашка!

- Радуюсь, кривой черт?! Что ж, теперь я в твоих руках!

Ну, давай, кусай, рви, терзай меня! Здесь я!.. Никуда от тебя не убегу!..

- Да что с тобой, старик? Рехнулся? Взбесился? Чем они тебя отравили в городе? Уехал золотой человек, а вернулся какой-то ненормальный!

Я и Илларион недоуменно переглянулись. Неужели Илико ничего не замечает? Неужели он ни о чем не догадывается? Да, похоже, что стеклянный глаз Иллариона выдержал экзамен! "Все в порядке!" - решили мы наконец и сразу повеселели. Илларион поднял стакан:

- За наш приезд и за встречу с тобой, дорогой мой Илико!

- Давно бы так! - обрадовался Илико. - А то чуть с ума не свели бедного одноглазого старика! .. Кто мне дороже и милее

вас на всем белом свете? Дай бог вам здоровья! - И он крепко расцеловал нас. После третьего стакана Илико затянул песню:

Потоплю я в турьем роге Горечь сердца, злое горе,
Повстречаюсь я с любимой, Погуляем на просторе.

- Илико, дорогой, ты ведь знаешь, как я тебя люблю! -

Илларион обнял друга за плечи.

- Знаю, знаю, мой Илларион, знаю, что ты любишь меня пуще собственного глаза! - улыбнулся Илико. При одном только упоминании о глазе Илларион насторожился. Но Илико продолжал как ни в чем не бывало:

Наливай вина - и выпьем, Выпьем, чтоб оно пропало!

- За здоровье Илико!

- За нашего прохвоста!

- За носатого Иллариона!

Дайте мне, играя в лело, Завершить победный путь И,
представ пред вами, смело в очи ясные взглянуть!

продолжал Илико.

Илларион снова наострил уши, но Илико, словно невинный агнец, невозмутимо запел новую песенку;

Выйду в поле на гулянье, Поморгаю черноокой...

Илларион поперхнулся. Откашлявшись, он испытующе взглянул на своего мучителя. Но Илико, не обращая на нас внимания, самозабвенно пел:

Пусть сияет в ночи темной Глаз твоих прекрасных пламя...

Наконец Илларион окончательно убедился, что ему удалось провести Илико. Он осмелел и до того разошелся, что называл Илико не иначе как "кривым". Илико ничуть не обижался.

Был уже поздний вечер, когда мы стали расходиться. Обняв друг друга за плечи, мы с песней спустились во двор. Илларион

проводил нас до ворот. Очутившись за оградой, Илико вдруг обернулся.

- Илларион! - громко позвал он.

- Чего тебе, кривой? - откликнулся тот.

- Не забудь ночью положить глаз в стакан!

- Что? ! - прохрипел ошеломленный Илларион.

- Ничего! .. Теперь можешь подмигивать мне, сколько тебе угодно!..

- Илико Чигогидзе! - завопил Илларион.

- Повторяй почаще мою фамилию, а то еще забудешь! .. А в общем повезло тебе: охотиться ты любишь, даже закрывать глаз не придется, разгуливай себе на здоровье по селу и бей собак!

- Илико Чигогидзе! Избавь меня от греха! - завизжал Илларион, срываясь с места.

- Спокойнее, Илларион! Побереги лучше свою стекляшку! ..предупредил Илико взбесившегося друга.

Илларион вдруг обмяк. С минуту он тупо глядел на Илико, потом повернулся, медленно побрел к дому и присел на ступеньку лестницы.

Илико некоторое время стоял на дороге, затем открыл калитку, вернулся к Иллариону и сел рядом. Потом достал из кармана кисет, скрутил самокрутку и протянул табак Иллариону. Тот даже не оглянулся.

- Возьми, - тихо сказал Илико.

Илларион взял кисет. Закурил.

- Сердце у меня оборвалось, когда я узнал о твоей беде, начал Илико. - Видит бог, правду говорю... Мы же с тобой - одно, Илларион... Твое несчастье - это и мое несчастье... И я вовсе не думал обидеть тебя... Я же не обижаюсь, когда ты меня

кривым называешь! .. Подумаешь, лишился одного глаза! ..
Кутузов тоже был одноглазым, однако дай бог каждому такое зрение: землю насквозь видел!.. Ну, потерял глаз, что же с того? Да если мы с тобой потеряем и по второму глазу, все равно не погибнем. Возьмемся за руки и будем шагать по белу свету. А не сможем идти, так Зурикела нас поведет. Эх ты, старик! -
Илико хлопнул по плечу Иллариона. Илларион встал, вошел в комнату и вернулся с каким-то свертком в руках.

- Илико! - тихо позвал Илларион.

- Что тебе, Илларион? - еще тише сказал Илико.

- Тут немного воблы... Подмчади и "изабеллу" хорошо...

- Уважаю воблу! - сказал Илико.

- Для тебя привез, - сказал Илларион.

- Я знал, что привезешь... - Илико взял сверток, встал и не спеша направился к калитке.

- Погоди, я провожу тебя...

- Проводи...

Они вышли со двора и медленно зашагали по дороге. Я долго смотрел им вслед, пока их фигуры не растворились в темноте...

ЦИРА

Студенческие годы - счастливейшая пора в жизни человека. Нужно несколько лет прожить жизнью студента, чтобы по достоинству оценить прелесть корки черного хлеба, натертой чесноком; понять психологию трамвайного "зайца"; вкусить сладость потом заработанной тройки; испытать радость восстановления стипендии; почувствовать противную дрожь в коленях перед экзаменом; насладиться прохладой рассвета после

бессонной ночи, проведенной над конспектами и учебниками; познать цену настоящей дружбы и, наконец, пережить гордость от того, что ты, вчерашний босоногий сельский мальчуган, сегодня являешься полноправным, уважаемым гражданином - студентом Государственного университета... Впрочем, как я ухитрился сдать приемные экзамены и стать студентом, - это навсегда останется необъяснимым чудом для Илико, Иллариона, моих лекторов и, пожалуй, для меня самого. Единственный человек, который не сомневался в моих феноменальных способностях, - это моя бабушка.

Замечательные порядки в университете! Студент может в течение месяца не заглядывать в книгу - никто за это не поставит ему двойку в зачетной книжке; студент может прогулять пять, десять, пятнадцать лекций - никто за это не вызовет в деканат его родителей... На уроках, или, как их здесь называют, лекциях присутствуют сто-двести человек. Часть присутствующих пишет, часть - рисует, одни мирно беседуют, другие решают кроссворды. Здесь можно встретить и мечтателей: они не пишут, не рисуют, не разговаривают они сидят молча и предаются мечтам. Почему они не делают это у себя дома или в парке - трудно понять. А многие сладко спят... Короче говоря, лекции созданы для таких людей, как я, и меня вполне устраивают. Но у лекций, как и у всего на свете, есть один серьезный недостаток: рано или поздно они приближаются к концу. Программа исчерпана. Лектора иронически улыбаются студентам. Великая опасность надвигается на стан студенчества. Наступает эра тропической лихорадки - сессия.

Тогда мы собираемся на квартире одного из нас, грызем карандаши и конспекты, заучиваем наизусть целые главы из

учебников, готовим шпаргалки, набиваем свои головы приобретенными в трехдневный срок обрывками знаний, бессонные и изможденные выходим на экзамены, отдуваемся, пыхтим, дрожим, что-то лепечем, потом, вытянув шеи, с ужасом всматриваемся в экзаменационный лист ("А вдруг двойка"?!), увидев же заветную, долгожданную, милую сердцу тройку, улыбаемся до ушей и шатающейся походкой покидаем комнату...

...Вот и сейчас я и мои друзья сидим в моей комнате и готовимся к экзамену по экономической географии. Роль экзаменатора сегодня поручена Цире. Нестор, Отар, Хвтисо и Шота - экзаменационная комиссия.

- Студент Вашаломидзе! В каких странах света добывается олово, и у кого имеются наибольшие запасы этого металла? - грозно вопрошает Цира.

- Олова или меди?

- Олова!

- Наибольшее количество олова, насколько я помню, у нашего сельского лудильщика Али, а где он его добывает, - это мне неизвестно.

- Ну вот, опять он дурака валяет! Если ты не хочешь заниматься, можешь уйти, а нам не мешай! сердится Нестор.

- Куда я уйду? Я за эту комнату двести пятьдесят рублей плачу.

- Чтоб ты провалился сквозь землю, бесстыдник!

О каких деньгах ты говоришь, когда за целый год я гроша медного от тебя не видела?! - подает реплику из своей комнаты тетя Марта.

- Вашаломидзе! Переходите ко второму вопросу!

Первого вопроса вы не знаете! - улыбается Цира.

- Уважаемый лектор, прошу вас...

- Зурико, перестань паясничать! - выходит из терпения

Отар.

- Ладно... Второй вопрос - машиностроение в Соединенных Штатах Америки... Соединенные Штаты Америки состоят из штатов. Не подумайте только, что это - учрежденческие штаты, которые то раздувают, то сокращают...

- Зурико, ну что ты в самом деле! Рассказывай дальше! -

обижается Цира.

Я продолжаю:

- В Соединенных Штатах Америки машиностроение сильно развито. Только за один год Форд выпускает... Я точно не помню, сколько, но, говорят, на одного человека пять машин приходится... Стоит, оказывается, на улице машина, подходишь к ней, открываешь дверцу...

- Дверца открывается автоматически! - поправляет Шота.

- Да. Потом нажимаешь кнопку, и выскакивает сигара, нажимаешь вторую кнопку - выскакивают спички, нажимаешь третью...

- И выскакивает жареный поросенок! продолжает Шота. Нажимаешь еще - выскакивает горячее гоми, потянешь из шланга - и пойдет то вино, то ткемали. Нажмешь одну педаль - получишь крем-соду и шоколад. Нажимаешь вторую - полетит задумчивая "Мравалжамиер"...а

- И не жаль ему продавать такую машину! - удивляется

Нестор.

- Ничего не поделаешь - нужда! - говорит Шота.

- Не надоело вам балагурить! - злится Цира.

На минуту все умолкают. Потом я продолжаю:

- Говорят, если переплавить все золото Форда и выковать из этого золота пояс, то можно было бы опоясать весь земной шар.

- Эх, мне бы застёжку от того пояса... Какие бы зубы я себе вставил! - произнес мечтательно Нестор, показывая в улыбке свои черные зубы.

- Гм, зубы! - ухмыльнулся Шота. - Вот если бы то золото дали мне...

- Что бы ты сделался - спросил Нестор.

- Прежде всего - порвал бы все конспекты и тетради...

Затем пошел бы к нашему декану, выложил бы перед ним на стол зачетную книжку и студенческий билет, вежливо попрощался бы и ушел... Впрочем, нет, перед уходом можно оставить ему с килограммчик золота - на марки, если соскучится, пусть напишет мне письмо... А потом - пардон, гуд бай, адье, будьте здоровы, шапку на голову и - прощайте.

- А еще?

- Что - еще!

- Не одолжишь мне тысячу рублей? Видишь, мне нечем расплатиться за комнату, - попросил я.

- Вот еще! А мне-то какое дело!

- Тетя Марта! Слышишь?

- Слышу, сынок, - отзывается тетя Марта. - Все вы одного поля ягоды - жулики и бездельники! ..

- Отвечайте на третий вопрос, - напоминает Цира.

- К третьему вопросу я не готов... - смущаюсь я.

- У кого есть вопросы? - обращается Цира к членам комиссии.

- Разрешите! - говорит Отар.

- Пожалуйста!

- Прошу прощения у уважаемой комиссии, но меня интересует
- на самом ли деле этот дегенерат собирается послезавтра
сдавать экзамен?

- Я отказываюсь отвечать! - возмущаюсь я. - Такого вопроса
нет в программе! Потом наступает черед следующего.

...Мы расходимся поздней ночью. Отар, Нестор и Шота живут
в студгородке, Цира - на улице Мачабели, Каждый раз провожаю ее
я. Цира - красивая девочка, голубоглазая, бледная и высокая.
Почти все ребята нашего курса влюблены в Циру, но она никого не
любит и ни с кем, кроме меня, не ходит. Мы часами просиживаем в
саду, говорим, говорим без умолку или молчим. И тогда мы похожи
на влюбленных - так по крайней мере говорят товарищи.

...Мы медленно идем по проспекту Руставели. Дремлющие у
магазинов ночные сторожа, вскинув голову, подозрительно косятся
на нас и тут же снова засыпают, Они даже не подозревают, как
прекрасен ночной Тбилиси. Кругом тишина. Лишь изредка слышатся
далекий скрежет колес трамвая и сонные свистки постовых
милиционеров...

- Зурико!

- Что, Цира?

- Ты любишь гулять ночью?

- Люблю.

- Тебе не страшно?

- Нет. А тебе?

- Мне страшно.

- Чего же ты боишься?

- Вдруг нас... разденут?

- Меня разве только одеть могут...

- Ну, а если меня разденут?

- Тогда я закрою глаза!
- Только и всего! Хорош кавалер!
- Пожалуйста, буду смотреть на голую. Устраивает?
- Не шути, пожалуйста! Я знаю, вы, деревенские парни,

сильные, но ужасные трусы!

- Я боюсь только ножа.
- И я. И револьвера тоже.
- А мышей ты не боишься?
- Боюсь!.. Зурико! Видишь? Двое мужчин! Они идут сюда!
- Вижу.
- Они пьяны. Перейдем на другую сторону.
- Стыдно!
- Перейдем, прошу тебя! - Цира крепко прижалась ко мне.
- Не глупи! Стыдно!

Мужчины остановились перед Кашветской церковью, обнялись, долго целовали друг друга. Потом один свернул вниз по улице, второй направился прямо к нам.

Мы остановились. Цира дрожала словно в лихорадке. У меня подкашивались колени. Мужчина подошел к нам вплотную, взглянул исподлобья сперва на Циру, потом на меня, засунул в карман руку и вдруг рявкнул:

- Эй, есть у тебя закурить?!
- Конечно, есть! Пожалуйста! - пролепетал я, протягивая

ему пачку папирос.

- Спички!
- Пожалуйста! - Я зажег дрожащими руками спичку и поднес

ее к самому носу незнакомца.

- Вчера я бросил курить, - заявил мужчина, - и с тех пор папиросу в рот не брал... И сейчас не стану курить, так просто,

побалуюсь... Человек должен быть хозяином своего слова! Он прикурил и несколько раз сильно, с наслаждением, затянулся.

- Ты куришь? - вдруг спросил он меня.

- Нет, что вы!

- Молодец! Я курил двадцать лет, а теперь бросил.

И никто не заставит меня взять в рот папиросу! - сказал

он, положил мои папиросы себе в карман и, пошатываясь, ушел. Мы медленно двинулись дальше. Цира вдруг повеселела. Она прыгнула через тень чинары, потом через другую, третью, пятую... Так, прыгая, добежала она до гостиницы "Интурист" и тут начала скакать на одной ноге.

- Ну-ка, лови меня!

Я погнался за Цирой, настиг ее и крепко схватил за плечи.

- Уф, устала!

Цира опустила голову мне на плечо. Я одной рукой обнял ее за шею, другой приподнял подбородок и заглянул в ее огромные голубые глаза.

- Эх, если б ночь длилась бесконечно... - вздохнула Цира.

- Почему, Цира?

- Так... ночь лучше дня...

Цира сбросила мою руку, закинула голову назад и уставилась в усеянное звездами небо. Потом снова взяла меня под руку.

- Ты, наверное, любишь кого-нибудь, Цира. Скажи, кого?

- Я люблю небо, люблю звезды, вот этого сторожа люблю, и это дерево люблю! .. - Цира подбежала к чинаре. - Не веришь? Хочешь, поцелую?

Она прижалась к дереву, стала целовать и раскачивать его.

Спавшие на дереве воробьи встрепенулись и тревожно защебетали.

Цира прислушалась к гомону птичек, потом обернулась ко мне:

- И воробьев я люблю!

- Чудачка ты!

- Может быть. А ты кто?

- Кажется, я тоже чудак!

- Нет, ты просто глуп!

- Благодарю!

- Впрочем, глуп - это не то слово. Ты слеп и глух! Цира подошла ко мне, схватила за воротник, привлекла к себе, пристально взглянула в глаза и спросила:

- Видишь меня?

- Представь себе - вижу!

Цира взяла мою руку, прижала ее к своей груди и опять спросила:

- Слышишь?

Я почувствовал учащенное биение сердца девушки, меня обожгло ее горячее дыхание... И вдруг я обнял Циру, привлек к себе и поцеловал...

И снова мы идем по аллее чинар.

- Зурико!

- Да, Цира?

- Я люблю тебя!

- Врешь!

- Нет, это правда, Зурико.

- Врешь, Цира, и давай не будем про это...

Цира умолкла, прислонилась к дереву. Я тоже замолчал и прислонился к стене. Мы долго стояли и смотрели друг на друга. Цира подошла ко мне, застегнула воротник, поправила мне брови и медленно двинулась по улице. Я поплелся за ней. Вдруг Цира обернулась - в глазах ее блеснули слезы. Она приблизилась,

поцеловала меж и убежала.

...Я долго, не двигаясь, стоял на месте и прислушивался к шелесту листьев красавиц чинар...

...Домой я возвращался пешком. У Театра юного зрителя меня нагнал запоздалый трамвай. Я вскочил в задний вагон. Пассажиров не было. Дремавший кондуктор вздрогнул, приоткрыл глаза и велел пройти вперед. Я прошел вперед. Потом кондуктор крикнул, чтобы я вернулся назад и приобрел билет. Я вернулся и сказал, что у меня денег нет. Кондуктор не поверил. Я вывернул пустые карманы. Тогда кондуктор сказал: "Как вскочил, так и соскакивай". Я соскочил и очутился в объятиях милиционера.

- Здравствуйте! - глупо улыбнулся я ему.

- Гражданин, предъявите документы!

- Для чего вам мои документы?

- Гражданин! Вам говорят - предъявите документы!

Посмотрим, что ты за птица...

- Что значит - птица?

- Разговоры! !

- Почему вы кричите?

- Плати штраф!

- У меня нет денег...

- Тогда ступай со мной в отделение. Там заплатишь!

- Ты что, думаешь, мне в дороге зарплату выплатят? Говорю, нет денег!

- Разговоры! !

В отделении милиции сидели четыре человека. Увидев меня, дежурный прищурил глаза и спросил:

- Ого, опять попался?

- Что вы, батоно, я впервые в милиции!

- Разговоры!

- Вот такой он мерзавец, начальник! Всю дорогу по матери меня ругал!

- Неправда, батоно! Никого я не ругал!

- Молчать! Вот закончу с ними, потом займусь тобой! - сказал дежурный и обратился к сидевшему на лавке небритому красноносому мужчине: - Сколько раз я должен брать с тебя расписку, а?!

- Ва! Сколько раз скажешь, столько раз напишу. Не буду же сопротивляться! Носатый встал. Я занял его место. "Мой" милиционер ушел.

- Ладно, ладно... Скажи, какую ты там еще натворил беду?

- Кто? Я? Что ты, начальник! Ты его слушаешь? Он себя педагогом называет! Какой он педагог? Ему даже овчарку нельзя доверить! Педагог!..

- Прошу вас оградить меня от оскорблений этого пьяницы! - привстал высокий, худой мужчина. - Об уровне моей профессиональной подготовки можете запросить отдел народного образования!

- В самом деле, выражайся приличнее! - прикрикнул дежурный на пьяницу.

- Ва! А почему он задевает мою профессию?

- Что вы, он не заикался о вашей профессии, - вмешался я.

- Как это - не заикался! Только что он назвал меня пьяницей!

- О-о, это нехорошо! - сказал я педагогу.

- Молодой человек, вы не можете себе представить что это за тип!

- Сам ты тип! - обиделся носатый.

- Не будем говорить о том, что он избивает свою жену, продолжал педагог, - это в конце концов его личное дело. Но ведь он беспробудно пьет, орет, шумит, Покоя соседям не дает!

- Это правда? - строго спросил я носатого.

- Что значит - правда? А как бы ты поступил на моем месте?

Двадцать лет, понимаешь, двадцать лет этот господин называет меня пьяницей! Ва! Разве я сам этого не знаю? Зачем он мне напоминает Ты, говорит, хулиган! А что, я без него не знаю? Мало ему этого, так он нашел новое слово: аккредитив... Нет, креп... крен... крендель!..

- Кретин! - подсказал педагог.

- Да, кретин! Ну это еще ничего. Но - аферист! - Как, неужели вы назвали его аферистом? - спросил я у педагога.

- О, вы его не знаете, молодой человек! Он хоть кого выведет из терпения!.. Извел, измучил соседей!

- Каких соседей? Почему никто, кроме тебя, не жалуется?

- Боятся тебя!

- Не боятся, а любят, уважают!

- Вот, извольте, у меня заявление. Подписано всеми соседями!

- Все они аферисты! Вроде тебя! - Носатый повернулся спиной к дежурному и обратился ко мне: - Давай поговорим, рассудим! Почему человек напивается? С горя! А раз у человека горе - значит, он нервничает! А когда человек нервничает, он кричит. Послушать его - так человеку нельзя в собственном доме ни выпить, ни покричать!.. Что же это получается?

- Нет, почему, выпить, конечно, можно, но...

- Слава богу, наконец-то нашелся один нормальный человек!

- обрадовался носатый.

- Да разве он пьет? Он поглощает вино ведрами! Да черт с ним, пусть хоть крысиный яд лопают, но почему должны страдать мы, соседи? Нет, вы только взгляните на него, видите, какой у него красный нос?

- Слышишь, да? При свидетелях оскорбляет! - пожаловался мне носатый.

- Нет, что правда, то правда, нос у тебя в самом деле красный! - сказал я.

- Что же тут такого! Кому какое дело до моего носа? Захочу, выкрашу его в зеленый цвет! Что, запрещено?

- Уважаемый, - обратился ко мне педагог, - разрешите узнать ваше имя...

Я не успел ответить: кулак дежурного со всей силой опустил на стол. Звякнули стекла в окне. В комнате наступила гробовая тишина.

- Как ты смеешь, сопляк, устраивать здесь допрос? ! - рявкнул дежурный. - Встань сейчас же и сними фуражку!

- Почему вы сердитесь, батона? Я же помогаю вам!

- Не нуждаюсь я в твоей помощи! А ты, - обернулся он к носатому, - убирайся отсюда, и чтоб больше не смел беспокоить соседей!

- Сию минуту, начальник! Но у меня просьба одна к вам... Я человек тихий, спокойный, за всю свою жизнь даже мухи не убил... Пусть он не называет меня аферистом!

- Убирайся!

- Иду, иду!

Пьяница направился к двери. Поравнявшись со мной, он нагнулся ко мне:

- Я подожду тебя на улице... Выйдешь - угощу на славу!

- Убирайся, пока я не передумал! - заорал дежурный.

Носатый мигом выскользнул из комнаты. Педагог положил свое заявление на стол дежурного, вежливо кивнул головой и вышел.

Вдруг дверь с шумом распахнулась и в комнату ворвалась тетя

Марта. Изумленный дежурный вскочил, вышел из-за стола и подошел к ней:

- Тетя Марта, в чем дело? Что тебе тут понадобилось?

- Мальчик пропал! Пропал мой мальчик!

Я притаился в своем углу.

- Какой мальчик, тетя Марта?

- Мой квартирант, Зурико Вашаломидзе! Ушел и не вернулся!.. Все больницы, все милиции обегала!.. Словно в воду канул! .. Помогите, сынок, позвони куда-нибудь! .. Если с моим мальчиком случится беда, я сойду с ума! .. Зурикела, дорогой мой мальчик, куда же ты делся? .. Горе мне, несчастной! .. Позвони, позвони, сынок! ..

Я молча сидел в углу, прислушивался к причитаниям тети Марты, и сердце мое замирало от радости. Меня Ищут, обо мне беспокоятся! Тетя Марта, старая, ворчливая женщина, бегает по городу, разыскивает меня, словно я ей сын или близкий родственник! Я не вытерпел, вышел из своего угла и обнял ее.

- Тетя Марта! Я здесь!

- Боже мой! Откуда ты взялся? Ах ты, бесстыдник! Прохвост! Я всполошила весь город, а он сидит здесь и болтает!..

Негодяй!.. Как ты сюда попал, разбойник? Отвечай!

- Просто так, тетя Марта... Зашел мимоходом...

- За что вы его арестовали, сынок? - спросила она дежурного.

- Не знаю, тетя Марта... Милиционер привел...

- Не знаешь? Что же ты в таком случае знаешь?

Зачем тебя здесь посадили? Привели к тебе ребенка, а ты даже не поинтересовался - за что? Да разве он похож на убийцу или грабителя? Или на хулигана?

- Тетя Марта...

- Я тебе покажу тетю!.. А ты, бесстыдник, марш домой!

Извинись перед начальником и выкатывайся вон! Я с тобой еще поговорю!..

Тетя Марта вытолкала меня из комнаты. Я успел лишь помахать рукой дежурному, который стоял с разинутым от удивления ртом.

Всю дорогу тетя Марта молчала. Подойдя к своей двери, я повернулся и поцеловал ее в щеку.

- Убирайся, босяк! - сказала она и утерла щеку. Потом прошла в свою комнату и повернула в замке ключ.

Спать я не ложился.

Над древней Нарикала занималась заря...

ШИОМГВИМЕ

Председатель профбюро нашего факультета, помимо сбора членских взносов, иногда, перед выборами, устраивал также экскурсии. Экскурсиями у нас обычно назывались коллективные хождения в кино и театры. На сей раз мы собирались в настоящий поход - в монастырь Шиомгвиме.

Тетя Марта снабдила меня четырьмя картофельными котлетами. От выдачи хлеба она воздержалась, сославшись на цивилизованных европейцев, которые, оказывается, картошку и макароны едят без хлеба. Некоторый недостаток в продуктах питания был щедро

восполнен всевозможными наставлениями и предостережениями. Во дворе университета мои однокурсники уже ожидали автобуса. Ждать пришлось недолго - всего около часа с небольшим. Мы быстро заняли места, и шофер стал заводить машину. Мотор заклокотал, будто прополаскивал горло, потом чихнул и заглох.

- Эй, парень, иди-ка подсоби! - обратился ко мне водитель.

Я стал перед машиной и начал крутить ручку. Мотор молчал.

- Сойдите все с машины! - распорядился водитель. Мы сошли.

В машине осталась одна лишь Цира.

- А ну давайте подтолкнем! Дружно!

- Раз, два - взяли! ..

- Нажимай!

- Пошла!

- Поехали-и-и!

Машина задрожала, мотор чихнул, еще раз чихнул и, наконец, завелся.

- По местам! Мы снова заняли свои места. Машина тронулась и стала набирать скорость. Путешествие началось...

...Я сидел рядом с Цирой и искоса поглядывал на нее. Она не обращала на меня никакого внимания. Нестор нежно поглаживал прихваченный Отаром бочонок с вином. Отар беседовал с нашим экскурсоводом. Шота что-то напевал себе под нос. Я сидел, притаив дыхание, и, чтобы не беспокоить Циру, дымил в нос председателю профбюро.

- Вашаломидзе, дыми, пожалуйста, в другую сторону!

- Куда!

- Куда хочешь... А членский взнос у тебя уплачен?

- Уплачен.

- Когда же ты уплатил?

- Вчера! Забыл?

- Что-то не помню!

- Знаешь что? Или вырежь себе гланды, или запоминай лучше, не то я за себя не ручаюсь! Профбюро пересел на заднюю скамейку. Автобус выехал на Военно-Грузинскую дорогу.

- Взгляните направо! - начал экскурсовод. - Это - река Мтквари!

- Не может быть! - воскликнул Шота. - Вы уверены, что это действительно Мтквари? Нестор громко расхохотался и обернулся к Отару:

- Отар, не пора ли нам закусить? Я что-то проголодался.

Ребята засмеялись.

- А сколько раз ты ешь в течение суток? - спросил кто-то.

- Сколько раз угостишь!

- Взгляните направо! - раздался опять голос экскурсовода.

- Вы видите ЗАГЭС. Это наш электрический завод. Отсюда пускают ток.

- Сагол! - обрадовался водитель. - Наконец-то разобрался.

А то напишут по одной букве - понимай, как хочешь! Вот ехал я прошлый раз, - вижу, огромными такими буквами выведено "ЗАГС", а рядом - "МАЧИ" или "МАЧА", в общем что-то неприличное...
Поди разберись, что это такое...

- Еще правее и выше, - продолжал польщенный экскурсовод, - мы видим монастырь Джвари. Монастырь построен в далеком историческом прошлом, однако он до сих пор еще не разрушился!

- А вы не знаете, когда он разрушится? - спросила Цира.

Экскурсовод почувствовал подвох и промолчал. Спустя минуту он снова начал:

- С этим монастырем связана веселая и красивая легенда...

Жил в монастыре монах - забыл, как его звали... Жил он отшельником, вдали от мирских сует...

А когда приходилось ему бывать по делам в Мцхета, спускался он по цепи: между монастырем и Мцхета была натянута такая, знаете, железная цепь... Вот однажды спускается монах по цепи и видит: девушка дивной красоты разделась и совершенно голая купается в Мтквари и Арагви.

- Одна - в двух реках? - усомнился водитель.

- Взгляните направо, здесь эти реки сливаются.

- Дальше, дальше!

- Взглянул наш монах украдкой на голую девушку...

- Взглянул-таки, старый хрыч? ! - обрадовался водитель.

- Взглянул. А в те времена, заметьте, монахам не разрешалось глядеть на голых девушек...

- Ва! Выходит, монах нарушил правила! - посочувствовал водитель.

- Да. А к чему ведет созерцание голой девушки - об этом известно каждому из вас... Закружилась голова у бедного монаха, и полетел он вниз, в реку. И утонул, - чуть не плача закончил наш гид свою веселую и красивую легенду.

- И все? - спросил водитель. Экскурсовод кивнул головой. Да-а-а... Вот так нас губят женщины, карты и вино... Еду я недавно по проспекту, вижу - ангел. Без крыльев, но ангел, ей-богу! .. Только она была не совсем голая... "Гражданка, зову, - обернись!" Обернулась... И точно, как у того монаха, помутилось у меня в глазах... Бах! - и наскочил на "Волгу"! .. Ну, конечно, инспектор тут как тут! Инспектор - это наш бог. Только бог, говорят, с неба спускается, а инспектор появляется из-под земли... Ну, что дальше было, это вам неинтересно, -

закончил наш водитель свою печальную и поучительную легенду.

- Взгляните направо! - очнулся экскурсовод. - Перед нами - Светицховели!... Зодчему, который построил этот собор, по приказу царя отсекали десницу...

- Это почему же? - спросил Нестор.

- Интрига... Кто-то донес на него...

- Никак присвоил стройматериалы? - сказал водитель.

- А почему собор называется Светицховели? -. спросила Цира.

- Собор называется Светицховели потому, что... Нет, вы действительно этого не знаете?

- Не знаю!

- На этом месте когда-то стоял столб...

- А откуда взялись животные? - спросил Нестор.

- Дикие животные жили в окрестных лесах! - разъяснил Шота.

- Взгляните направо! - крикнул экскурсовод. - Здесь похоронен наш национальный герой Арсена Марабдели!

- Ва! Сагол, Арсена! Его я знаю! - воскликнул водитель и тут же с подъемом продекламировал:

Сел на лурджу наш Арсена, Гарцевал, скакал проворно.
Самоцветы подарил ей, Дорогие украшения. все, что взял я у богатых, Роздал тем, кто обездолен!

К полудню мы подъехали к селению Дзегви. На пароме переправились через реку и стали взбираться по склону Шиомгвимской горы. Шли группами. Я неотступно следовал за Цирой, но она ни разу не взглянула на меня. Я чувствовал - после той ночи Цира избегала меня. Я очень любил Циру и хотел, чтобы мы остались в хороших отношениях, кроме того, я знал, что и Цире не хотелось ссориться со мной. Но мы почему-то боялись

быть вместе, боялись друг друга...

- Зурико! - кричит Нестор. - Отстань от девочки, видишь, она не обращает на тебя никакого внимания! Иди сюда, помоги нам!

Я присоединяюсь к ребятам, которые, обливаясь потом, по очереди тащат бочонок с вином. Цира идет впереди всех. Она то и дело нагибается, срывает цветы. Я очень люблю цветы. Я могу весь день смотреть на один цветок и видеть усеянную цветами поляну; могу весь день бродить по полю и не видеть там ничего, кроме одного цветка; могу часами лежать, глядеть в небо и видеть там одни цветы... Я люблю цветы, но не могу смотреть, как их срывают. Мне противны сорванные цветы - они напоминают похоронный венок...

В монастырском саду нас встретил молодой веселый монах. Он сперва окинул довольным взглядом наш бочонок, потом спросил, кто мы. Узнав, что студенты, испуганно развел руками.

- Комсомольцы? - спросил он.

- Все, как один! - ответил профбюро.

- Я не могу впустить вас в церковь. Безбожников - в храм божий? Ни в коем случае!

- У меня за два месяца не уплачены членские взносы, - сказал я монаху. - Мне можно?

- Конечно! - улыбнулся он.

- Мы не молиться сюда пришли, а для осмотра исторического памятника! - рассердился наш профбюро.

- А вы кто будете?

- Я председатель профсоюзного бюро!

- Хорошо! Пожалуйте в храм! Только ради бога снимите фуражки, вытрите ноги и не вздумайте писать на стенах!

Монах направился к церкви, отпер замок и широко распахнул двери. Перекрестившись и пробормотав:

"Слава тебе, Господи", - он вошел в храм. Мы двинулись за ним. Церковь дохла на нас одурманивающим запахом ладана и восковых свечей. Бледные полоски света проникали через узкие окошки и скрещивались на полу, рассеивая таинственный полумрак; со стен смотрели на нас святые с изборожденными морщинами лицами, огромными, удивительно умными глазами и скрещенными на груди тонкими руками.

- Как понимать этот рисунок? - спросил Нестор.

- Это воскресение Христа! - ответил монах.

- Попробовал бы он воскреснуть сейчас! - сказал Шота.

- Ну вот, говорил же я, что комсомольцев нельзя пускать в церковь! - захныкал монах.

- Не ной, дружок!

- Какой я тебе дружок?! Зови меня отцом!

- А как же называть своего родного отца?

- Как хочешь...

- А вы случайно не святой?

- На все божья воля...

- А что изображено на этом рисунке? - поинтересовалась Цира.

- Иуда предает Христа.

- Вот так всегда бывает: родному брату нельзя довериться, за грош продаст! - вздохнул водитель.

- Бога нет, - сказал вдруг профбюро.

- А говорили - бог на небе?! - усомнилась Цира.

- На небе - аэроплан! - выпалил водитель.

- А вы уверены в том, что бога нет? - сказал наш

экскурсовод и иронически улыбнулся. - Недавно шел я по улице. Вдруг сверху прямо передо мной падает кирпич! Вы понимаете? Всего в каких-нибудь двух-трех сантиметрах от меня! Представляете себе? Сделай я еще шаг, нет, полшага, и... как вы думаете теперь, нет бога?..

- Был бы бог, тот кирпич не миновал бы твоей головы! - сказал я и вышел из церкви.

Чем закончился этот сугубо научный спор - я не знаю. Но только все выходящие из храма были почему-то безбожно голодны и требовали есть.

Тут же на зеленой лужайке накрыли стол, каждый выложил свои припасы, и начался пир. Тамаду не стали выбирать - решили, пусть каждый по очереди выскажет свои собственные мысли.

Первое слово было предоставлено водителю.

- Несчастный я человек, - начал он. - Каждый раз, когда другие пьют, едят, поют, я должен сидеть и облизываться, потому что пить нам, шоферам, опасно... Вот, скажем, сейчас напьюсь я и сброшу всех вас в пропасть... Оправдаться, конечно, можно: трос лопнул или тормоз отказал - иди разбирайся. Но разве инспектора обманешь? "А ну, скажет, дыхни! А-а-а, выпил, дружок? Факт, выпил! Так и запишем: водитель, совершивший аварию, находился в нетрезвом состоянии". Вот и все! И заберут вашего Саркиса в самый высокий дом в Тбилиси...

- В какой? Одиннадцатизэтажный? - спросил Отар.

- В тюрьму!

- Ты что, не видел здания выше тюрьмы? - сказал я.

- Нет, тюрьма самая высокая: оттуда Чукотка хорошо видна!

- объяснил водитель.

- А-а-а...

- Вот тебе и "а-а-а"! Ну, ладно, за ваше здоровье!

Тосты следовали один за другим: за дружбу и любовь, за памятники культуры и достижения науки, за предков, за родителей - всех не перечислить. Монах сперва отказывался от вина, но после четвертого стакана добровольно взял на себя обязанности виночерпия. Каждый раз, налив нам вино из бочонка, он, точно проголодавшийся теленок, жадно сосал резиновый шланг. Наша трапеза уже близилась к концу, когда слова попросил монах. Икая и пошатываясь, он произнес следующий монолог:

- В этом монастыре иранский шах Аббас... Знаете, почему двадцатикопеечная монета называется "абаз"?..

Шах обезглавил двадцать десятков грузинских монахов!.. А почему?.. Двести монахов - это... это немало!..

А бабушка шаха была грузинкой! .. Да! .. Там в яме сидел один монах... Не ел... не пил... Почему?..

- Послушай-ка, друг! - не вытерпел Шота. - Ты монах или лектор? Что ты к нам пристал со своими "почему"? А черт его знает, почему! Скажи сам - почему?!

- И скажу! .. Все скажу! .. Очень даже просто... Так за кого мы сейчас пьем? .. Выпьем за бога! .. Почему пожелаем ему здоровья, счастья, сто лет жизни и осуществления всех его желаний на сто процентов! .. За этот дом! .. Дай бог хозяевам веселой жизни... Двенадцать сыновней и двенадцать дочерей... Иисус Христос и двенадцать апостолов... Я - монах... Почему?..

Ик!..

Монах уснул, так и не успев ответить на свое последнее "почему"... Я же знал, что на свете не было женщины, которая согласилась бы выйти за этого прямого потомка питекантропов, и ему оставалось волей-неволей пойти в монахи...

Настал мой черед. Я налил вино и начал:

- Да здравствует солнце!

- Какое там еще солнце? Ночь сейчас! - поправил Шота.

- А я вижу солнце! - упрямо повторил я.

- Молодец! - одобрил Отар.

- Я вижу солнце! И вы должны видеть его, если, конечно, вы не слепые!

- Ну, конечно, видим! - согласился Нестор и взглянул на луну.

- Нет, это - луна, а вы должны видеть солнце! - запротестовал я.

- Ты просто пьян! - сказал Нестор.

- Я - Шио Мгвимели!

- Ты Зурикела Вашаломидзе! - сказал Нестор.

- А ты - Серапиона!

Нестор не знал, кто такая Серапиона, и поэтому не обиделся.

- Я иду домой! - заявил я и встал.

- Иди, - согласился Отар, - вот так, по тропинке, будет короче!

- Цира, ты пойдешь со мной? - спросил я.

- Почему она должна идти с тобой? - привстал Отар.

- Тебя не спрашивают! - огрызнулся я.

- Цира, неужели ты пойдешь с этим дураком? - спросил Отар

Циру.

- Я останусь здесь! - сказала Цира.

- Со мной? - спросил Отар.

- Нет, со всеми!

- А что, Отар - это все? - съязвил я.

- Почему - Отар? Вот и Нестор здесь...

- Нестор спит!

- Значит, она остается со мной! - сказал Отар.

- Ты сейчас заснешь! - сказал я.

- И не подумаю! - ответил Отар и громко зевнул.

- Нет, заснешь!

- Цира, мне заснуть?

- Если хочешь спать - засни!

Отар прилег на траву и сразу уснул.

- Засни и ты, Зурико... Голову положи вот сюда, мне на колени...

- Цира, я хочу вина!

- Пей, - она подала мне стакан.

- Цира, ты красивая девочка!

- Знаю...

- А я обезьяна!

- Знаю...

- Почему же ты меня любишь?

- Не знаю...

- Да здравствует незнание! Да здравствуют двойки! Да здравствуют Илико, Илларион и моя бабушка!

- Надоел ты со своим Илларионом! - проворчал проснувшийся

Отар.

- Цира, пойдём со мной, - сказал я.

- Куда?

- Никуда... Пойдем?

- Боюсь!

- Не бойся!

Цира медленно последовала за мной.

- Зурико!

- Что, Цира?

- Зурико, почему ты молчишь? Мне стыдно, очень стыдно...

Ведь ты любишь меня? Почему же ты не хочешь мне сказать?..

- Цира, ты чудесная девушка!

- Это ты уже сказал!

- Цира, ты не любишь меня... Я сейчас пьян, а когда я пьян, я всегда говорю правду... Ты... Я... Ты красивая девушка... Я не хочу, чтобы ты любила меня... Ты знаешь, я недостойн твоей любви...

- Замолчи, Зурико!

- Я подлец! .. Но я же думал, что ты можешь полюбить меня... Ты не знаешь, какой я плохой... А ты хорошая... У меня...

- Не надо, Зурико! Молчи! ..

- Нет, ты должна узнать... У меня есть... любимая... Там, в деревне... Я люблю ее больше всех на свете... Она мне дороже собственной жизни... Ты лучше ее, в тысячу раз лучше... Но я люблю ее. Она - мое солнце, мое светило... Ее зовут Мери... И ты должна знать об этом...

Я задышался от волнения. Горький комок подступил к горлу, мешал говорить. Не в силах вымолвить больше ни слова, я опустил голову и замолчал. Цира стояла не двигаясь, словно каменное изваяние. В ее широко раскрытых синих глазах не было ни слез, ни упрека - одно лишь изумление. Вдруг она, стряхнув оцепенение, подошла ко мне и со всей силой ударила меня по лицу. Я не двинулся с места. Тогда она закрыла лицо руками, уткнулась головой мне в грудь и громко зарыдала. Я обнял Циру, привел на полянку, усадил рядом со спящим Отаром, молча

поцеловал ей руки и так же молча удалился. Я подошел к старой колокольне, по лесенке поднялся на верхнюю площадку, глубоко вдохнул свежий ночной воздух и крикнул во всю силу легких:

- Эге-ге-ге-э-э-эй! ..

"Э-эй" - откликнулась эхом гора.

Я провел рукой по колоколу. Толстым мшистым покровом на нем лежала пыль. Я ударил кулаком по его чугунным бокам. Раздался глухой, протяжный звук.

В глазах у меня вдруг потемнело, все вокруг завертелось, закружилось... Чтобы не упасть, я ухватился за веревку.

"Нау-у-у!" - застонал колокол.

Я снова дернул веревку, потом еще и еще раз.

"Нау!.. Нау! .. Нау-у-у!" - пел колокол.

Звуки сперва срывались отдельными серебристыми каплями, потом слились, поплыли непрерывными волнами, заполняя собою монастырский двор, ночь, весь подлунный мир...

Я стоял на колокольне, внимал песне колокола, видел солнце и чувствовал, что теряю сознание...

ДРОВА

Я и Илларион сидим в тени дерева и мирно беседуем. Илларион любит поговорить на научные, политические и литературные темы. О любом явлении жизни у него свое особое представление, голова его полна всевозможных собственных теорий. Он не признает никаких авторитетов, кроме меня. Впрочем, и на меня он нередко смотрит с явным подозрением.

- Где ты это вычитал? - иронически спрашивает он.

Я называю источник.

- Мда-а-а... Ну, знаешь, книги ведь тоже пишутся людьми.

Так что ты не очень-то доверяй им... В шарообразность Земли Иллариону все же пришлось поверить, потому что на эту тему я прочитал ему почти двухчасовую лекцию. Верит он и в то, что, просверлив насквозь Землю, можно очутиться в Америке. Но почему же в таком случае люди не сверлят Землю - этого Илларион никак не может понять. На сей раз в нашей беседе принимает участие бабушка. Вместе со своей пряжей она примостилась тут же, на пеньке.

- Хорошо, сынок, вот ты говоришь, что сперва на свете появились животные, а потом человек. А кто же тогда доил коров и коз?

- Никто! Часть молока высасывали телята, а остальное проливалось...

- Слышишь, Илларион? Молоко проливалось!

- Это еще ничего, Ольга! Ты спроси-ка у него, как труд превратил обезьяну в человека!

- А ну, расскажи, сынок!

- А что тут рассказывать? Взгляни на Иллариона и Илико - сама убедишься!

- Эй ты, сопляк! Если зеркала нет, хоть в колодец посмотри на свою рожу! - обижается Илларион. - Ты лучше расскажи своей бабушке, какой ты набрался премудрости!

- Так вы все равно ничего не поймете!

- Стыдишься? - ухмыляется Илларион.

- Ну так расскажи ты, Илларион! - просит бабушка.

- А что рассказывать-то! Наплел какую-то чушь!

Послушать его, так получается, что обезьяна проголодалась

и

начала обрабатывать землю... - Смотри ты! .. Дальше?

- Не могла же она лежа копать? Ну и стала на ноги.

- Правда, сынок?

- Брешет он!

- Ага, отказываешься от своих слов?!

- Разве я тебе так объяснял?

- Хорошо, если б так! А то я половины не понял.

Я махнул рукой. Илларион продолжал:

- Так вот, начала обезьяна копать землю...

- А где она взяла заступ?

- Вот про это я забыл спросить! .. Эй ты, дурень, откуда у
твоей обезьяны взялся заступ?

- Как откуда? Пошла она в сельмаг к Оцойе и говорит: "Эй,
браток! Дай-ка мне вон тот восемнадцатирублевый заступ!" -
ответил я.

- А что, тогда Оцойя тоже был обезьяной? - спросил
Илларион.

- Оцойя, положим, и сейчас обезьяна! - вставила бабушка. -
С килограмма гвоздей украл добрых двести граммов да еще сдачу
недодал!

- Привет соседям!

Мы оглянулись. У калитки стоял улыбающийся Илико. Илларион
испытующе посмотрел на него и спросил:

- Илико Чигогидзе, признайся честно: как враг или как друг
ты к нам пожаловал?

- Ты по крайней мере можешь быть спокоен. Я об тебя даже
руки марать не стану! - ответил Илико. - Пришел к соседям за
советом!

- Ну тогда милости просим! Илико подошел к нам, еще раз

вежливо поздоровался и присел на бревно. Потом достал из кармана кисет, отсыпал себе табаку, а кисет спрятал обратно. Из другого карманов он достал другой кисет и протянул нам:

- Закурите?

Илларион взял кисет, открыл, понюхал табак и вернул обратно.

- Это, Илико, дорогой, принимай по порошку три раза в день. Таким, как ты, помогает!

- Опять наперченный? - спросил я.

- Нет, трава! - ответил Илларион. - Ну, не скажешь, зачем притащился? Илико даже не посмотрел на Иллариона, повернулся к бабушке и начал:

- Что с ним говорить, дорогая Ольга. Видишь, ядом брызжет. У тебя, правда, тоже сладкий сироп не бьет фонтаном, но ты - женщина мудрая, посоветуй мне, как быть, что делать? Уйти совсем из села или убить человека и сесть в тюрьму?

- Боже мой, какие страсти! .. Что с тобой случилось?

- Сейчас узнаешь... Как ты думаешь, легко ли было мне сплавлять дрова по Губазоули? Вот и Зурикела мне помогал тогда...

- Ну и что же?

- А то, что кто-то ворует мои дрова! Понимаешь? Какой-то бессовестный жулик тащит дрова! И никак мне не удастся поймать его! Какую ночь не сплю!

- Господи! И из-за этого ты хочешь убить человека?

- Горло перегрызу собственными зубами! Лишь бы схватить мерзавца!

- Что я тебе посоветую, Илико? Не пойманный - не вор.

- Но я-то обворован?

- Конечно!

- Ну, хорошо! ..

Илико решительно встал и направился к калитке.

- А ты сложил бы дрова у себя в комнате, - крикнул

Илларион, - или спал бы прямо на поленнице!

- Спасибо за добрый совет, Илларион! Если б не ты, что бы я делал, несчастный! - откликнулся Илико и ушел. В тот же вечер

Илико пришел к нам домой и притащил с собой огромного петуха с великолепными шпорами и ярко-красным гребешком.

- Что это такое, Илико? - удивилась бабушка.

- Неужели по нему не видно, что это петух?

- А что с ним такое?

- Ничего. Все болезни он еще в детстве перенес. Хороший драчун и прекрасный петух, Лаять только не умеет, а так лучше всякой собаки - никого во двор не пропустит. Хочу подарить твоему Зурико.

- Только этого не хватало моим бедным курам! - всплеснула руками бабушка. Но Илико уже не слушал. Он отвел меня в сторону и таинственно зашептал:

- Зурикела, дорогой мой, золотой, спаситель мой!..

- В чем дело, Илико?

- Ты привез из города капсюли?

- Ну, привез...

- Сколько?

- Штук тридцать...

- Уступи их мне - и я твой раб!

- Ты, часом, не в разбойники собрался?

- Не спрашивай! .. Ты только уступи мне эти капсюли, а взамен проси, что хочешь!

- Скажи мне, в чем дело, и капсюли - твои!

- Не выдашь?

- Илико!

- Не погубишь меня?

- Тебя?!

- Честное слово?

- Стыдись, Илико!!!

- Ну хорошо, идем ко мне!..

...До самого утра я и Илико сидели у поленницы, потягивали вино и закладывали в дрова динамит и капсюли. Отверстия мы аккуратно замазывали глиной.

У Илико было прекрасное настроение.

- Попался, голубчик? Куда ты теперь денешься?

Я-то знаю, кто крадет мои дрова, но, говорят, не пойманый - не вор, Вот теперь я его и поймал! Зурикела, я - гений!

- Илико, смотри, как бы не убило кого!

- Не бойся, убить не убьет, но жару задаст - будь здоров!

- Ну смотри, как знаешь...

- Зурикела Вашаломидзе! Если хоть одна живая душа узнает про капсюли, я зарежусь собственным ножом, и грех падет на твою голову! Запомни это! Я торжественно поклялся держать язык за зубами...

...Спустя неделю мы с Илларионом сидели у него во дворе и гнали водку. Весело клокотал огромный медный котел, по трубке с журчанием сбегала струйка горячей ароматной водки. Илларион любит крепкую водку. Время от времени он подносит к огню обмакнутый в водку палец. Если палец вспыхнет голубоватым пламенем - значит хороша водка. Если пламени нет - значит нужно

новое "сырье".

Время бежит незаметно. Мы по очереди подставляем под струйку пузатые винные стаканчики, потом охлаждаем горячий напиток в холодной воде и долго с удовольствием смакуем огненную влагу. Здесь, у котла, водку нужно пить медленно, медленно, закрыть глаза и потягивать из стаканчика, пока не покачнутся чуть-чуть деревья и ты не начнешь петь как угодно, говорить что угодно и смеяться над чем угодно. Я сижу у трубки, Илларион - у котла. Мы пробуем водку. Деревья слегка покачиваются, и мы смеемся над чем угодно, поем и снова смеемся.

- Мир и изобилие дому сему!

- Мир вошедшему! Ну-ка, Илико, испробуй!

Илларион подает гостю стаканчик. Илико медленно, с видом знатока тянет водку, чмокает губами, жмурится, потом не спеша ставит стакан и говорит удовлетворенно:

- Огонь! Медведя свалит!

Илларион самодовольно улыбается.

Илико отводит меня в сторону и торопливо шепчет:

- Взяли!

- Кого взяли?

- Дрова взяли, дурак! Сегодня жди взрыва!..

- Не может быть!

- Точно!.. Ну я пошел, а ты держи ухо востро!..

Илико ушел, хихикая и весело потирая руки. Илларион насупился:

- Что нужно кривому? Не мог при мне сказать?

- Зачем говорить, скоро сам узнаешь!

- А все же?

- Этой ночью нахохочемся вволю.

- Ну выкладывай, в чем дело!

- Я могу сказать, но... Потерпи немного, так будет интереснее!

- Продался кривому? Тьфу на вас обоих!

Илларион надулся и пошел за дровами. Я снова наполнил стакан водкой.

- Вот присосался как теленок! - крикнул Илларион. - Послал бог пьяницу на мою голову! Пересядь туда!

Мы меняемся местами. Горят, потрескивают дрова. Взлетают снопы искр. Вот пламя перекинулось на подброшенное только что полено, лизнуло его огненным языком. Полено затрещало, вспыхнуло, отлетел комочек прилипшей глины, и...

- Ложись, Илларион! - завопил я.

- Что такое?

- Ложись!!!

Илларион бросился на землю. Раздался взрыв, второй, третий... Котел подскочил и опрокинулся в костер. Я хотел что-то крикнуть, но рот мой был плотно забит золой. Залпы следовали один за другим. Высоко в небо взлетали горящие уголья, фонтаны искр...

Канонада длилась несколько минут. Когда все смолкло, я осторожно приподнял голову и огляделся. Илларион лежал, зарывшись головой в землю, и не двигался. Я вскочил, подбежал к нему и перевернул на спину. Он чуть приоткрыл глаза, провел рукой по измазанному землей и золой лицу и еле слышно простонал:

- Что произошло, Зурикела?

- Чтоб ты околел, Илларион Шеварднадзе! Какого черта ты

воровал дрова у кривого? Не мог сказать мне? - Что? Дрова?

Какие дрова?

- Обыкновенные! Те, что лежали во дворе у Илико! Сказал бы мне, черт носатый! .. Ведь я всю ночь собственными руками начинал их капсюлями!

- Зурикела Вашаломидзе! Постарался, напоил моей кровью Илико Чигогидзе! А теперь, пока цел, убирайся отсюда, не то что-то страшное сделаю - камни взвоят!

- Эй, хозяин! - спас меня чей-то окрик.

- Кто там?! - взревел Илларион.

- Это я, Илико. Пришел к тебе за советом. Кто-то дрова у меня ворует, так не сможешь ли изловить вора?

- Убью! - заорал Илларион, бросаясь к воротам.

...Илико явился утром. Лисой прокрался он во двор Иллариона, осмотрел место вчерашней катастрофы, сочувственно покачал головой, потом уселся под деревом и с ангельской улыбкой принялся извлекать капсюли из уцелевших поленьев...

КЛАД

Для деревенского парня, который учится в Тбилиси, самым любимым месяцем, казалось бы, должен быть июнь. Сданы экзамены, получена трехмесячная стипендия, теперь можно с легким сердцем отправляться домой. Впереди - лето, ночные набеги на соседние сады и огороды, рыбалка, охота... Было время, когда я, ученик сельской школы, тоже радовался наступлению лета. Но с тех пор как судьба связала меня с городом, июнь потерял для меня всякую прелесть. Судите сами: чему тут радоваться? Все лето над моей головой висит страшный меч - осенняя переэкзаменовка. Все

тройки в моей зачетной книжке нужно переправить на пятерки - без этой меры предосторожности лучше не показываться на глаза бабушке. Затем нужно выслушивать намеки Илико и Иллариона по поводу моей стипендии ("Ты что, опять отказался от стипендии?.."). Кроме того, Илларион не упускает случая, чтобы в присутствии бабушки завести разговор о моей любви к наукам, моем прилежании, о том, каких ему стоило трудов в бытность свою в Тбилиси отрывать меня от учебников... Наконец, возвращаясь в город, я должен все пятерки переделать опять на тройки!

Но, поскольку у меня, кроме моей деревни, бабушки, Илико и Иллариона, на свете нет никого и ничего, приходится мириться с положением и ехать к ним...

И вот я уже шагаю по извилистой тропинке, ведущей к нашему селу. Земля, трава, все вокруг мокро от недавнего дождя. Я сам промок до ниточки, ноги скользят по грязи. Тропинка круто взбирается в гору. Я ускоряю шаги, почти бегом преодолеваю подъем - и вдруг передо мною как на ладони открывается мое село. У меня слабеют колени, к горлу подступает соленый комок, и я присаживаюсь на камень. Я сижу долго, глотаю слезы и жду... Наконец из дома выходит бабушка. Она еще больше сгорбилась, но походка у нее по-прежнему бодрая. Я вскакиваю с места, хватаю свой пустой чемоданчик и с криком "бабушка-а-а!" мчусь вниз, под гору. Еще минута, и мы обнимаемся. Первой заговаривает бабушка:

- Жив, сыночек?

- Мертвый, но не признается! - язвит появившийся словно из-под земли Илларион.

- Небось проголодался, сыночек? - спрашивает бабушка.

- Ничего, я его за лето откормлю... Вместе с моей

Серапионой... - говорит Илико, весело потирая руки.

- Ну, расскажи, что нового в Тбилиси? Что молчишь, как на экзамене? - спрашивает меня Илларион и, не дожидаясь ответа, обращается к бабушке: - Какое вино принести, Ольга?

- Все,. - отвечает бабушка.

- Чем у тебя полон чемодан, не свинцом ли? скалит зубы

Илико, легко подбрасывая мой чемодан.

- Книги, наверное, привез! - ухмыляется Илларион.

- Никаких книг! . - восклицает бабушка. - Хватит с него занятий! Теперь он должен отдохнуть! Видите, на кого он стал похож? Кожа да кости!

- Да, да, конечно, ты права, Ольга! - хихикает Илико. -

Бедный ребенок! Ну разве можно так истязать себя!

- Вы бы взглянули на его библиотеку! - говорит Илларион.

Когдаходишь в его комнату, то на голову падает сперва книга, затем - кирпич. Все деньги, которые ему посылает бедная Ольга, он тратит на книги!

- Сыночек! - сокрушается бабушка. - Губишь себя?

Голодаешь? На кой черт сдались тебе эти книги? Лучше ешь на эти деньги, а то перестану посылать!

- Илларион Шеварднадзе, хватит тебе мутить воду! - пугаюсь я.

- Мы ведь о тебе заботимся! Учиться, конечно, нужно, но нельзя забывать и о здоровье! - говорит Илико.

- Бабушка, накрывай, ради бога, скорей на стол может, заткнутся эти вредные старики! - кричу я.

- Сейчас, сейчас, сыночек!

Спустя несколько минут мы сидим за столом и с аппетитом уплетаем вкусный обед.

- Можно к вам? - раздается с балкона.

- Пожалуйста. Кто это?

В комнату входит счастливая, смущенная, зардевшаяся Мери.

На ней новое, красивое платье.

- Бабушка, одолжите, пожалуйста, сито... Здравствуй,

Зурико!

- Здравствуй, Мери! - говорю я и встаю из-за стола.

- Вот оно висит за дверью, возьми, детка, - показывает

бабушка.

- Садись, Мери!

- Нет, спешу!

- Проводи девушку! - говорит мне Илико.

- Что вы, не нужно! - отказывается Мери.

- Это смотря кому как! - улыбается Илларион.

Мери, забыв про сито, быстро прощается и уходит, Я иду за ней. Бабушка, Илико и Илларион выходят на балкон.

Я догоняю Мери. Мы молча шагаем по дороге и чувствуем на себе ласкающий взгляд четырех глаз...

...На третий или четвертый день после моего приезда к нам во двор зашел Илико.

- Прохвост! Где ты? - позвал он.

- Чего тебе? - откликнулась бабушка.

Я лежал на тахте и отдыхал.

- С просьбой я, дорогая Ольга! Затеял я перекопать землю в винограднике, да вижу, не справится одному... Одолжи на пару дней твоего прохвоста, пока его паралич не разбил от безделья!

- Паралич тебе на язык! Нет, брат, мой Зурико уже не тот Зурикела, которого можно было гонять то туда, то сюда! Он теперь студент!

- Укутай ему ноги! Одень потеплее! Подумаешь, студент! Я за него беспокоюсь, чтоб не заржавел, а то - мне чихать!

- Что ты пристал ко мне, Илико?

- Болван! Вино пить любишь? Для тебя же стараюсь, неблагодарный.

- Мне работать запрещено! Правительство направило меня сюда отдыхать, понятно? Увидит кто-нибудь меня за работой, проговорится в городе - будет скандал!

- Не волнуйся, надену на тебя такой парик - сам черт не узнает!

Пришлось согласиться. Весь день я, Илико и Илларион работали, не разгибая спины.

- Завтра явиться чуть свет! - приказал Илико. Мы кивнули головой и поплелись домой. Шли молча.

- Нет, брат, так дело не пойдет! - вдруг заявил Илларион, надо придумать что-то, иначе этот проклятый виноградник доконает нас!

- Доконает! - согласился я Там работы хватит на сто лет!

- Ну вот и придумай что-нибудь, ты ведь теперь образованный человек!

- Что я могу придумать? Провести Илико не так-то просто...

- Да, это верно...

Я допоздна засиделся у Иллариона. Мы с наслаждением тянули охлажденное вино из маленького кувшинчика и ломали голову - как увильнуть от тяжелого труда в винограднике Илико.

- Этот кувшинчик я нашел в земле, - сказал Илларион, наполняя стаканы, - чуть не ошалел от радости: думал - клад!

- И что же?

- Ничего... Кувшинчик был полон обыкновенной земли...

- В старые времена люди с погибающего корабля бросали в море закупоренные бутылки или кувшины с письмами, - сказал я.

- Потом?

- Потом кто-нибудь находил бутылку, извлекал письмо и узнавал про судьбу тех людей...

- Что ты сказал?! - воскликнул вдруг просиявший Илларион.

- Письмо?! В запечатанном кувшине, да?

- Что с тобой, Илларион?

Илларион вскочил, опрокинул стол, обнял меня, расцеловал, потом начал носиться по комнате, хохоча и потирая руки:

- Ну, погоди, Илико Чигогидзе! Погоди! Сыграю я с тобой шутку, какой свет еще не видал! Письмо, да? Такое письмо напишу - за все расквитаюсь!

Я изумленно глядел на ошалевшего Иллариона, не понимая, что с ним происходит. А он выбежал в другую комнату, вынес листок бумаги, чернильницу с ручкой и, положив их на стол, крикнул:

- Садись, Зурикела! Садись и пиши! Нет, сперва изомни бумагу!

- Илларион!

- Мни, мни! .. Вот так! Теперь расправь!.. Так!.. Теперь пиши! Илларион закурил папиросу, прислонился к стене, закрыл глаза и начал диктовать:

- "Я, Леварсий Чигогидзе, пишу это письмо перед своей смертью. Прожил я жизнь без радости. В последнем куске хлеба себе отказывал, копил копейку про черный день. Подорвал свое здоровье. Вот и умираю теперь. Одно утешение - не пропали даром мои труды. У яблони, под большим камнем, зарыл я кувшин с золотом. Настанет время, найдет его мой мальчик. А может, и не

найдет. На все божья воля. Да хранит господь моего Илико.

Аминь".

Я разгадал дьявольский план Иллариона, но тут же усомнился:

- А он поверит письму? Почему, скажет, он зарыл его в землю? Не проще ли было передать прямо мне?

- Не мог он сделать этого! Ведь бедный Леварсий скончался, когда Илико не было и года!

- Хорошо, но почему он не сказал жене?

- Потому что Какано умерла еще раньше от родов.

- Тогда все в порядке! Обязательно клюнет! Мы сложили письмо трубочкой, обмотали тряпкой, брызнули водой и засунули в кувшинчик. Потом тщательно закупорили его и вышли из комнаты...

...На другое утро точно в назначенный срок мы были в винограднике. Илико дал нам по стаканчику водки и по кислому помидору с куском холодного мчади, и мы принялись за работу.

Солнце уже стояло высоко, а Илико и не думал устраивать перекур. Я стал с беспокойством поглядывать на Иллариона - не сорвется ли наша затея, - как вдруг заступ Илико издал подозрительный звон. Илико чертыхнулся, поднял заступ, осмотрел его и продолжал копать. Раздался треск разбитого сосуда. Илико опустился на одно колено и стал ощупывать землю.

Сначала он осторожно извлек горлышка, потом весь разбитый кувшинчик и удивленно посмотрел на нас.

- Что это? - спросил еще более удивленный Илларион. Илико не ответил. Он быстро вынул из кувшинчика тряпку и дрожащими руками развернул письмо.

- Дай-ка прочту! - сказал я.

- Отстань, я сам умею читать! - огрызнулся он и начал: -

"Я, Леварсий Чигогидзе, пишу это письмо перед своей смертью. Прожил я жизнь без радости. В последнем куске хлеба себе отказывал, копил копейку про черный день. Подорвал свое здоровье. Вот и умираю теперь. Одно утешение - не пропали даром мои труды, У яблони, под большим камнем..."

Илико задрожал всем телом, поперхнулся, закашлялся.

- Ну, чего ты стал? Читай дальше!

Побледневший Илико проглотил слюну и дико взглянул на Иллариона.

- Да скажи же, что там написано!

Я протянул к письму руку, но Илико резко оттолкнул ее, поднес

бумагу к глазам и прохрипел: - "Под яблоней, где лежит большой голыш... Сидел я днем и ночью... Так и прошла моя жизнь... Да хранит господь моего Илико... Аминь..."

Илико сложил дрожащими руками письмо и спрятал его в карман.

- Ничего не понимаю, - сказал Илларион, - зачем ему понадобилось закапывать письмо в землю? Положил бы на стол...

Я больше не мог вытерпеть. Чтобы не расхотаться и не провалить все дело, я сослался на страшную жажду и убежал к роднику. Нахохотавшись, я вернулся в виноградник. Илико и Илларион сидели на траве и курили.

- Пожаловал? Ну, за работу! - встал Илларион.

- Илларион, дорогой, может, хватит на сегодня? Что-то нездоровится мне...

- Да что ты!

Илларион взял Илико за руку, нащупал пульс. Тот прикинулся умирающим.

- Ты иди, Илико, приляг, а мы поработаем.

- Нет, Илларион, идите и вы, отдохните!

- Что ты, Илико, какой там отдых!

- Говорю тебе, идите!

- Бросить тебя больного, одного? Ни за что!

- И не подумаем! - добавил я.

- Сукин сын! Ты что, сегодня помешался на работе? Катись
домой! Илико терял терпение.

- Как же так, Илико, ведь день только начался?.. - Голос
Иллариона звучал сочувственно.

- Вы что, оглохли? Говорю вам - идите домой, оставьте меня
в покое!

- Тебя нельзя оставлять одного!

- Илларион Шеварднадзе! Христом богом тебя прошу: уйдите!

- А как же с виноградником?

- Не твоя забота!

- Что на тебя нашло, старик?

- Отстаньте! - заорал вышедший из себя Илико. -

Убирайтесь! Земля моя! Как хочу, так с ней и поступлю!

Слышите?!

- Воля твоя... Завтра прийти?

- Ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю!

Не нужна мне ваша помощь! Отстаньте от меня! Уйдите! -
завизжал Илико. - Понятно вам? Убирайтесь!

Мы выбежали со двора...

...Еле дождавшись утра, сгорая от любопытства, мы
подкрались к дому Илико. Огромный камень под яблоней, который
не могли бы сдвинуть десять дюжих молодцов, был отвален в
сторону. На его месте зияла черная яма. Оттуда доносилось

тяжелое дыхание и летели комья земли...

- Начал! - прошептал Илларион.

- Видно, всю ночь копал! - сказал я.

- Илико! - позвал Илларион.

Из ямы сперва показались руки, потом высунулась повязанная платком голова, наконец вылез сам Илико.

- Чего тебе? Какого черта притащился? !

- Пришел тебя проведать... Думал, заболел... А ты...

Что ты делаешь, Илико?

- Колодец копаю!

- Колодец? Так у тебя ведь есть и колодец и отличный родник!

- Есть! А теперь копаю еще запасной! Имею право?

- А в винограднике работать не будем? - спросил я.

- Вон! - крикнул Илико, вылезая из ямы. - Убирайтесь, ироды!

Задыхаясь от сдерживаемого смеха, мы с Илларионом выскочили на дорогу...

...Всю неделю Илико трудился в поте лица. Яма под яблоней превратилась в глубокий колодец. Не найдя в ней ничего, Илико стал копать другую яму. Прошло еще несколько дней. На Илико жалко было смотреть. Он осунулся, зарос бородой, еле двигался от усталости.

- Хватит с него! - заявил Илларион. - Умрет старик...

Сегодня ночью надо кончать.

С наступлением темноты мы залегли в засаде неподалеку от яблони и затаив дыхание стали ожидать триумфального конца нашей великой затеи.

Время близилось к полуночи, когда раздался скрип

отворяемой двери. Вскоре мы увидели Илико, Он подкрадывался к яме, точно партизан к вражескому часовому. Еще минута, и Илико исчез в ней. Мы подползли к самому краю ямы. В кромешной тьме колодца слышались учащенное дыхание и глухие удары заступа. Вдруг на дне ямы что-то звякнуло. Мы бросились в кусты, Спустя несколько минут из колодца с большим глиняным горшком в руках выкарабкался Илико. Он присел под яблоней, перекрестился и запустил руку в горшок... Лицо его приняло вдруг страдальческое выражение, он быстро выдернул руку из горшка и поднес ее к носу. Рука по самую кисть была вымазана в точной копии той дьявольской смеси, с которой при несколько иных обстоятельствах довольно близко познакомилась я и Илларион.

Илико долго сидел молча, не двигаясь, понутив олову.

Потом заговорил тихо, словно про себя:

- Иллариан Шеварднадзе, победил-таки ты меня! Осрамил на весь свет! Заставил вырыть два колодца из-за этой вот дряни! - Он пнул ногой горшок. - Что ж, твоя взяла! Пусть будет так!.. Знаю я, сидишь ты теперь где-то в кустах и ржешь, как жеребец... Сиди, сиди, так-то для тебя будет лучше! Покажешься ублю! Зарежу! .. А где этот ублюдок Зурикела? С тобой, конечно! Где же еще быть ему! .. Впрочем, ты тут ни при чем... Я сам, старый болван, виноват во всем! .. Нашел кладовладельца - своего нищего отца! .. О, разбить бы этот горшок о ваши подлые головы, а потом и умереть не жалко! .. Отойду немного, тогда и приходите, насладитесь победой, а до этого не смейте показываться! Прикончу обоих! Не вас, так себя ублю, избавьте от греха!..

Илико встал и направился к дому. Вдруг он повернулся к укрывавшим нас кустам и сказал:

- Завтра утром, с восходом солнца, жду вас в винограднике!

Попробуйте только опоздать, бездельники!

Мы выбрались из своей засады, взяли за заступы и до самого утра копали землю в винограднике нашего милого ворчуна Илико.

ПАКИЗО

У меня, бабушки, Илико и Иллариона есть одна общая корова. Зовут ее Пакизо. Пакизо - ровесница бабушки. Ну, если не бабушки, то Илико, во всяком случае. Вот уже пять лет, как Пакизо упорно отказывается от выполнения своих материнских функций. Как только мы ее ни кормили, чем только ни поили, какими только лекарствами ни пичкали - ничего не помогло: Пакизо не желала стать продолжательницей своего рода. Однако, несмотря на это, она доилась, и мы простили ей отсутствие материнских чувств. Согласно правилам компаньонства, Пакизо по очереди жила то у нас, то у Илико, то у Иллариона. Она одинаково любила и уважала всех своих хозяев и одинаково голодала у каждого из них. Это была на редкость рассеянная корова. Она охотно заходила в любой двор, где только видела раскрытые ворота; безропотно позволяла подоить себя каждому, кто только подходил к ней с подойником.

Этим летом Пакизо совсем отбилась от рук. Она перестала доиться, потеряла аппетит, похудела и, что самое главное, стала ужасно забывчивой: с трудом различала она бабушку, Илико и Иллариона, а меня и вовсе не узнавала. Одним словом, отжила свой век корова, поседела даже. Сначала мы пытались подарить ее друг другу, но, убедившись, что ничего не получается, собрались

у нас за круглым столом на совещание.

- Всему есть предел, - начала бабушка, - в том числе и коровьей жизни! Что теперь делать, как с ней поступить?

- Продадим, - сказал Илларион.

- Что, кости? Это тебе не слоновая кость, - сказал Илико.

- Почему кости? Мясо.

- А где его взять?

- Ну, тогда сдадим на заготовки! - сказал Илларион.

- Кто ее возьмет?

- Да-а... Это тоже вопрос...

- Может, за шкуру дадут?

- Уж сдохла бы лучше, - сказал я.

- Только похорон мне не хватает. Сдадим, а там пусть хоть памятник ей ставят, - сказал Илларион.

...С утра начались приготовления. Я скребницей чистил и причесывал Пакизо, Илларион поил ее рассолом, Илико пичкал свежей травой, а бабушка теплой водой растирала ей колени. К двум часам дня приукрашенную, раздувшуюся, словно бурдюк, Пакизо торжественно вывели со двора. До заготовительного пункта предстояло пройти добрых три километра. Не успели мы пройти метров сто, как вдруг бабушка вскрикнула:

- Стойте, вернуть ее нужно!

- В чем дело, Ольга? - спросил Илико. - Слава богу, зашагала корова, разве можно теперь останавливать ее?!

- Подоить забыла! Замучится, бедняжка!

- Бочку сюда! Скорей! - закричал Илларион.

Я побежал домой и принес чайный стакан. Бабушка, Илико и Илларион целый час по очереди доили Пакизо, я придерживал ее за рога, чтобы не упала. Наконец стакан, наполненный пенообразной

жидкостью, вручили мне.

- Поделим позже! - прыснул Илико, дергая за веревку.

Пакизо нехотя тронулась с места. Миновав село, мы вышли на широкое шоссе. Вдруг Пакизо опустилась на одно колено, затем на другое и жалобно замычала.

- Ну вот, нашла время молиться! - упрекнул ее Илико.

- Погоди, пусть отдохнет! - сказала бабушка.

- Этак мы и за неделю не доберемся! - проворчал Илларион.

- Дай-ка ей понюхать нашатырь! - обратился ко мне Илико.

Я ткнул флакон в нос Пакизо. Она фыркнула, потрянула ушами, но не двигалась с места.

- Пустить ей кровь! - распорядился Илико.

Илларион достал нож и полоснул им корову по уху, Пакизо вскочила на ноги и побежала.

- А ну, кто помоложе, бегом за ней! - скомандовала бабушка.

- Держите, а то улетит! - ухмыльнулся Илико.

- Не говори так, Илико, - обиделась бабушка, - а вдруг украдут?

Пробежав метров двадцать, Пакизо остановилась, оросила придорожную траву и снова легла.

- Плохо дело! Еще две-три такие лужи - и сдавать нечего будет, - сказал Илико.

Пакизо закрыла глаза. Пришлось полоснуть ей и по второму уху. Она сразу вскочила, помчалась по дороге и вскоре скрылась за поворотом.

Мы присели, покурили, отдохнули и не спеша продолжали путь. За поворотом дорога шла прямо, но Пакизо не было видно.

- Где корова? - встревоженно воскликнула бабушка.

Мы ускорили шаги. За следующим поворотом, наконец, увидели Пакизо: она лежала на обочине дороги, в тени кустарника, и отдыхала.

- Встань, Пакизо! - предложил Илларион.

Корова покосилась на него, словно спрашивая: "Ты в своем уме, дружок?"

- Вставай, вставай! - повторил Илико.

Пакизо не удостоила его ответа.

- Не хочешь вставать, Пакизо? - ласково спросила бабушка.

Корова отрицательно помахала хвостом, потом опустила голову на землю и закрыла глаза. Мы удрученно молчали.

Подошел прохожий. Он долго глядел на Пакизо, потом сочувственно спросил:

- Умерла?

- Спит после бессонной ночи! - ответил Илико.

Прохожий оглядел нас подозрительным взглядом и поспешил уйти.

- Ну, теперь вставай! - нагнулся к корове Илларион.

- Вставай, черт бы тебя побрал! - рассердился Илико.

Пакизо не обращала на нас никакого внимания. Тогда мы перешли к делу.

- А ну, Илларион, становись спереди!

- Плечо подставь, плечо!

- Держи ногу! Да не ту, другую!

- Теперь тяни ее за хвост!

- Эх, валерьянку забыли!

- Ну-ка, подбирай!

- Держи за хвост, Ольга!

- Возьми в руки ее ногу! Переставь вперед! Вот так!

- Пошла! Пошла!

- Ну, еще немного, держись, Пакизо!

- В конце концов, не так уж ты стара, как притворяешься!

...Смеркалось, когда мы кое-как добрались до
заготовительного пункта... У ворот Пакизо опять собралась лечь.

- Нашатырь! - зашипел Илларион. - Зурикела, подлец, куда
ты смотришь!

- Ну вас к черту, надоело! - огрызнулся я и выплеснул в
нос корове полбутылки нашатыря. Пакизо сорвалась с места и
бегом влетела во двор.

- Ставь ее на весы! Быстро! - шепнул мне Илларион, а сам
направился к уполномоченному по заготовкам.

- Здравствуйте! .. Корову привели...

- Фамилия!

- Коровы!

- Хозяина!

- Вашаломидзе, Чигогидзе, Шеварднадзе!

- Имя!

- Хозяина?

- Коровы!

- Пакизо.

Уполномоченный взглянул на корову и нахмурился:

- На что это похоже? - А что, разве не похожа на корову? -
удивился Илларион.

- В том-то и дело, что только похожа! Какая же это корова?

- Худовата, конечно, - согласился Илико.

- А почему она лежит?

- А тебе что, жалко? В весе она от этого не прибавит!

- Не умерла ли?

- Что ты, сынок! Не видел, что ли, как она резво вбежала во двор? - вмешалась бабушка.

- Всю дорогу играючи прошла, - подтвердил Илико.

Уполномоченный подошел к весам, нагнулся, потрогал Пакизо и тихо сказал:

- Корова мертва...

- Не может быть! Она, должно быть, спит! - запротестовал Илларион.

- Говорю, мертвая, не дышит!

- Может, ей храпеть прикажешь еще! Я подошел к корове и пощупал пульс, Спорить было бесполезно.

- Унесите ее со двора! - приказал уполномоченный. Мы перетащили Пакизо на дорогу и молча уселись вокруг.

- Не вздумайте оставлять корову на дороге! - крикнул со двора уполномоченный. - Заройте в землю или несите обратно домой!

...В небе зажигались первые звезды, когда Илларион нарушил наконец молчание:

- Нужно похоронить Пакизо...

- Может, оставим ее здесь и убежим? - предложил Илико.

- Ни в коем случае! - возмутился Илларион. - За покойником нужен уход.

- Надо сообщить родственникам покойницы. Состав, Зурикела, текст телеграмм! - поручил мне Илико.

- Смейся, смейся, кривой черт! - напустился на него

Илларион. - Эта корова, если хочешь знать, мне была дороже матери - я вскормлен ее молоком!

- Ольга, скажи, что делать? - обратился Илико к бабушке, которая до сих пор сидела молча и утирала рукавом слезы.

- Похороним несчастную, но где и на какие деньги?..

- Мда-а-а... - протянул Илларион.

На дороге показался босоногий мальчуган. Он шел и весело насвистывал,

- Поди сюда, пацан! - позвал его Илларион.

Мальчишка подошел.

- Как твоя фамилия?

- Симонишвили.

- Где ты живешь?

- Вон там... - Мальчик ткнул рукой куда-то в темноту.

- Как тебя зовут?

- Марат!

- Гм... И много у твоего отца таких... Маратов?

- Шесть девочек и один мальчик.

- Поздравляю его! .. Видишь корову?

- Разве это корова?

- Поговори у меня! Эта корова своим молоком, сыром и маслом вырастила сотню таких бездельников, как ты! Понимаешь?

Ты не думай, что она беспризорная. Мы ее хозяйева. Правда, она

сейчас мертвая, но все равно она лучше многих живых!.. В

некоторых странах корову почитают как божество... Как

называется эта страна, Зурикела?

- Индия.

- Да, в Индии на коров молятся... Корова...

- Дядя, скажи, что тебе нужно, я спешу! - заявил Марат.

- Мне ничего не нужно. Нужно похоронить корову... На тебе червонец, сбегай домой, приведи своих сестер, принесите заступы, лопаты и похороните корову! Понятно тебе?

- Десять рублей мало...

- На еще червонец!

- Мало...

- Бери еще пять!

- Мало...

- Вот тебе еще три рубля!

- Мало...

- Что мало, сукин ты сын?! Двадцать восемь рублей за одну дохлую корову - этого тебе мало?!

- Ну и пусть себе валяется, - сказал Марат и собрался уходить.

- Стой! Иди сюда, мерзавец! Сколько же ты хочешь?

- Пятьдесят рублей!

- Пятьдесят рублей?! - Илларион, скрипя зубами, отсчитал мальчишке пять червонцев. - Похоронишь сегодня ночью!

- Сегодня уже поздно... Завтра на рассвете- зарю...

- Не зароешь, а похоронишь, сукин сын! А теперь посмотри мне в глаза и запомни: завтра утром я приду сюда и если здесь, на этом месте, не увижу могилы, спалю всю твою семью! Понял?

- Понял! - ответил Марат и растворился в темноте...

...Ровно неделю спустя я стоял на балконе нашего дома и с выражением читал бабушке, Илико и Иллариону повестку районной санинспекции, которую вместе со штрафной квитанцией только что вручил мне сторож сельсовета:

"Гр. гр. Вашаломидзе, Чигогидзе, Шеварднадзе. Такого-то июля такого-то года на центральном районном шоссе вами оставлен без присмотра труп коровы, в результате чего на указанной территории создавалась угроза возникновения очага эпидемического заболевания, а также имело место распространение невыносимого запаха, вызвавшее справедливое возмущение населения, в связи с

чем вы оштрафованы на 300 рублей. Подпись: главный врач райсанинспекции".

- Мне кажется, весь этот штраф уплатит Илларион, - сказал Илико после минутного молчания.

- Почему только Илларион? - спросила бабушка.

- Потому что эта корова была ему дороже матери, он ее молоком вскормлен, - ответил Илико.

- А кто первый предложил сдать корову на заготпункт? - прошипел Илларион.

- Ты и предложил, - напомнил я.

Илларион не произнес больше ни слова. Он отправился домой, заперся в комнате и просидел там целый день.

Я и Илико отмахали по шоссе чуть ли не двадцать километров, останавливая каждого встречного мальчишку и ласково спрашивая имя, но ничего хоть отдаленно напоминающее имя Марата мы так и не услышали...

Я уже не сельский парень Зурикела. Теперь я взрослый человек, с высшим образованием. В моем дипломе записано, что я, Зураб Владимирович Вушаломидзе, являюсь экономистом, что мой диплом и моя профессия имеют силу в любой республике, в любом городе, в любом селе Советского Союза. На груди у меня красуется университетский значок; И мне совсем не жаль, что ради него пришлось продырявить совершенно новый костюм.

Я возвращаюсь в родное село, где меня, как восходящее светило, ждут не дождутся бабушка, Илико, Илларион и Мери. Я вернусь домой, заложу перед домом виноградник и спустя три года соберу первый урожай цоликаури. Я буду жить и работать в деревне, у меня будет дом, а во дворе - Мурада.

У меня будет моя Мери и двенадцать детей - одиннадцать

сыновей и одна дочка - красивая синеглазая Цира. Я буду часто ездить в город и привозить моей жене и детям подарки и книги. И бабушке привезу подарки, такие подарки, что она будет плакать от радости.

А еще я привезу подарки Илико и Иллариону, такие подарки, что они не посмеют надо мной смеяться.

Я поеду к тете Марте и отвезу ей подарки от бабушки, и тетя Марта тоже заплачет от радости.

А потом я поселю в моем доме всех - Илико, Иллариона, тетю Марту. Мы будем жить вместе. У меня будет много детей, внуков, правнуков. Нас будет много, очень много, целое село. А потом нас станет еще больше, и весь мир будем мы. Мы никогда не умрем, мы будем жить вечно...

Так думаю я, Зурикела Вашаломидзе, и бодро шагаю по тропинке, ведущей к нашему селу. Тропинка круто взбирается в гору. Я добираюсь до самой верхушки, сажусь на камень и вижу как на ладони все наше село, вижу наш двор. Над моим домом вьется сизый дымок, но бабушки во дворе не видно. Я долго сижу и жду, потом бегу вниз по склону.

- Бабушка-а-а!

Ответа нет. Я избегаю по лестнице. Кругом тишина. Я захожу в комнату. В комнате полумрак, На кровати лежит бабушка. Я наклоняюсь к ней - она спит.

На цыпочках выхожу на балкон и вижу Илико и Иллариона.

- Здравствуйте! - улыбаюсь я им.

- Здравствуй! - вяло отвечают они.

- Что с вами?

- Вчера вечером ей стало плохо... Думали, не протянет до утра... Телеграмму получил?

- Какую телеграмму?

- Плохо ей было, умирала... - выдавил Илико, Я рванулся к двери. - Не ходи, пусть поспит...

Я покорно присел.

...Бабушка проспала до вечера. Вдруг она открыла глаза и уставилась на меня. Долго-долго смотрела, потом тихо спросила:

- Илларион, я во сне, или это на самом деле мой мальчик?

- Это я, бабушка! - сказал я и припал к груди бабушки.

- Приехал, дорогой? Сердце, наверное, почувало? А ты как думал? Вот и мой черед настал... Илико, накормили ребенка?

- Накормили, Ольга.

- Вином угостили?

- Не захотел...

- Почему, сынок? Иди выпей. Для тебя оно...

Пей на здоровье... И угости соседей на моих поминках...

- Что ты говоришь, бабушка?

- Вот и подбородок уже задрожал... Эх ты, дурачок! ..

Спета моя песенка... И правильно. Семьдесят три года - срок немалый... Хватит с меня... И все же, прости меня господи, не насытилась я жизнью... Таково, видно, сердце человеческое. Пожить бы еще немного...

- Полно, Ольга, да ты еще с десяток таких, как мы, переживешь, - попытался пошутить Илларион.

- Илларион Шеварднадзе, утри-ка сперва слезы, а потом шути... Окончил университет, сынок? - спросила она меня.

Я достал из кармана диплом и протянул бабушке. Она любовно погладила диплом, потом передала его Иллариону и попросила прочесть, Илларион прочел и вернул диплом. Бабушка долго молчала, по вискам ее тоненькой струйкой текли слезы. Потом она

возвратила диплом мне и сказала:

- Теперь сядь и выслушай меня, сынок... Не дотяну я до утра, Благодарю бога, что он не дал мне умереть до твоего приезда. Завещания я не писала, но все, что видишь вокруг, - твое...

- Пропади все пропадом, если тебя не будет! воскликнул я и, рыдая, припал к постели бабушки.

- Пригодится, все пригодится, сынок... Ну, поплачь, поплачь. А как же? Внук должен оплакать бабушку... Ну, теперь хватит, хватит уже, сынок, - бабушка нежно погладила меня по голове. - Не теряй, сыночек, этих людей. Тобой живут Илико и Илларион. Люби их и всегда слушайся во всем...

Илико и Илларион, уткнувшись в стену, всхлипывали, как дети.

- Оставьте меня с моим мальчиком... - Илико и Илларион не сдвинулись с места. - Да выйдите вон, кривые черти! Слыханное ли дело - справлять панихиду по живому человеку? .. Мы остались вдвоем.

- Подойди ко мне, мой мальчик, хочу поцеловать тебя...

Я наклонился к бабушке. Она осыпала поцелуями мой лоб, волосы, глаза, лицо, руки, Потом привлекла к себе и долго не выпускала из объятий.

- Дай мне стакан вина!

Я подал ей молоко. Бабушка молча выпила его и сказала:

- А теперь налей мне вина...

Я налил. Бабушка взяла стакан, приподнялась на постели и простерла руки к потолку:

- Боже правый, боже всесильный, мать божья, пресвятая дева Мария, вам поручаю я моего мальчика .. Храните и

оберегайте его... Будьте его покровителями в беде... Продлите дни жизни его и его потомства... Аминь...

Бабушка отпила глоток вина и возвратила мне стакан. Потом спокойно сказала:

- Потуши свет и выйди...

Я повиновался. Когда спустя несколько минут я снова вернулся к бабушке, она уже не дышала. Я наклонился к ней и долго, долго всматривался в ее милое, дорогое лицо. Кто-то вошел в комнату и стал за моей спиной. Я слышал чье-то дыхание и чувствовал, что это дыхание всегда будет со мной, всю жизнь. Я не оглядывался, но знал, что это Мери, моя Мери, озарившая темную комнату светом. Потом я все же оглянулся. Оглянулся, чтобы увидеть этот свет и в его лучах моего Илико, моего Иллариона и мою бабушку...